

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ

ФГБОУ ВО
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИНЖЕНЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ»

РЕГИОНАЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ СОДЕЙСТВИЯ ПОВЫШЕНИЮ УРОВНЯ И КАЧЕСТВА
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ «ОБЪЕДИНЕНИЕ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ
ИСТОРИИ В ВУЗАХ РОССИИ» ПО ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ

**РОССИЙСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ:
ФОРМИРОВАНИЕ, ИСТОРИЯ,
СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ
(ФИЛОСОФСКО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД)**

Монография

*Под общей редакцией
И. В. Черниговских*

УДК 159.923.2
ББК 88.531 + 87.542.7
Р 76

А в т о р ы:

проф. А. В. Бабаева, проф. Н. Ф. Банникова, проф. Г. А. Быковская,
доц. Д. А. Баранов, доц. С. В. Барышников, доц. А. Н. Злобин,
доц. С. И. Сулимов, доц. И. В. Черниговских, доц. В. Д. Черных,
доц. С. Ф. Шатилов, доц. О. И. Шмырева

Р е ц е н з е н т ы:

д-р ист. наук В. А. МАКЕДОНСКАЯ
(НИЯУ «Московский инженерно-физический институт»);
д-р филос. наук С. А. СИМОНОВА
(Московский государственный психолого-педагогический университет)

Российская интеллигенция: формирование, история, современные проблемы (философско-исторический взгляд): монография / Г. А. Быковская, А. В. Бабаева, Н. Ф. Банникова [и др.] / под общ. ред. И. В. Черниговских ; Воронежский государственный университет инженерных технологий. – Воронеж: ВГУИТ, 2024. – 212 с. – Текст: непосредственный.

ISBN 978-5-00032-692-3

Монография посвящена проблемам изучения истории и ценностей русской интеллигенции. Акцентируется внимание на таких аспектах, как философский, исторический, культурологический и психологический контекст понимания понятия «Интеллигенция».

Издание рассчитано на преподавателей, аспирантов, студентов высших учебных заведений, на ученых-обществоведов и всех, кто интересуется различными проблемами формирования интеллигенции и проявлением противоречий процесса идентификации.

Р 0302020000 Без объявл.
ОК2 (03)-2024

УДК 159.923.2
ББК 88.531 + 87.524.7

ISBN 978-5-00032-692-3

© Бабаева А.В., Банникова Н.Ф.,
Быковская Г.А., Баранов Д.А.,
Барышников С.В., Злобин А.Н.,
Сулимов С.И., Черниговских И.В.,
Черных В.Д., Шатилов С.Ф.,
Шмырева О.И., 2024
© ФГБОУ ВО «Воронеж. гос. ун-т
инж. технол.», 2024

Оригинал-макет данного издания является собственностью Воронежского государственного университета инженерных технологий, его воспроизведение (воспроизведение) любым способом без согласия университета запрещается.

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ

Д. С. Лихачев об интеллигентности и интеллигенции

Обращение к творчеству академика Дмитрия Сергеевича Лихачева (1906–1999) применительно к исследуемому в монографии вопросу не случайно: именно благодаря ему на рубеже 80–90-х годов XX века тема интеллигенции вновь, как и в первой четверти XX века, стала в России предметом особого дискурса. Д. С. Лихачев является одним из символов этого сложного и неоднозначного периода отечественной истории, а его жизнь – воплощением судьбы русской интеллигенции. Деятельность Д. С. Лихачева – крупного ученого-филолога, специалиста по древнерусской литературе – в данный период была поистине обширна, выходя за пределы только научной работы. Это и популяризация гуманитарной науки, и активная общественная деятельность, в первую очередь, направленная на защиту культуры и ее ценностей. По его инициативе состоялся Учредительный съезд Конгресса интеллигенции Российской Федерации (Москва, 10–11 декабря 1997 г.), где была принята разработанная ученым Декларация прав культуры.

Важно отметить, что понятия интеллигенция и интеллигентность рассматриваются Д. С. Лихачевым в гуманитарном и духовно-нравственном измерении. Эти понятия, безусловно, взаимосвязаны как этимологически, так и сущностно. Сам ученый неоднократно в своих работах, затрагивающих данную тему (в публицистических по преимуществу, а также в обращенных к юным читателям «Письмах о добром и прекрасном»), постоянно переходит от одного понятия к другому, существенно их не разграничивая, но и не отождествляя.

Интеллигентность, по Д. С. Лихачеву, нельзя путать с образованностью. В «Письмах о добром и прекрасном» в письме двенадцатом «Человек должен быть интеллигентен» Лихачев это особенно подчеркивает: «Образованность живет старым содержанием, интеллигентность – созданием нового и осознанием старого как нового». Открытость к новому знанию, но при этом интерес к истории и уважение к культуре прошлого, воспитанность, нравственная ответственность, богатство и точность языка относятся к признакам интеллигентного человека. Интеллигентность равна нравственному здоровью человека, предполагает способность к

пониманию другого, терпимость, предполагает постоянные духовные усилия личности¹.

При этом образованность также важна, она способствует стремлению к новому знанию. «Чем больше знает человек, тем легче он приобретает новые знания. Думают, что знания толкутся и круг знаний ограничен какими-то объемами памяти. Совсем напротив: чем больше знаний у человека, тем легче приобретаются новые. Способность к приобретению знаний – это тоже интеллигентность»².

Интеллигенты, по мысли Д. С. Лихачева, это не просто представители профессий, связанных с умственным трудом (инженеры, врачи, ученые, художники, писатели), но обладающие умственной порядочностью, свободные в своих убеждениях, а не «обслуживающие» чей-либо социальный заказ и интересы. Основной признак интеллигентности, как подчеркивает Лихачев, – это интеллектуальная свобода как нравственная категория. «Не свободен интеллигентный человек только от своей совести и от своей мысли»³.

Д. С. Лихачев справедливо затрагивает вопрос: может ли человек относиться к интеллигенции, но быть неинтеллигентным? С падением общей образованности возникает явление, которое Д. С. Лихачев характеризует как «полуинтеллигентность». В письме к Н. В. Мордюковой он пишет: «Полуинтеллигенты – это самая страшная категория людей. Они воображают, что все знают, обо всем могут судить, могут распоряжаться, вершить судьбами и пр. Они никого не спрашивают, не советуются, не слушают (глухи и морально). Для них все просто. Настоящий же интеллигент знает цену своим «знаниям». Это у него основное «знание». Отсюда его уважение к другим, осторожность, деликатность, осмотрительность в решении судеб других и крепкая воля в отстаивании нравственных принципов»⁴.

¹ Лихачев Д. С. Письма о добром и прекрасном // Преодоление времени: Важные мысли и письма. – М., 2016. – С. 19.

² Лихачев Д. С. Вокруг разговоров об интеллигентности // Письма о добром и прекрасном. – М., 2023. – С. 374.

³ Лихачев Д. С. О русской интеллигенции. Письмо в редакцию. – Новый мир. – 1993. – № 2. – С. 3.

⁴ Лихачев Д. С. Письмо Н. В. Мордюковой // Письма о добром и прекрасном. – М., 2023. – С. 377.

Интеллигентность по Д. С. Лихачеву, это, в первую очередь, духовно-нравственная характеристика человека. В этом смысле и ученые не всегда бывают интеллигентны, «когда, слишком замыкаясь в своей специальности, забывают о том, кто и как может воспользоваться плодами их труда. И тогда, подчиняя все интересам своей специальности, они жертвуют интересами людей или культурными ценностями»¹. Таким образом, подход философа к пониманию сущности интеллигентности и природы самой интеллигенции можно охарактеризовать как ценностный (аксиологический) и культурологический. Во многом это определяется культуроцентричностью лихачевской концепции человека и общества, его взглядами на культуру в ее целостности, многообразии и динамике. Отсюда интеллигенция рассматривается как социокультурное явление и результат культурного развития общества, а интеллигентность – как результат духовно-нравственного и интеллектуального развития личности.

Самосознание русской интеллигенции всегда актуализировалось в своих проявлениях в рубежные и кризисные периоды российской истории. В этом смысле оценки и характеристики, которые дает Лихачев интеллигенции, наследуют тем исканиям и противоречиям, которые свойственны русской интеллигенции в целом. Современность вновь ставит перед интеллигенцией задачи самоопределения. А развитие подлинной интеллигентности, основанной на культуре и традиционных духовных ценностях, становится идеалом и важнейшей задачей формирования не только национально ориентированной и социально ответственной элиты, но и духовного развития современного российского общества в целом.

¹ Лихачев Д. С. О русской интеллигенции. Письмо в редакцию. – Новый мир. – 1993. – № 2. – С. 4.

ГЛАВА 1. РАННИЙ ПЕРИОД: ИСТОРИЧЕСКИЙ СРЕЗ

1.1. Поиск пути к Знанию: Сильвестр Медведев, Симеон Полоцкий, Епифаний Славинецкий

Форма одновременного взаимопроникновения и противодействия двух типов мышления – древнерусского и европейского весьма характерна для второй половины XVII века. Упорядочение религиозного культа на Руси, приведение его к единству с Восточными Церквями обуславливались не только внутренними потребностями государства, но и его планами во внешней политике. В результате XVII век во многом оказался тем самым переходным временем, когда ряд процессов государственного развития приходят к своему логическому завершению, а в их недрах зарождаются, вырастают и укрепляются новые тенденции. На развитие новых направлений оказывало огромное влияние религиозное мировоззрение, в частности в части касающейся получения знаний как общегуманитарного и технического характера так и обоснования религиозной парадигмы и консолидации русской Церкви на позициях Вселенской, Первенствующей Церкви после упадка Византийской Церкви и самой государственности.

Как ни парадоксально, но проблемы поиска образовательной системы и выработки механизма приобщения к мировому процессу просвещения были неразрывно связаны и, более того, определялись теми религиозными поисками и попыткой упорядочивания религиозного культа, которые происходили на Руси XVII в., что обуславливалось потребностями как внутренней жизни общества и государства, так и его планами во внешней политике.

Для выработки единого подхода к осознанию новых задач, стоящих перед страной, необходимо было создание новой мировоззренческой концепции, максимально отвечающей потребностям общества.

Одной из крупных проблем данного периода было отсутствие систематического образования, что приводило к многочисленным и разнообразным негативным последствиям. В Москве XVII века не было в собственном смысле школ, в которых преподавались бы какие-либо науки системно. Московское образование явилось результатом интерференции нескольких исторических процессов.

Происходило усиление западного прозелитизма, католического и протестантского, сопровождавшееся активным влиянием иезуитов на образование в Европе, что делало недопустимым мысль о восприятии системы европейского образования. Естественно, в этот период Церковь активно пропагандирует необходимость образовательно-богословской защиты от экспансии. Таким образом, система европейского образования была неприемлемой. Грамотность и некоторое книжное просвещение было сосредоточено в монастырях, которые обладали обширными библиотеками по древней письменности. Именно монастырское образование давало знания лицам духовного звания, которые стали впоследствии известны как замечательные деятели в истории нашего древнего просвещения. Недостатком такого рода образования являлось начётничество, проявляющееся в неглубоком, некритичном усвоении многочисленных источников информации без обдумывания и выработки собственного мнения относительно изученных материалов.

Поэтому, даже монашеское духовенство в древней Руси в большинстве не могло подняться выше простого усвоения догматических истин, переданных Византийской империей. Преп. Максим Грек в своих сочинениях указывает на низкий уровень образованности духовенства: «не навывкнув по существу тайны священные философии богословцев, они по чернилуточию проходят ... сего ради множайшими согрешают»¹. Подобные свидетельства встречаются у Флетчера², Олеария³, а Юрий Крижанич прямо говорит: не знаю, кто первый посеял на Руси столь ложный предрасудок, или мудроборскую ересь, по которой говорят: богословие, философия и языков учение несть ино, еже ересь»⁴. Некоторые считали начитанность самодовлеющей мудростью и прямо отрицали всякое книжное учение, как например Логгин, который в деле справщика Дионисия о исправлении чина Великого освящения

¹ Максим Грек, преп. Сочинения преподобного Максима Грека в русском переводе. Часть третья. Разные сочинения. – Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1911. – С. 70.

² Руцинский Л. П. Религиозный быт русских у иностранцев XVI и XVII веков. – М., 1871. – С. 170.

³ Там же. С. 172.

⁴ Крижанич Ю. Политика. – М., 1997. – С. 110.

воды называл ересью «хитрость грамматическую и философию книжное»¹.

Следует отметить, что попытка исправления явной ошибки в чине Великого водоосвящения является тем самым примером, который указывает на участь реформаторов. Ведь изменения текста привели как раз к наказанию самих справщиков, один из которых в связи с этим негодовал: «егда азбуке умеют, не знают, кои в азбуке письма гласные, и согласные, и двогласные; а еже осьмь частей слова разумеюти и к сим пристоящая, сиречь роды, и числа, и время, и лица, звания же и залоги, то им ниже на разум всхаживало. Священная же философия и в руках их не бывала»². Преподобный Дионисий подчеркивал, что это «не простое только невежество, но и невежество самоуверенное, надмевающееся»³. Вот что пишет, например, известный Филофей Псковский, автор концепции Москва Третий Рим: «братие, не высокоумствуйте, но во смирении пребывайте, по сему же и прочая разумевайте. Аще кто тиречет: веси ли всю философию? И ты ему рцы: Еллинских борзостей не текох, ни риторских астроном не читах, ни с мудрыми философы в беседе не бывах; учуся книгам благодатного закона, аще бы мощно моя грешная душа очистити от греха»⁴.

Образование вне монастырей сосредотачивалось в среде самостоятельных индивидуальных мастеров, учивших детей читать и писать. Однако и такое образование с одной стороны ограничивалось знанием самого учителя, а с другой – не поднималась выше простого умения чтения и письма, осмысление же отдавая всецело на самостоятельное усвоение ученика. Можно предполагать о появлении в конце XVI в. частных школ при отдельных приходах, но их удельный вес был чрезвычайно мал⁵. А последующие события

¹ Татарский И. Симеон Полоцкий (его жизнь и деятельность): опыт исследования из истории просвещения и внутренней церковной жизни во вторую половину XVII в. – М., 1886. – С. 5.

² Карташев А. В. Очерки по истории русской церкви: В 2 т.: Собрание сочинений. – М., 1992. – Т. 2. – С. 91.

³ Библиотека литературы Древней Руси. – СПб., 2006. – Т. 14. Конец XVI – нач. XVII века. – С. 386.

⁴ Татарский И. Указ. соч. С. 18.

⁵ Смирнов С. К. История Московской славяно-греко-латинской академии. – М., 1855. – С. 4.

Смутного времени ликвидировали и эти немногочисленные попытки.

Такой недостаток образовательных средств и учреждений в Московской Руси естественно породил в ней недостаток просвещения, или, лучше сказать, оба эти явления были так тесно и органически связаны здесь между собою, что одно обуславливалось другим, одно вытекало из другого. При этом недостаток просвещения в русском обществе XVI и XVII в. распространялся на все сословия. Так в XVI в. часто встречаются записи и грамоты, где замечено, что князья и дети боярские потому не приложили к ним рук своих, что «грамоте не умеют»¹.

После окончания Смуты этот существенный недостаток в государстве очевидно начинал тяготить царскую и церковную власть. Примером участия государства в деле привлечения иностранцев является приглашение царем Михаилом Федоровичем ученого голштинца Адама Олеария: «Ведомо нам учинилось, что ты гораздо научен и навывчен астрологии, и географус, и небесного бегу, и землемерию и иным многим подобным мастерствам и мудростям, а нам великому государю таков мастер годен»². Существуют свидетельства, что при патриархе Филарете в 1633 г. учреждается первая греко-латинская школа при Чудовом монастыре.

Среди учебных заведений – предшественников академии особое место принадлежит училищу при церкви Иоанна Богослова. Программа его выходила за рамки обычной приходской школы. В нем изучались греческий язык и грамматика, а инициаторами организации нового учебного заведения выступили не церковные «власти», а сами прихожане – простые москвичи.

Долгое время единственным документом об училище была челобитная прихожан Иоанно-Богословской церкви с просьбой открыть при ней «гимнасион». Впервые о ее существовании, а также о «благословенных грамотах» на открытие училища, датированных 1669 г., сообщил А. В. Горский³.

¹ Татарский И. Указ. соч. С. 28.

² Соловьев С. М. Сочинения. В 18 кн. – М., 1995. – Кн. V. Т. 9–10. История России с древнейших времен. – С. 357.

³ Горский А. В. О духовных училищах в Москве в XVII столетии // Прибавления к творениям Святых Отцов в русском переводе. – М., 1845. – Ч. 8. Кн. 2. – С. 147–197.

По некоторым сведениям, Ф. М. Ртищев неоднократно пытается организовать частные школы. При церкви св. Андрея Стратилата у него находилось тридцать иноков, приглашенных из разных малороссийских монастырей. В 1649 г. вызваны были ученые иноки Киево-Печерского монастыря Епифаний Славинецкий, Арсений Сатановский и Дамаскин Птицкий, «изящные», по современному свидетельству, «во учении грамматики славенской и греческой, даже до риторики и философии, хотящим тому учению внимати»¹.

Тесно связанной с поиском совмещения возможности получения образования и сохранения неизменности вероучительных истин являлась проблема недостатка образовательных кадров. Неоднократные попытки решения этой проблемы не меняли ситуации кардинально, поскольку на роль дидаскалов подбирали по критериям свидетельств благочестия и православия, знания отдельных наук или языков, причем нередко только греческого или латинского, что создавало в дальнейшем затруднения.

Систематическое образование имело место в Европе, начиная с XI века, однако оно тесно было связано и находилось под эгидой католической Церкви, впоследствии, отчасти попадая под влияние протестантизма. Сложно сказать, что более было неприемлемо и недопустимо русской Церковью, однако, безусловно, многие ее выдающиеся представители искали возможность получения некоего истинного, чистого, неискаженного ересями, источника истинных знаний, прежде всего религиозного характера, а затем, через призму христианства и всех остальных сфер общественной жизни. Западноевропейские учителя вызывали закономерное опасение, поскольку проходили обучение в католических заведениях. Поскольку опыт Западной Европы признавался негодным, делались попытки обращения к Восточным Церквям, однако они также не получили должного развития, на том основании, что греческое благочестие и чистота их веры оказывались под сомнением, точнее почти отвергались. Ярким примером проявления такой попытки является поездка старца Арсений Суханова на Восток, на Афон за книгами, будто бы содержащими истинное неискаженное христианское обрядовость и Предание, а также, его же, Суханова, споры с греческими монахами и иерархами по поводу истинности грече-

¹ Богданов А. П. Русские патриархи (1589–1700). – М., 1999. – С. 86.

ской Церкви и сохранения ими неизменности догматов христианства и обрядов веры.

Следующей попыткой и следующий направлением получения образования и источником образованных кадров, являлась юго-западная Русь, Киевская духовно-образовательная традиция, в частности Киево-Могилянская академия, занимавшая некое, промежуточное значение между западными и восточными богословскими школами. В Москве является целый ряд ученых выходцев юго-западной Руси, открывших здесь, не смотря на сильную оппозицию всякого рода «мудроборцев», широкую просветительскую деятельность. Однако, влияние образованности, приходящей через Киево-Могилянскую академию, а впоследствии и Славяно-Греко-латинскую академию привносили на Русь идеи католицизма и протестантизма, что с одной стороны, не могло не сказаться на векторе последующего развития Московского государства, а с другой – более менее обосновано заставляло относиться к этому направлению также настороженно¹.

Таким образом, во второй половине XVII века в Московской Руси развернулась борьба двух противоположных направлений в общественном сознании, борьба старых идей с новыми, традиционных начал образования и жизни с пришлыми, возникшими под влиянием западноевропейской образованности.

С одной стороны здесь являются приверженцы старины и отеческого предания, с другой – выступает имевшее поддержку в правительственных сферах государства и церкви образованное меньшинство, избравшее для себя новый путь, получивших свое образование в школах юго-западной Руси.

Однако и среди этих выходцев киевской учености не было единообразия. Ярким представителем такого направления киевской учености был выдающихся талантливых и просвещенных деятелей второй половины XVII в. является Симеон Полоцкий, (1629–1680) церковный и общественный деятель, ученый богослов, духовный писатель, гомилет и полемист. Один из самых выдающихся представителей открывшегося на Руси просветительного движения оставивший после себя огромное количество сочине-

¹ Лаппо-Данилевский А. С. История русской общественной мысли и культуры XVII–XVIII веков. – М., 1990. – С. 28.

ний различного толка, а также проект высшего училища, организованного по образцу западных университетов. Неизвестно ни его мирское имя, ни социальная среда происхождения, ни его отец¹. Он родился в Полоцке, где и получил первоначальное образование в старорусском манере – по часослову и псалтыри.

Симеон Полоцкий относился к той плеяде ученых, которые решительно стояли на позициях западноевропейской образованности, он стал в противоречие с другими не менее образованными и выдающимися замечательными современниками, которые, принимая участие в просветительном движении, осуществляли его на началах византийского образования. Его произведения, состоящие из противостарообрядческих поучений, проповедей и стихотворений, оказали значительное влияние на развитие всей русской общественной жизни.

Он получил образование в Киево-Могилянской коллегии, при общей схоластичности образования, юноша получил отличные знания славянской, латинской и греческой грамматики, которые так будут востребованы впоследствии. Система схоластики, считавшейся образцовой со средних веков в Европейском образовании, давала всеобщность знаний, стремилось к ясной, определенной доступности научного материала и к умению свободно и искусно пользоваться им, не вдаваясь в тонкости доказательств или в предмет исследований. Преимущественное внимание уделялось формальному развитию учеников, возможности ими иметь суждения на основе ранее полученных размышлений, готовых выводов. Богословие на высших курсах было построено на системе Фомы Аквинского, что также впоследствии вероятно сказалось и на взглядах Симеона, и на отношении московских людей к нему². Не редки в тот период случаи, что выпускники Киева продолжали образование в католических учебных заведениях. Не все исследователи однозначны в своих суждениях, но имеются сведения, что и Симеон продолжил обучение в Виленской иезуитской академии³. Этот путь в тот период времени был довольно типичным, однако

¹ Майков Л. Н. Очерки из истории русской литературы XVII и XVIII столетия. – СПб., 1889. – С. 20.

² Татарский И. Указ. соч. С. 32–33.

³ Майков Л. Н. Указ. соч. С. 6.

обучение в латинских учебных заведениях требовало переход в католичество. Чтобы завуалировать это обвинение, впоследствии церковный историк особо подчеркивает, описывая этот момент, что Симеон оставался верным православию¹. Вернувшись в Полоцк, в 1656 г. он принял постриг в Полоцком Богоявленском монастыре, где на 8 лет становится дидаскомом братской школы. С его приходом монастырь превратился в значительный культурный центр. Талантливый инок произвел в 1656 г. благоприятное впечатление на молодого царя, и когда Полоцк был в 1661 г. оккупирован поляками, Симеон вынужден был искать убежища в Москве, где и был принят при дворе в 1663 г.² По свидетельству исследователей XIX в. Симеон Полоцкий сочетал в себе трезвость и гибкий нрав, отличался мягкостью обращения, умел находить общий язык с различными собеседниками и оппонентами, использовать обстоятельства и приобретать расположение различных лиц³. Поскольку Симеон был многогранно одаренным и блестяще для того времени образованным человеком, пытавшимся внедрять свои проекты в общественную и религиозную жизнь, он поступает на царское содержание⁴.

С этого времени начинается наиболее плодотворный период его преподавательской, общественной и творческой деятельности⁵. При дворе он был признан мудрейшим богословом, философом, поэтом и ритором, поэтому естественным выглядит его назначение учителем царских детей, сначала Алексея, а затем и Феодора⁶. В дальнейшем под влиянием Полоцкого происходило образование царевны Софьи и Петра Алексеевича, поскольку Никита Зотов, бывший учителем, был поручен надзору Симеону⁷.

Для повышения образовательного уровня придворных царским указом Полоцкий начинает обучение подьячих Тайного приказа

¹ Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви. – М., 1996. – Книга 7. – С. 125.

² Татарский И. Указ. соч. С. 65.

³ Майков Л. Н. Указ. соч. С. 39.

⁴ Забелин И. Опыты изучения русских древностей и истории. Исследования, описания и критические статьи. – М., 1872. – Ч. 1. – С. 198–199.

⁵ Татарский И. Указ. соч. С. 48.

⁶ Забелин И. С. Указ. соч. С. 199–200.

⁷ Майков Л. Н. Указ. соч. С. 41.

латинской грамматике в Заиконоспасском монастыре за Иконными рядами¹. Н. Ф. Каптерев высказывает мнение, что эту школу нельзя назвать четко учебным заведением, поскольку в ней обучалось ограниченное число и для сугубо практической цели – изучения латинского языка. Однако мы не можем согласиться с этим мнением ученого, поскольку кроме изучения латыни, ученики обучались в ней риторике и пиитике, упражняясь под руководством своего наставника в составлении разного рода вирш и ораций².

Данная школа, как и подобные школы в Чудовом монастыре (в 1630-х), в Андреевском монастыре (1649 г.), не имела ни единого плана, ни программы; обучавшие взрослое население имели практическую цель, зачастую сугубо сиюминутную – подготовку справщиков Московской типографии, дипломатов, сотрудников приказов, всех тех, кому по долгу службы были необходимы знания греческой и латинской грамматики.

Впоследствии именно эту модель школьного образования с упором на латынь и пиитику Симеон Полоцкий интерполировал на русскую школу.

Данная модель, основанная на южно-западных образцах, являлась противоположностью уже существовавшей школы Чудова монастыря (1649 г.), в общем направлении которой отсутствовал светский характер и главным предметом преподавания был греческий язык, изучаемый не столько по определенному руководству, сколько практически, путем переводов и настойчивого вникания в смысл текстов. Руководил школой выдающийся ученый того периода Епифаний Славинецкий, принадлежащий также к киевской богословской школе, но с противоположными, чем у Симеона Полоцкого взглядами. Это происходило по причине получения образования до нововведений митр. Петра Могилы, приблизившего киевское богословие к католическому. Неудивительно, что Епифаний видел необходимость изучения Священного Писания только через греческие оригиналы. При этом убеждение в пользе именно греческого образования он убедительно и наглядно доказывал в Москве, отрицая что православие искажено в связи с падением Константинополя. В этом убеждении его мнение основывалось на

¹ Там же. С. 17.

² Татарский И. Указ. соч. С. 72.

ранее высказанной позиции преп. Максима Грека. В Москве авторитет Епифания Славинецкого был очень высок, его деятельность кроме руководства школой, охватывала исправление богослужебных книг, творений отцов Церкви, составлении «Филологического лексикона» – свода толкований святых отцов Священного Писания. Нельзя утверждать, что между этими совершенно разными в образовательном плане учеными была неприязнь, но настороженность, обусловленная опасением скрытого латинства Симеона Полоцкого, присутствовала.

Таким образом, сложились две системы подхода к образованию: через усвоение греческого опыта и латинского. В борьбе представителей латинской и греческой партии закладывались идейные основы будущей Московской Славяно-греко-латинской академии. Обе партии старались склонить на свою сторону правительство. «Латинствующая» составила даже проект академии с очень широкими полномочиями высшего контроля над всей системой образования и книгопечатания. Проект был одобрен царем Феодором Алексеевичем и, вопреки протестам патриарха Иоакима, в 1682 г. утвержден «Привилей Московской академии». По замыслу авторов проекта, академия получала финансовую и юридическую автономию, ее выпускники принимались на высокие государственные должности¹. «Привилей», скорее всего, писал Симеон Полоцкий от лица царя Феодора, который благоговел перед учителем и всемерно его поддерживал и доверял. В документе обозначено сознание великой важности и пользы науки, необходимость ее развития на российском поприще, указаны широкие замыслы, касающиеся как мировоззренческих преобразований, так и материального обеспечения². Вообще это положение показательно для тогдашнего состояния московского образования. Отсутствие системности и противостояние, причем ни одна из них не могли однозначно быть признаны правильной или истинно православной, поскольку не было мерила истины.

Настороженность прекрасно проявилась в полемике вокруг произведения Симеона Полоцкого «Жезл правления». Формально

¹ Богданов А. П. Царь Феодор Алексеевич. 1676–1682. – М., 1998. – С. 38.

² Певницкий В. Ф. Симеон Полоцкий. Православное обозрение. – М., 1860. – Т. III, № 10. – С. 193–232.

эта книга не имела авторства, она была написана в строгом соответствии с схоластической риторикой, включала в себя цитаты «Лексикона славно-российский» Памвы Берынды и грамматику М. Смотрицкого¹. Написание было связано с участием Симеона в Большом Московском соборе 1666–1667 гг., где, в частности, Симеон переводит ответ Паисия Лигарида на челобитные Никиты Добрынина (Пустосвята) и Лазаря, а также оказывает помощь в работе с латинскими текстами². Написанные одной рукой черновики «Жезла Правления» и Соборного деяния свидетельствуют об авторстве Симеона Полоцкого³. Жезл и его торжественное одобрение отцами Собора закрепляли отрицательное воззрения на старое московское благочестие и религиозные воззрения, при этом принижая богословские заслуги преп. Максима Грека и возвышая киевское богословие митр Петра Могилы и ученость.

Со стороны Епифания и его учеников последовала сильная и последовательная критика «Жезла правления» как произведения, в котором присутствует прокатолическая позиция, проявившаяся, в частности, в вопросе о времени Пресуществления. Термином «Пресуществление», а точнее – «Преложение» (μεταβολή), в православном богословии определяется способ пребывания тела и крови Иисуса Христа в хлебе и вине. По учению Церкви в Евхаристии хлеб и вино прелагаются, пресуществляются в тело и кровь Христовы – то есть меняют свою сущность, перестают быть хлебом и вином, сохраняя все свои внешние признаки (συμβεβηκότα)⁴. Монах Чудова монастыря Ефмимий отмечал: «написа... противно мысли святых восточных церкви, не чет греческих книг (не бознаше что греческого писания), но чет латинския токмо книги и откуду таковую мысль написа»⁵.

После участия в Московском Соборе 1666–1667 гг., где усилия Симеона были поддержаны авторитетом восточных иерархов, он активно занимается просветительской деятельностью. Он открывает во дворце «на верху», независимую от патриаршей цензуры

¹ Майков Л. Н. Указ. соч. С. 35.

² Татарский И. Указ. соч. С. 79.

³ Там же. С. 80–81.

⁴ Кирилл Иерусалимский, свт. Поучения огласительные и тайноводственные. – М., 2010. – С. 132.

⁵ Майков Л. Н. Указ. соч. С. 44.

типографию, в которой печатает «Букварь языка словенска» (1679 г.), поэтическое переложение псалмов «Псалтырь рифмотворную» (1680 г.), «Вечеря душевная» (1683 г.) и другие работы. Для придворного театра Алексея Михайловича Симеон написал несколько пьес, которые были поставлены и опубликованы. Активно занимается переводческой деятельностью: много переводил с польского языка и латыни, участвовал в заключительном этапе полного перевода Библии. Симеон Полоцкий написал большое количество панегирических произведений по поводу придворных торжеств. Его литературное и публицистическое наследие содержит большой материал для изучения эстетических взглядов и художественных тенденций «переходного» от Средних веков к Новому времени.

В его литературной деятельности следует выделить такое направление, как составление курса христианского учения для царских детей: «Житие и учение Христа Господа и Бога нашего от божественных Евангелий расположенное, с показанием свидетельств святых евангелистов», Особенностью данной работы является использование им свода немецкого ученого Герарада Меркатора и английского богослова Генриха Мора¹. В другой его книги «Венец веры» встречаются ссылки на католический перевод Писания – Вульгату, на бл. Иеронима, Августина, Ансельма Кентерберийского, Биллярмина, кардиналов Палеотти и Барония и др.

Еще одной стороной таланта Симеона Полоцкого является его проповедническая деятельность. Наряду с Иваном Нероновым, Аввакумом и другими сторонниками живой церковной проповеди, а, по некоторым сведениям, и раньше них – Симеон начинает деятельность официального церковного оратора при Московском царском дворе². В период с 1668 по 1674 гг. им были составлены проповеди на все воскресные дни, годовые праздники и т. д. Основная часть впоследствии была объединена в два сборника: «Обед душевный» и «Вечеря душевная». При чем в них неоднократно упоминаются в превосходной степени античные философы – Платон, Аристотель, Фалес, Диоген, Димосфен³, приводятся апокрифиче-

¹ Майков Л. Н. Указ. соч. С. 58.

² Там же. С. 65.

³ Симеон Полоцкий. Избранные сочинения. – М.; Л., 1953. – С. 139–140.

ские сведения, множественные мифологические события, как например рассказ о Фазтоне сыне Солнца¹, а также рассказы «естествословцев» – описателей необычных животных, иногда выдуманных, предметов и событий. Симеон Полоцкий, используя свое влияние и значение при дворе, являлся посредником и протекже между киевскими учеными богословами и Москвой, в частности он представляет произведения Барановича, Иннокентия Гизеля².

Не смотря на то, что проблема создания систематического образования так и не была решена до смерти Симеона Полоцкого в 1680 г., его деятельность принесла плоды – были попытки учреждения славяно-греко-латинского училища в 1668 г., греческого училища при московской типографии в 1679 г. Московское церковное и государственное руководство осознало необходимость и неизбежность создания высшего учебного заведения. Симеон неоднократно пытался лоббировать перед царем открытие Академии, так что патриарх Иоаким даже гневно восклицал: «Толико той Симеон освоеволився»³.

Возможно патриарх Иоаким не спешил осуществлять проект высшей школы, чтобы не отдать ее в руки «латинствующей» партии, поскольку Епифаний Славинецкий умер в 1676 г., а последователем и продолжателем дела Симеона Полоцкого стал Сильвестр Медведев, сблизившийся с Полоцким после 1665 г., а впоследствии ставший его учеником и сподвижником. Медведев ради науки оставляет должность подъячего Тайного Приказа и становится монахом. При участии царя Федора Алексеевича Медведев получает должность справщика и книгохранителя Печатного двора и возможность жить и учиться рядом с Симеоном⁴. Должность справщика была финансово обильной и почетной. Она подразумевала исправление церковных книг и контроль за соблюдением правил коррекции помощниками. Расцвет деятельности Медведева приходится на период с 1680 по 1688 гг. Он считается главой «ла-

¹ Там же. С. 262.

² Лазарь (Баранович). Письма преосвященного Лазаря Барановича с примечаниями. – Чернигов, 1865. – С. 51.

³ Евфимий Чудовский. Остен. Памятник русской духовной письменности XVII века. – Казань, 1865. – С. 138.

⁴ Козловский И. П. Сильвестр Медведев: Очерк из истории рус. просвещения и обществ. жизни в конце XVII в. – Киев, 1895. – С. 11.

тинствующий» партии и подвергался из-за этого критике со стороны духовенства. Тем не менее, при поддержке царя Сильвестр с 1682 г. активно занимается преподавательской деятельностью, организуя в Заиконоспасском монастыре учебные классы. Однако приход к власти Софьи обострил понимание необходимости просвещения в стране и привел к столкновению Сильвестра Медведева с последователем Епифания Славинецкого – иеродиакона Кариона Истомина, последователем греческой партии. Медведев не смог получить возможность реализовать собственное учебное заведение, поскольку патриарх придерживался мнения о необходимости создания Академии на базе эллинистической партии, которая создала хорошую богословскую школу, объединявшую многих учеников Епифания. Ими под руководством учителя была подготовлена и издана полностью в 1663 году Библия, сверенная с греческим текстом. После смерти Епифания Славинецкого движение возглавил его ученик – Евфимий, а с 1685 года братья Иоанникий и Софроний Лихуды, направленные по просьбе Феодора Алексеевича патриархом Константинопольским Дионисием для создания учебного заведения.

Школа Лихудов изначально была помещена в Богоявленском монастыре. Относительно года основания существует несколько версий. Либо это 1685 г., когда Патриарх Иоаким благословил новую школу, либо 1682 г., когда был объявлен «Привилей Академии», либо 1687 г., после перевода учебного заведения в Спасской монастырь и слияние его с Типографской школой.

Целью создания Славяно-греко-латинской академии предполагалась подготовка образованных людей для государственного аппарата и церковного служения. Проект Академии был ориентирован на Киево-братскую коллегию, имеющую статус, подобный статусам западноевропейских университетов. В Академии предполагалось обучать славянскому, греческому, латинскому и польскому языкам, а также «семи свободным искусствам»: грамматике, пиитике с риторикой, диалектике, музыке, астрономии, геометрии, философии, но главное – богословию. Ведущее место в учебных планах Академии должен был занять греческий язык – основной язык русских богослужебных книг.

С началом обучения число учеников быстро увеличивалось. В учебное заведение принимались все сословия, там изучались науки

гражданские и духовные. Братьям было доверено преподавание в Славяно-греко-латинской академии с целью создания в ней системы обучения по греческому, а не по латинскому образцу. За три года обучения слушатели осваивали греческий и латинский языки так, что могли свободно на них разговаривать и переводить с них книги. Старшие ученики сами становились преподавателями для младших. Академии была пожалована богатая царская библиотека, содержащая богословские книги, русские летописи. Помимо рукописей и печатных книг русского, польского и западноевропейского происхождения, в ней имелись списки со старинных греческих оригиналов, а также произведения Платона, Аристотеля, Плутарха, Демосфена, трактаты древних и средневековых авторов, в том числе труды Г. Лейбница, Ф. Бэкона, Р. Декарта. К сожалению, кроме преподавательской деятельности братья Лихуды вынужденно занимались богословской полемикой. Если в начале она касалась хлебопоклоннической ереси, как стало именоваться учение о времени Пресуществления, и была посвящена борьбе с Сильвестром Медведевым, который благодаря участию в политических интригах стрельцов вокруг Софьи Алексеевны потерял свое бывшее величие. Одновременно с соборным решением закрепившем постулат ошибочности взглядов Медведева, тому приходится отбиваться от нападков греческой партии по обвинению в католичестве.

В свою очередь деятельность братьев Лихудов стала впоследствии касаться политических вопросов, в результате чего братья Лихуды были отстранены от преподавания. Силу интриги добавило участие в ней иерусалимского патриарха Досифея, обвинившего их в политических интригах между Россией и Константинополем и сочувствии «латинствующей» партии¹. Лихуды оказались запутанными в деле о наследстве умершего иеродиакона Мелетия: к ним, как душеприказчикам последнего, были предъявлены претензии его кредитора². Иоанникия Лихуда обвинили в спекуляциях и превышении полномочий во время дипломатической и торговой

¹ Галкин А. Академия в Москве в XVII столетии. – М., 1913. – С. 87.

² Яламас Д. А. Столкновение представителей греческой и латинской культур в Москве во второй половине XVII столетия (некоторые эпизоды из жизни братьев Лихудов) // Московский ун-т им. М. В. Ломоносова. Филологический факультет. Научные доклады Филологического факультета МГУ. – М., 1998. – Вып. 2. – С. 120–122.

поездки в Италию, предпринятой им по поручению В. В. Голицына. Положение усугублялось поведением сына Иоанникия, вызывавшим нарекания московских жителей¹. С 1694 года они, к сожалению, прекратили преподавание в созданной ими высшей школе. В 1701 г. они были выселены из Москвы и сосланы в Ипатьевский Костромской монастырь.

Учебный процесс после Лихудов возглавили Семенов (Головин) и Федор Поликарпов. Из учебной программы было изъято преподавание латинского языка. Ученики не получали систематического образования ввиду отсутствия учителей. Все это привело к тому, что Петр I в 1698 г. начал отправлять учеников за границу, отметив: «хоть и есть своя школа, да мало в ней пользы»².

Петр пытался в 1701 г. поднять уровень Академии, поручив митрополиту Стефану Яворскому предпринять меры к повышению научного и образовательного уровня. Митрополит Стефан приглашает в Москву из Киева ученых иноков, которые готовы преподавать гуманитарные науки, философию и богословие. Но киевские преподаватели изъяли из программы греческий язык, на смену ему пришла тотальная латынь: в бумагах тех лет сама Академия нередко называется «школами латинскими», «школами славено-латинскими»³. Многие молодые люди для получения образования направляются в Европу, изоляция русского образования и спор относительно правильности восточного или западного направления развития страны был решен однозначным образом.

Таким образом, проблемы становления отечественного, национального образования, безусловно, не были решены в XVII в. полностью, но именно в этот период были заложены важные тенденции его дальнейшего развития. Произошло философское переосмысление и трансформация мировоззренческих идей от отрицания полезности образования до понимания необходимости выработки модели, не противоречащей концепции религиозного спасения и удовлетворения насущных потребностей общества. Безусловная заслуга периода в осознании комплекса проблем, стоящих перед системой русского образования.

¹ Смирнов С. К. Указ. соч. С. 30–36.

² Галкин А. Указ. соч. С. 94.

³ Смирнов С. К. Указ. соч. С. 79–80.

Даже упадок Славяно-греко-латинской академии в конце XVII века видится не как некое отступление от принципов, сформированных ранее, и возвращение к прежней практике заимствования образования в киевской коллегии, а как следующий шаг в философском осмыслении разнообразных подходов к проблеме формирования национального образования, реализации педагогических систем, выработке концепции высшей школы и критериев подготовки специалистов, иначе говоря, к формированию интеллигенции. Несомненна положительная роль выдающихся ученых – Симеона Полоцкого, Епифания Славинецкого, братьев Лихудов, сформировавших мировоззренческие принципы, на которые опирались при подготовке образовательных кадров в первой четверти XVIII в.

1.2. Интеллигенция как феномен русской культуры

История русской культуры Нового и новейшего времени тесно связана с деятельностью такой оригинальной отечественной социально-духовной группы как интеллигенция. Но при этом данное явление, хоть и было предметом исследования на протяжении последних 30 лет, так и не получило чёткой концептуализации.

Прежде всего, следует определить самое понятие «интеллигенция», но сделать это совсем непросто. При самом беглом взгляде на деятельность данной социально-духовной группы можно обнаружить лишь то, что она не тождественна образованному обществу или сотрудникам умственного труда. К примеру, не всякий писатель может быть включён в ряды интеллигенции, равно как и не всякий интеллигент занимается литературным творчеством. Отечественный исследователь Н. Е. Покровский удачно разграничил такие понятия как «интеллигент» и «интеллектуал», отметив, что второе понятие больше характерно для западной культуры, чем для отечественной: «Если западному интеллектуализму свойственно точное «измерение» того, что ему следует «произвести» в данной ситуации, то российской интеллигенции присуще иное – прибавочная духовная деятельность, не продиктованная требованиями рынка, а потому как бы дополнительная, особая, по-своему свободная»¹. К примеру, такой популярный (и коммерчески успешный) западный писатель как Стивен Кинг вряд ли сказал бы слова, подобные легендарной цитате Н. А. Некрасова о гражданине и поэте. Интеллектуал, зарабатывающий себе на жизнь творческим умственным трудом, скорее отнесёт свою деятельность к коммерции, чем к гражданской активности. То есть интеллигенция – это не группа интеллектуалов, хотя она и может профессионально заниматься умственным трудом. Как удачно отметил эмигрантский исследователь Б. Башилов, если для обозначения интеллигенции потребовался особый термин, то эта группа не является тождественной образованному обществу или сотрудникам умственного труда².

¹ Покровский Н. Е. Российская интеллигенция перед историческим выбором // Интеллигенция в условиях общественной нестабильности. – М., 1996. – С. 11.

² Башилов Б. История русского масонства. – М., 2003. – С. 486.

В отечественной социальной философии сложились два подхода к пониманию интеллигенции. Один из подходов можно условно назвать «апологетикой интеллигенции». На данной позиции стоят такие исследователи как И. В. Кондаков, Б. С. Пушкарёв, Н. Е. Покровский, В. А. Мансуров, К. Г. Барбакова, В. Н. Чугреев, А. А. Соловьёв, Ж. Т. Тощенко, А. И. Фурсов, В. С. Меметов и другие авторы. По их мнению, интеллигенция представляет собой исключительно русское социально-духовное явление, группу образованных людей, изначально занимавшихся интеллектуальным трудом, но из-за непонимания, установившегося между интеллигенцией и государственной властью, ушедших во «внутреннюю эмиграцию». Авторы данного направления полагают, что именно интеллигенция была основным производителем духовных ценностей на протяжении XIX–XX вв., и поэтому русская культура в определяющей степени создана интеллигентами. Другой подход мы условно именуем «сторонним наблюдением». Его представители (В. М. Межуев, П. П. Гайденко, И. Р. Шафаревич, К. Б. Соколов) полагают, что интеллигенция – это явление интернациональное, и понимать его следует не через степень образованности, а через отчуждение от господствующей в обществе культуры¹. С данной точки зрения, интеллигенция оказывается фактически маргинальной общественной группой, состоящей из представителей самых разных социальных слоёв, но при этом объединенной общим для всех своих членов мировоззрением, противоречащим ценностям доминирующей культуры. Некоторые отечественные авторы (В. Ф. Иванов, И. Р. Шафаревич) даже полагали, что аналог русской интеллигенции присутствует практически в любой стране, но далеко необязательно определяет себя через принадлежность к образованным слоям общества. Мы называем сторонников данного подхода «сторонними наблюдателями» именно потому, что они, будучи обладателями высшего образования и учёных степеней, не причисляли себя к интеллигенции и нередко критиковали её как разрушительницу традиционных основ русской культуры.

¹ Востриков И. В. Два подхода к анализу интеллигенции / И. В. Востриков, С. И. Сулимов // Столкновение цивилизаций и диалог культур: вызовы и ответы современности: труды региональной научной конференции (г. Воронеж, ВГТУ, 18 декабря 2008 г.). – Воронеж, 2008. – С. 19–35.

Сравнивая эти два варианта понимания социальной и духовной сущности русской интеллигенции, необходимо отметить, что эти точки зрения являются односторонними. Ниже мы увидим, что представители обоих направлений удачно отметили некоторые важные нюансы русской интеллигенции, но не меньше её особенностей остались без внимания. Для того чтобы составить более или менее чёткий исторический портрет интеллигенции и хотя бы схематично проследить её историческое развитие, необходимо обратиться к истокам данного явления. Поставим вопрос двояко (чтобы не игнорировать ни «апологетов», ни «сторонних наблюдателей»): когда в России появилось светское, не связанное с духовенством образованное общество и когда это общество дистанцировалось от культуры большей части русского народа?

Важно не забывать, что создание в России светских учебных заведений императором Петром I не привело к формированию образованного общества автоматически. Указ о единонаследии от 1714 г. обязал всех дворянских детей учиться в математических или навигационных школах, программа которых строго подчинялась государственным задачам. Но какие это были задачи? Государь нуждался в развитой промышленности, обслуживающей потребности армии и флота. Ему требовались не разносторонние эрудиты, а инженеры, чиновники и офицеры, хотя бы средне разбирающиеся в механике, технике и администрировании. Созданная монархом система образования носила исключительно прикладной характер, и даже организация Санкт-Петербургской императорской Академии наук в 1725 г. не слишком изменила её. Проблема заключалась в том, что допетровская традиция семейного воспитания, базировавшаяся на книге «Домострой», не относилась к обучению грамоте всерьёз. Подробно исследовавший данный вопрос В. О. Ключевский так описал положение чтения и письма в допетровской системе воспитания: «Домострой предполагает присутствие грамотных людей в составе древнерусской семье, но не считает это необходимым и совсем умалчивает о такой школе. Грамотность не входила в состав общеобязательного воспитания как необходимое образовательное средство; она причислялась к техническим промыслам и рукоделиям, к «механическим хитростям», как выражались у нас позднее, и нужна была только на некоторых житейских поприщах, например, для духовного и

приказного чина»¹. Русский аристократ первой половины XVIII в. считал себя в первую очередь представителем своей разветвлённой семьи, частью аристократического клана, а идеалами для него служили отец, дядья и старшие братья. Государственная или военная служба воспринималась молодыми дворянами как печальная необходимость или, в самом лучшем случае, как способ создать себе авторитет и в дальнейшем пользоваться этой репутацией в личных целях. Поэтому и подход к образованию оказывался инструментальным: гимназист или гардемарин усваивал преподаваемый материал, сдавал экзамен и в дальнейшем работал по специальности, быстро забывая ту часть изученного, которая не имела прямого отношения к повседневным обязанностям. В середине XVIII в. некоторые помещики щеголяли друг перед другом знанием иностранных языков, но практической нужды в этих языках они чаще всего не испытывали, так как далеко не каждый дворянин вёл дела с иностранцами. Можно сказать, что образованные дворяне по своим интересам мало отличались от своих малограмотных предков столетней давности.

Однако петровские реформы, в ходе которых русская старина подвергалась осмеянию, привели к неприятному побочному эффекту: возникновению духовного вакуума. Царь-реформатор целенаправленно отвергал все аспекты русского быта, которые внешне не гармонировали с его политическим курсом. Например, ношение традиционной русской одежды в дворянских кругах не приветствовалось, продажа её на ярмарках нередко наказывалась, но насаждаемые императором западные обычаи понимались им крайне поверхностно. Так, во время проведения Ассамблей главное внимание уделялось курению табака и европейским танцам, то есть исключительно внешней, легко копируемой стороне западного образа жизни. Точно также отмена в 1700 г. патриаршества и преобразование русской Церкви по вюртембергскому образцу (подчинение духовенства светскому чиновнику, назначаемому правительством) не привели к появлению в дворянских кругах никаких новых духовных ориентиров. Духовное же образование, прежде открытое распространявшимся из Киево-Могилянской академии современным веяниям, стало сосредотачиваться исклю-

¹ Ключевский В. О. О нравственности и русской культуре. – М., 2006. – С. 90.

чительно на догматических и литургических вопросах, даже не пытаясь отвечать на вызовы эпохи. Поэтому дворянин, сохранявший верность традициям «Домостроя», рисковал прослыть неблагонадёжным, но усвоивший петровские идеалы дворянин-новатор на самом деле был вовсе не носителем передовых идей, а заурядным верхоглядом. Зато декларируемое стремление ко всему западному открывало широкий простор для духовной маргинализации аристократии, поскольку, отвергая «Домострой», она не имела никаких равноценных западных идеалов. Ситуацию серьёзно усугубил Манифест императора Петра III (1762 г.), разрешившего дворянским детям получать домашнее образование и, тем самым, лишившего будущих слуг короны жесткой, но дисциплинирующей среды военизированных школ. Отечественный исследователь О. С. Муравьёва так характеризует последовавшую за Манифестом педагогическую неразбериху: «Характер, методы, содержание домашнего обучения определялись, главным образом, родителями и зависели, соответственно, от их культурного уровня и интеллектуальных запросов. Разница между дворянской элитой и основной массой российского дворянства была столь велика, что невозможно говорить о некоем среднем типе домашнего обучения»¹. Впрочем, никто в те годы не задумывался об образовательных программах, ведь дворянство впредь могло служить государству лишь на добровольной основе, а все его прежние привилегии сохранялись. Екатерина II подтвердила основные положения Манифеста, тем самым превратив дворянство в праздное сословие. Поэтому нужда в образовании, ориентированном на практическую деятельность, у дворян отпала, хотя не исчезло почтительное отношение к образованию вообще, которое должно было подчеркнуть современность и прогрессивность аристократической молодёжи. Тем более, что в правление Екатерины II продолжалось наступление на традиционные социальные институты русского общества. В частности, была проведена секуляризация церковных земель и окончательно упразднена автономия казачества. Со стороны эти меры выглядели как окончательная передача духовной и политической власти в стране сословию Митрофанушек.

¹ Муравьёва О. С. Как воспитывали русского дворянина. Опыт знаменитых семей России – современным родителям. – М., 2014. – С. 211.

Справедливости ради следует отметить, что не все дворяне устранились от службы, да и сама императрица вовсе не радовалась последствиям своей Жалованной грамоты дворянству. Понимала она и то, что через одно-два поколения домашнего обучения по составленной родителями программой от сословия слуг короны ничего не останется. Однако созданная петровскими реформами культура не располагала художественной литературой и наглядными примерами, на которые могли бы равняться юные дворяне. Зато в страну нескончаемым потоком текли французские художественные романы откровенно низкого качества, которые в России воспринимались как последнее слово передовой западной мысли, старательно переводились и распространялись среди читающей публики. Усадить юного помещика за книги в те годы означало всего лишь приобщить его к французской беллетристике, изобилующей криминальными и эротическими сюжетами¹. Поэтому государыня предприняла глубокую реформу образования, дальновидно предоставив для педагогического эксперимента лишь кадетский корпус на Васильевском острове Петербурга и не предписывая срочного внедрения результатов в других учебных заведениях страны. Екатерина II поручила князю И. И. Бецкому организовать обучение кадетов таким образом, чтобы они стали образцовыми слугами короны, то есть обладали практическими знаниями и стойкими моральными принципами. Князь самозабвенно принялся за работу и действительно создал новую, прежде не имевшую в России аналогов педагогическую систему, ставшую колыбелью русской интеллигенции.

Князь И. И. Бецкий попытался совместить три идеала, которые в исторической практике никогда не шли рука об руку: универсализм античных политических деятелей, которые легко меняли тогу на доспехи, а доспехи – на рабочую одежду огородника; уважение к личности независимо от её социального положения, восплаемое философией французского Просвещения; и личную ответственность, характерную для западного демократизма. В частности, правила кадетского корпуса строго-настрого запрещали учащимся иметь при себе слуг, но, в то же время, запрещались и телесные наказания, а к преподаванию предписывалось допускать лишь оп-

¹ Ключевский В. О. Указ. соч. С. 107.

тимистичных, увлеченных своим делом педагогов. Для того чтобы пресечь формирование на государственной службе влиятельных аристократических кланов, педагог-новатор попытался отсечь учащихся от поместной среды, в которой процветала семейственность, и пошёл на радикальную меру: запретил воспитанникам покидать учебное заведение даже во время каникул. В результате выпускник такого кадетского корпуса прекрасно разбирался как в изученных дисциплинах, так и в западной философии, высоко ценил товарищество и обладал прочным нравственным стержнем, но конкретных привязанностей не имел. Эту оригинальную педагогическую и социальную ситуацию блестяще охарактеризовал отечественный историк В. О. Ключевский: «Под родным кровом дитя получает то, чего не может дать школа; школа должна ему дать то, чего оно не находит дома. Дома оно привыкает понимать и любить *своих* (здесь и ниже – курсив автора), в школе приучается жить с *чужими* и, применяя к ним привычку понимать и любить, выработанную на родных объектах, учится превращать чужих в своих *близких*. Школа Бецкого поступила прямо наоборот: вырвав ребёнка из родной среды, она на близких чужих приучала его любить покинутых своих»¹. Ведь от своих настоящих семей и родовых имений воспитанники были отрезаны на протяжении всего срока обучения. В лучшем случае их подлинной социальной средой становились одноклассники, а в худшем – исторические и литературные персонажи.

В кадетском корпусе данная система преподавания продержалась недолго, но в модифицированном виде быстро распространилась по самым престижным гражданским учебным заведениям страны, включая Царскосельский лицей, а в XIX в. основные её принципы по мере возможности внедрялись во всех русских гимназиях. Если учесть, что столичное дворянство на рубеже XVIII–XIX вв. было многонациональным, то единая программа обучения, к тому же отделявшая гимназистов и кадетов от их семей, сыграла положительную роль, воспрепятствовав формированию дворянских кланов по национальному признаку. Например, А. С. Пушкин был по западной классификации квартироном, а его друзья-лицейсты Вильгельм Кюхельбекер и Антон Дельвиг – немцами,

¹ Ключевский В. О. Указ. соч. С. 102.

что не мешало им быть друг другу надёжными товарищами и придерживаться похожих взглядов на жизнь, потому что они выросли на одних и тех же книгах, в одной и той же атмосфере Царскосельского лицея. Тем более, что после Отечественной войны 1812 г. французская культура лишилась в глазах русского общества ореола непогрешимости, и теперь далеко не каждый дворянин считал для себя образцом западных европейцев. В частности, как удачно отметил А. С. Пушкин в повести «Барышня-крестьянка», помещик мог быть англофилом, но мог и не быть им: после победы над Наполеоном сравнивать себя с европейцами стало вовсе необязательно. Но в духовном отношении принципы, на которых строил свою систему князь И. И. Бецкий, сослужили лицеистам дурную службу: образование оказалось избыточным и плохо гармонировало с русской реальностью того времени. Выпускники учебных заведений, подобных Царскосельскому лицей, – закрытых пансионов, престижных гимназий, в меньшей степени кадетских корпусов – оказывались чужими в любой социальной среде. Они обладали широчайшим кругозором, были воспитаны на возвышенных принципах просветительской философии и нередко обладали прочным нравственным стержнем, сформированным в аскетической обстановке, но большая часть их сослуживцев в военных и гражданских ведомствах обладала совсем другими качествами. В частности, большую часть офицерских и чиновных должностей занимали представители поместного дворянства, ориентировавшиеся на родовые предания, семейственность и прагматическую выгоду. Встречались на государственной службе и разночинцы (в начале XIX в. – выходцы из солдат и мастеровых), проявлявшие недюжинную практичность, но совершенно не желавшие знать ничего, не имеющего отношения к службе. Поэтому юноши, воспитанные по системе И. И. Бецкого, оказывались всюду чужими, но при этом безошибочно узнавали друг друга и группировались по интересам в компании, ставшие хронологическим продолжением товарищеского круга лицеистов и гимназистов. Уровень образования и круг интересов играли для них ту же роль, которую для их менее образованных и оторванных от семейной среды современников играли землячество и дальнее родство.

Именно в силу своей оторванности от остального общества питомцы системы Бецкого оказались в России как бы «иммигранта-

ми из Гимназии», приезжими из неведомой сказочной страны. По большому счёту их дворянское происхождение не играло серьёзной роли, потому что эти люди воспринимали себя не как реальных дворян, а как носителей общечеловеческого или, как минимум, гражданского начала. Быть дворянином, или офицером, или чиновником для каждого из них оказывалось совершенно недостаточно, ведь в гимназиях и лицеях им прививали мысль о том, что прежде всего нужно быть образцовым гражданином. Именно поэтому к ним применили название «интеллигенция» – слово, под которым в то время понимали не общественную группу, а высокий интеллект. Например, В. А. Жуковский нередко хвалил нравившихся ему писателей и учёных, говоря, что они обладают «гигантской интеллигенцией»¹. Желая подчеркнуть интеллектуальную развитость и широкий кругозор воспитанных по системе И. И. Бецкого дворян, писатель П. Д. Боборыкин стал именовать состоявшую из них социальную группу «интеллигенцией». В наши дни этих людей прозвали бы «умниками» или «стоумовыми». Однако если бы своеобразие русской интеллигенции основывалось только на высоком интеллектуальном уровне, то никакого отличия этой группы от западных интеллектуалов бы не наблюдалось. Важнейшей чертой, позволившей интеллигенции фактически обособиться от дворянства и любой другой реальной общественной группы, стала именно её духовная оторванность от русских реалий или, лучше сказать, беспочвенность, потому что сами интеллигенты вовсе не считали себя в стране чужими и по мере сил стремились этот культурный разрыв преодолеть. В частности, смену увлечения западной культурой на интерес к России интеллигенты восприняли как возможность стать частью русского народа и как санкцию на реформирование тех сторон реальной жизни, которые противоречили их гимназическому воспитанию. Отечественный исследователь А. Ф. Замалеев подчеркивает, что именно духовная беспочвенность, приобретённая в ходу возмужания вне реальных социальных групп, является отличительной особенностью и побудительным мотивом творческой и общественной активности русской интеллигенции: «Это новое, «беспочвенное»,

¹ Мокшин Г. Н. Идеологи легального народничества о русской интеллигенции. – Воронеж, 2007. – С. 130.

сословие жаждало «моральной компенсации», видя своё назначение в «коренной ломке» социальных форм и стереотипов. Свои искания, замыслы, идеалы оно претворяет в самобытной и яркой философии, которая предстает в живом многообразии форм и направлений, обретая постепенно общемировое значение»¹. Необходимо, правда, оговориться, что далеко не все представители интеллигенции понимали «коренную ломку» как радикальные социальные реформы. О радикальной интеллигенции мы подробно поговорим чуть позже, а пока обратим внимание на тех интеллигентов, которые были далеки от политики и при этом известны всему миру как творцы культуры.

В качестве примеров творческой интеллигенции, далёкой от любой политической деятельности, можно привести А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова. Оба они были воспитаны по системе И. И. Бецкого: А. С. Пушкин – в лицее Царского Села, а М. Ю. Лермонтов – в московском закрытом пансионе. Оба поэта имели широчайший кругозор и владели европейскими языками, что позволяло им знакомиться с западной культурой прямо в подлинниках; также оба литератора обладали очень деятельным нравом и их ни в коем случае нельзя назвать домашними фантазёрами. В частности, А. С. Пушкин совершил ряд путешествий по России, в том числе собирая информацию о Пугачёвщине, а М. Ю. Лермонтов принимал участие в Кавказской войне (1763–1864) как кавалерийский офицер. Динамичную жизнь сопровождало литературное творчество в жанрах поэзии и прозы, которое позволяет оценить одновременно талант и духовную беспочвенность обоих авторов. Так, и Пушкин, и Лермонтов положили начало традиции идеализации событий русской истории в такие же героические моменты, как многократно воспетые в западной классике греко-персидские войны и крестовые походы. «Полтава» Пушкина и «Бородино» Лермонтова привлекают внимание читателя именно к родной истории, уводя его от культурно чуждой Западной Европы. В то же время Пушкин, благодаря сказкам своей крепостной няни, превратил народные сказания в яркие поэмы, которые являются именно авторскими, хоть и вдохновлёнными народ-

¹ Замалеев А. Ф. Семестровый курс по истории русской философии // Русская философия. Новые исследования и материалы. – СПб, 2001. – С. 107.

ными мотивами. Лермонтов компенсировал отсутствие такой няни поэмой «Песнь о купце Калашникове», события которой происходят в XVI в. Пушкин воспел Пугачёвщину в исторической повести «Капитанская дочка», превратив события русской истории в достойную замену обсуждаемой всеми со времён А. Н. Радищева Американской войне за независимость (1775–1783). Лермонтов написал поэму «Валерик» об одном из сражений Кавказской войны, в котором лично принимал участие, и, тем самым, привлёк внимание читателей к русской героической современности. Но оба автора уделяли не меньшее внимание и иностранным мотивам, в роли которых у Пушкина выступили «Песни западных славян», а у Лермонтова – грузинская легенда о Тамаре и демоне, превращённая Михаилом Юрьевичем в поэму. При этом, невзирая на глубокий интерес к русской культуре, оба писателя смотрят на неё как бы со стороны, незаметно сравнивая её с античными и западными мотивами или описывая отстранённо, как любые другие сюжеты. Ведь «Повести покойного И. П. Белкина» и «Герой нашего времени» написаны о выдуманных людях, совсем не близких авторам. И, наоборот, произведений, посвящённых родному дому и семье ни у А. С. Пушкина, ни у М. Ю. Лермонтова нет, если исключить пушкинские стихи, посвящённые лицу, школьным товарищам и старой няне. Получилось, что оба автора видели и творчески описывали весь мир, не исключая и Россию, но сами не были духовно привязаны ни к одной географической или духовной точке. И это не беда двух отдельных гениев первой половины XIX в., потому что та же проблема была и у художников-передвижников, и у композиторов «Могучей кучки»¹. Их творчество будущая Россия оценила по достоинству, но к России настоящего ни один из них не стал ближе, даже если искренне пытался это сделать.

Если среди творческой интеллигенции стало нормой создавать романтический образ русского народа и считать эту конструкцию реальным простонародьем, то менее талантливые интеллигенты, особенно посещавшие помещичьи имения, пытались познакомиться с настоящими крестьянами, воспринимая последних как носи-

¹ Сулимов С. И. Культурология: учебник для студентов негуманитарных факультетов / С. И. Сулимов, И. В. Черниговских, В. Д. Черных. – Воронеж, 2020. – С. 283–286.

телей некой вселенской правды. В результате такой доверчивой, заведомо карикатурной позиции они становились объектом заслуженных насмешек. Н. А. Некрасов вложил в уста персонажа поэмы «Кому на Руси жить хорошо» предельно точную характеристику, которую давали таким «ходакам в народ» крестьяне: «У нас пристал третьеводни такой же барин плохонький, как ты, из-под Москвы. Записывает песенки, скажи ему пословицу, загадку загадки»¹. Хорошо знакомый с крепостными, поскольку сам был помещиком, поэт предостерегал не в меру увлечённых филантропов-интеллигентов: «Жалеть – жалеи умеючи, на мерочку господскую крестьянина не мерь»².

Неудивительно, что воспитанным на идеалах французского Просвещения интеллигентами были очень хорошо заметны все несовершенства и изъяны бюрократической системы николаевской России и превратившегося в старую добрую традицию крепостного права. Причём, часто их критика была слишком уж глубокой и дотошной, не приходившей в голову людям, которые жили по устоявшимся правилам с детства и не предполагали, что можно жить и решать вопросы как-то иначе. Возмущавшийся крепостным правом, семейственностью и коррупцией в государственных учреждениях и палочной дисциплиной в армии интеллигент сам себя ставил в положение Чацкого, пытавшегося что-то доказать органичной и дружной компании гостей Фамусова. Некоторые интеллигенты, столкнувшись с непониманием соотечественников, превращались в западников и наивно полагали, будто на родине Просвещения идеалы данной философской традиции воплощены в реальность. Впрочем, знакомство таких эмигрантов-свободолюбцев с Англией и Францией не понаслышке оказывало на них отрезвляющий эффект. В частности, яркий представитель интеллигенции XIX в. А. И. Герцен был уверен, что в Западной Европе свобода, равенство и братство являются наличной реальностью. Однако после выезда за границу писатель обнаружил, что у английского и французского простонародья немало собственных проблем, не похожих на горести русского крестьянина, но от этого не менее тя-

¹ Некрасов Н. А. Стихотворения. Кому на Руси жить хорошо. – Уфа, 1970. – С. 90.

² Там же. С. 91.

желых. Отечественный историк Б. Башилов, размышляя о причинах разочарования в Западе, постигшего А. И. Герцена и его единомышленников, пришёл к парадоксальному, но верному выводу: «Русская действительность, конечно, не могла удовлетворить Герцена. Как только Герцен получше познакомился с Европой, его перестала удовлетворять и европейская действительность. Да и вообще Герцена, как и всех других основоположников Ордена Русской Интеллигенции, не удовлетворила бы никакая действительность»¹. В этом и заключалась одна из причин духовной беспочвенности русской интеллигенции: полученные ею знания и привитые в ходе воспитания добродетели были попросту не жизненными, пригодными только для круга единомышленников со сходным уровнем образования и дохода. Попытка найти общий язык с русским народом (а если точнее, то с крестьянством как большей его частью) была продиктована не только желанием прикнудить к конкретной социальной группе, но и стремлением обрести твёрдые духовные основания, усвоить проверенную веками систему ценностей. Увы, эта система ценностей хоть и существовала, но никак не гармонировала с идеалами князя И. И. Бецкого. Добавление в кругозор интеллигенции идей гегельянства и позитивизма в середине XIX в. не устранило духовной маргинальности интеллигентов, а может быть, и усугубило её.

До сих пор мы говорили о русской интеллигенции в контексте культурного творчества и романтизации русского простонародья. Но не все представители данной социально-духовной группы вели созерцательный образ жизни и ограничивались констатацией расхождения реальности и их теоретических построений. Среди интеллигенции с самых первых лет её существования (первая четверть XIX вв.) встречались и люди действия, которые заявили о себе едва ли не после первого же выпуска Царскосельского лицея.

Появление в рядах гвардейцев выпускников лицея практически сразу же привело к формированию среди офицеров замкнутого тайного общества, а попытка командования устроить расследование окончилась волнениями, вошедшими в историю как «восстание Семёновского полка» (1820). После запрета тайных обществ и масонских лож в 1822 г. сформировались нелегальные организа-

¹ Башилов Б. Указ. соч. С. 458.

ции, возглавляемые будущими декабристами, среди которых не последнюю роль играл товарищ А. С. Пушкина по Царскосельскому лицу В. К. Кюхельбекер. Восстание декабристов было подавлено за один день (14 декабря 1825 г.) и по своей форме оно мало отличалось от любых других попыток военного переворота. Вызывает интерес лишь тот факт, что в своих проектах будущего устройства России лидеры мятежников Н. М. Муравьев и П. И. Пестель игнорировали отечественные реалии и даже политическую практику Западной Европы. Для Н. М. Муравьева обладал ценностью лишь опыт североамериканской Войны за независимость (1775–1783) и те планы, которые в те же годы пытались осуществить латиноамериканские патриоты под руководством С. Боливара¹. Но декабристы хотя бы не строили проектов мирового масштаба, ограничивая свои замыслы лишь преобразованием России. Зато, начиная с А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского, радикальная интеллигенция стала ориентироваться исключительно на общее светлое будущее, в которое народы России и Западной Европы должны будут идти одним путём. В частности, Н. Г. Чернышевский полагал, что социализм, а затем и коммунизм станут возможны лишь при соединении принципов европейской промышленности и русской крестьянской общины². В дальнейшем космополитизм и радикализм интеллигенции лишь усиливались. В частности, основатель анархизма М. А. Бакунин уже говорил не о возможности революции вообще, а о необходимости осуществить её в России или любой европейской стране безотлагательно. Объектом почитания у анархического философа, нередко переходившего от слов к делу, оставался народ, но теперь этот термин понимался вне национального и даже социального контекста. Вот как определял анархист народ, ради которого, по его мнению, требовалось совершить революцию: «Народ – а под народом я понимаю большинство, широчайшую массу бедных и угнетённых, – народ, говорю я, всегда был единственной творческою почвою, из которой только и произошли все великие деяния истории, все освобо-

¹ Сулимов С. И. Эволюция ценностных установок в мировоззрении русской радикальной интеллигенции: монография / С. И. Сулимов, И. В. Востриков. – Воронеж, 2012. – С. 97–98.

² Розенталь М. М. Философские взгляды Чернышевского. – М., 1948. – С. 155.

дительные революции. Кто чужд народу, того все дела заранее поражены проклятием»¹. При таком понимании народа (уже не простонародья и не крестьянства) радикальная интеллигенция превратилась в настоящие угли, тлеющие под домом Российской империи.

Кроме разработки социально-философских учений социалистической направленности, радикалы теперь не избегали терроризма как действенного метода борьбы с самодержавием во имя «народа». Расправа над императором Александром II Освободителем, совершенная группой террористов из «Народной воли», известна каждому, но почему-то не часто упоминается в литературе сибирское областничество, вдохновляемое теми же идеями. С конца 1850-х гг. в Иркутске действовало нелегальное объединение выпускников Петербургского университета, поставившее своей целью добиться для Сибири административной и экономической автономии. Вскоре с областниками стала сотрудничать «Народная воля», и закончилась эта подрывная деятельность антирусским восстанием 1866 г. Правда, ударной силой мятежа стали не интеллигенты, а пошедшие с ними на сговор поляки-каторжане, оказавшиеся в Сибири за участие в сепаратистском выступлении в родной Польше (в то время входившей в состав Российской империи). Мятеж был быстро подавлен войсками иркутского гарнизона и забайкальскими казаками, но схваченные главарь поляков В. Котковский, Н. Целинский, Я. Рейнер и Г. Шарамович сознались, что им оказали активное содействие члены иркутской «Народной воли»². Подавление восстания и суд над его идейными вдохновителями оставили местный идеологический климат без существенных изменений: сибирские областники продолжали действовать до самой революции 1917 г., хотя, может быть, и не настолько нагло. Например, сибирский публицист и общественный деятель Н. М. Ядринцев в конце XIX в. полагал, что сибиряки подвергаются притеснениям в Центральной России, и поэтому рекомендовал им организовать землячества в столичных городах таким образом, будто они приезжают в чужую страну³.

¹ Бакунин М. А. Анархия и Порядок. – М., 2000. – С. 139.

² Сибирь в составе Российской империи / отв. ред. Л. М. Дамешек, А. В. Ремнев. – М., 2001. – С. 295–296.

³ Ядринцев Н. М. История освоения Сибири (переработанное и обновлённое издание). – М., 2021. – С. 140.

Аналогичный вклад внесла интеллигенция и в постановку национального вопроса на Украине, не настаивая на радикальных действиях, но исподволь формируя запрос на культурную автономию. В частности, советский историк В. Ф. Асмус, в канун революции учившийся в Киевском университете, так описывал украинских националистов, ведущую роль среди которых играл его дядя: «Он (дядя автора – С. С.) был украинский патриот, мечтал стать издателем литературы на украинском языке и действительно впоследствии стал им. Уже когда я был в первых классах реального училища, в доме дяди начали появляться некоторые деятели украинской литературы и просвещения. Они вели – на украинском языке, разумеется – беседы с дядей на литературные, издательские и политические темы. Они любили рассматривать личную библиотеку дяди, помещавшуюся в его кабинете, в небольшом книжном шкафу. Среди этих книг, кроме нескольких изданий шевченковского «Кобзаря», кроме «Энеиды» Котляревского, сочинений Квитко-Основьяненко, Коцюбинского, Ивана Франко, Леси Украинки, Нечуя-Левицкого, Бориса Гринченко и других, стояли классики русской литературы. Здесь было собрание сочинений Пушкина в томиках очень маленького формата в чрезвычайно изящных переплётках, Кольцов, двухтомник Некрасова, прекрасно переплетённое двенадцатитомное издание Достоевского (приложение к журналу «Нива»), также чудесно переплетённое издание сочинений Чехова и немало книг по истории Украины, в числе их были не одни только исторические труды М. С. Грушевского, но и некоторые книги величайшей редкости и ценности. Дядя прилежно собирал их. Оценить их по достоинству я смог только в студенческие годы, когда стал филологом»¹. Разумеется, ни один из этих филологов-любителей не подозревал, что совсем скоро окажется идейным вдохновителем режима гетмана П. П. Скоропадского и петлюровских гайдамаков.

Возникает закономерный вопрос: каким образом могут совмещаться друг с другом стремление сблизиться с народом и политический радикализм, не чуждающийся террора и интернационализма? Вероятно, здесь сыграло свою роль то настроенное отноше-

¹ Асмус В. Ф. Философия в Киевском университете в 1914–1920 годах // ВФ. – 1990. – № 8. – С. 102.

ние, с которым русское простонародье встречало самозванных поклонников и благодетелей. Не встречая понимания среди реальных крестьян и мастеровых, радикальная интеллигенция пыталась заслужить репутацию спасителей, получив признание от будущих поколений простонародья. Фактически то же самое делали интеллигенты нерадикальные, выдумывая идеальный образ народа потому, что не могли войти в состав народа реального.

Необходимо также отметить, что роль образования в формировании русской интеллигенции не менялась на протяжении всего XIX в. В 40-е гг. XIX в. престижные лица и гимназии утратили свой статус единственных питомников высшего общества, а система И. И. Бецкого под влиянием эпохи претерпела множество изменений и лишилась большей части своих особенностей. Однако на смену лицу Царского Села пришли университеты Казани, Москвы и Санкт-Петербурга, в которых наряду с представителями столичного дворянства учились и молодые разночинцы, количество которых росло вместе с размыванием сословной структуры русского общества. В середине XIX в. интеллигенция уже не была дворянской, хотя высшее образование и аристократические манеры остались её внешней отличительной чертой.

Серебряный век принёс с собой пафос грядущего всеобщего обновления, а заодно и распад единого ценностного поля русской культуры¹. Эта дезинтеграция выразилась как в бесконечных и многообразных попытках создать новое искусство – от живописи К. С. Малевича и музыки А. Н. Скрябина до фильмов В. К. Туржанского, – так и в неугасимой политической активности радикальной интеллигенции. Не все интеллигентные радикалы принимали личное участие в терактах и забастовках, но большинство из них так или иначе поддерживали террористов и революционеров, а некоторые даже покровительствовали антирусским движениям на национальных окраинах. В частности, столичные адвокаты без малейших угрызений совести защищали Чета Челпанова, главаря сектантского движения антирусской направленности, сформиро-

¹ Шмеман А., протопресв. Основы русской культуры. Беседы на Радио Свободы. 1970–1971. – М., 2017. – С. 158.

вавшегося на Алтае в 1904 г.¹. Когда в 1917 г. случилась настоящая революция, то каждый интеллигент смог принять в ней посильное участие, осуществляя «революцию в культуре», подобно К. С. Малевичу и П. Н. Филонову, известным авангардистам, занявшим высокие должности в Наркомате культуры, или реализуя свои политические амбиции, как это сделал видный представитель сибирского областничества Г. Н. Потанин, вошедший в состав антисоветского Временного Сибирского правительства.

В Советском Союзе для интеллигенции наступила новая эпоха. С одной стороны, новое государство не терпело ни малейшей конкуренции со стороны как радикалов, так и других инакомыслящих. Это вызвало эмиграцию из страны в 1920-е гг. и гибель в 1930-е гг. всех тех представителей как творческой, так и радикальной интеллигенции, которые по каким-либо причинам не желали связывать своё творчество с марксизмом, а жизнь – с советским государством. Но, с другой стороны, советское руководство в отношении сотрудников умственного труда пошло по пути, широко применявшемуся в адрес царских офицеров в годы гражданской войны (1917–1922): их охотно принимали в ВКП(б) и назначали на ответственные рабочие места. Возможно, не в последнюю очередь именно благодаря таким правительственным мерам к 1940-м гг. разница между интеллигенцией и другими сотрудниками умственного труда – от бухгалтеров до врачей – практически перестала быть заметной. Тем более, что доходы творческой интеллигенции по меркам советского времени были совсем не маленькими, и поэтому интеллигенция имела все основания для переосмысления своих отношений с остальным обществом. Ведь победившая социалистическая революция объявила всю страну народной, а значит, интеллигенция, служа советскому режиму, наконец-то соединилась с народом. Но, с другой стороны, политика советского руководства временами не только не отвечала народным интересам, но принимала откровенно антинародный характер (например, в годы коллективизации). Не все представители интеллигенции были с этим согласны, хотя их мнение в таких вопросах и не играло никакой роли. Поэтому трансформировавшийся в СССР, но не отка-

¹ Данилин А. Г. Бурханнизм (из истории национально-освободительного движения в Горном Алтае). – Горно-Алтайск, 1993. – С. 85.

завши́йся от духовной автономии интеллигент до самых 1980-х гг. мог выбрать одну из трёх позиций.

Если его в первую очередь интересовали материальный успех и известность, то он мог посвятить все свои силы искреннему служению советской культурной политике, и в этом случае руководство его бы точно не забыло. Так повели себя А. Т. Твардовский, М. А. Шолохов, И. М. Тоидзе и многие другие деятели искусства, получившие ещё при жизни статус советских классиков.

Вторая позиция может быть условно названа «внутренней эмиграцией», когда интеллигент либо не состоял в творческих союзах и поэтому не сотрудничал с советской властью, работая по какой-нибудь другой, не творческой специальности, либо всё-таки сотрудничал, но старался не выслуживаться. На этой позиции стояли такие писатели как В. П. Астафьев, В. Г. Распутин и другие «деревенщики», использовавшие официальный статус литераторов для собственных творческих экспериментов, далеко не всегда одобряемых руководством Союза писателей и партийными цензорами. Такую позицию часто порицали, хотя она далеко не всегда подразумевала открытое несогласие творческой интеллигенции с политическим курсом страны. Скорее, речь идёт о разногласиях по принципиальным вопросам искусства, которые творец не всегда решает так, как требуется администрации Союза писателей. В частности, сибирская писательница Т. Е. Пьянкова так описывала разногласия поэта и руководства новосибирского отделения Союза устами героини своего романа: «Вы – руководитель, мы – ученики; мы – в публикации, вы – в фавор! Как же – взрастил поэтов! А что такие поэты гроша ломаного не стоят, увы, мало кто понимает. (...) А у человека, глядишь, впустую жизнь прошла: заброшена похвальными грамотами в старый чемодан»¹. То есть для «внутренних эмигрантов» качество творчества было гораздо важнее, чем материальные поощрения, которые им могло предоставить государство в обмен на бездумное обслуживание партийной линии.

Третья позиция выражалась в осознанном диссидентстве. Не смотря на неустанную работу спецслужб, антиправительственное подполье среди интеллигенции всё-таки существовало, хотя мас-

¹ Пьянкова Т. Е. Я – дочь врага народа: роман. – М., 2022. – С. 339.

штабы деятельности диссидентов не могут идти ни в какое сравнение с дореволюционной эпохой. Советских диссидентов нельзя ставить вровень не только с «Народной волей», но даже с сибирскими областниками, большая часть активности которых была легальной.

Говоря о диссидентах, необходимо отметить, что, не сотрудничая с государством и негласно отмежевываясь от него, они потеряли даже формальную связь с народными кругами и столкнулись с той же проблемой, что и современники Н. А. Некрасова. Их позиция была непонятна рабочим и колхозникам, и диссидентское творчество попросту не находило в СССР своего читателя, хотя регулярно печаталось методом самиздата и распространялось среди желающих. Поэтому активные инакомыслящие стали ориентироваться на эмигрантов и западную публику, что привело их к невольному сотрудничеству с британской и американской разведками. Возможно, именно поэтому судебные процессы над диссидентами привлекали такое преувеличенное внимание зарубежной прессы. Отечественная исследовательница Е. Г. Серебрякова, ссылаясь на «Обращение к мировой общественности», переданное диссидентами за рубеж и сразу же прозвучавшее в эфире Би-Би-Си 11 января 1968 г., отмечает, что диссиденты осознанно рассчитывали на помощь Запада: «Ориентация на мировую общественность свидетельствовала о принципиально новом повороте коммуникации – от представителей власти к Западу и сочувствующим соотечественникам. Всякая попытка достучаться до власти называлась бесполезной, эффективным признавалось только давление на неё. Поэтому новым союзником провозглашалась зарубежная общественность, с мнением которой официальные органы считались»¹. То есть диссидентская интеллигенция пошла по тому же пути, что и иркутская «Народная воля», оказавшая помощь польским сепаратистам, и петербургские адвокаты алтайского «пророка» Чета Челпанова.

¹ Серебрякова Е. Г. Универсальные поведенческие модели советских нонконформистов в «петиционной кампании» по «делу четырёх» // Вестник научной сессии факультета философии и психологии Воронежского государственного университета. – 2021. – Вып. 21. – С. 93.

Что же получила русская интеллигенция от Перестройки, уничтожившей Советский Союз? Казалось бы, творческая интеллигенция должна была обрести полную свободу самовыражения, «внутренние эмигранты» – без всякой опаски заговорить в полный голос, а диссиденты – выйти из тени. Всё это действительно произошло, только результаты такой гласности оказались более чем скромными, а материальные проблемы, вызванные реформированием советского Министерства культуры, вполне реальными. Н. Е. Покровский, на работу которого мы ссылались выше, указал на главный сюрприз, который получила интеллигенция от демократического государства: «Речь идёт о том, что обвальное падение доходов интеллигенции немедленно откликнулось тем, что она по условной шкале социальных престижей и стратификации скатилась с устойчивого второго места (после партийно-государственной номенклатуры) на последнее, которое она делит с нетрудовыми группами населения (пенсионерами, инвалидами, школьниками)»¹. В глазах постсоветского общества, унаследовавшего советское стремление судить человека по одежке и не менее советское благоговение перед дефицитом, ни интеллигент, ни интеллеktуал не мог пользоваться уважением, если он не подтверждал свой статус материальным успехом. В итоге менее чем за 10 лет интеллигенция превратилась в посмешище, в пародию на саму себя, сменив духовные поиски на кухонные посиделки, а идеализацию народа – на зависть к его трудовым представителям. Впрочем, радикальная часть интеллигенции не покинула историческую сцену без борьбы, дополнив политический небосклон России 1990-х гг. таким деятелем как Э. В. Лимонов. Взгляды данного писателя и оппозиционера можно условно считать близкими к учению П. Н. Ткачёва, а значит, и к русскому радикализму XIX в. Однако если сравнить степень влияния партии Э. В. Лимонова и какой-нибудь столичной организованной преступной группировки на происходившие в стране политические и экономические процессы, то придётся констатировать, что радикальная интеллигенция в конце XX в. лишилась протестного и революционного потенциала.

¹ Покровский Н. Е. Указ. соч. С. 35.

Возникает вопрос: может ли русская интеллигенция восстановить свои позиции в современном обществе? Напугает ли кого-нибудь снова протест её радикальной части и вдохновит ли кого-нибудь творчество интеллигенции нерадикальной? Придётся признать, что прежнее социальное и духовное пространство, в котором существовала и действовала русская интеллигенция на протяжении двух веков, в данный момент практически не существует. Это не вина и не победа интеллигентов, просто так уж устроено рыночное общество, что в нём литература и публицистика не обладают серьёзным влиянием и по определению обладать им не могут. Н. Е. Покровский ещё в 1990-е гг. с грустью констатировал: «Если раньше чтение классической литературы прежде всего имело нравственно-рекомендательный смысл, она могла дать практические советы, как нам поступать в тех или иных ситуациях. Ныне же мир русской классики подчас просто смешон, он абсолютно не релевантен ситуации. В обществе не только имеются, а именно господствуют совершенно иные наборы ценностей»¹. Диссидент или «внутренний эмигрант» советского типа в наши дни попросту никому не нужны, как и их более ранние предшественники: точно так же, как в Серебряном веке никому не требовался выпускник Царскосельского лицея. Современное общество имеет другие ориентиры, никак не пересекающиеся с литературным и художественным творчеством, равно как и не предполагающие филантропии или идеализации народа. Тем более, что благодаря рассказыванию, коллективизации и хрущёвской урбанизации русский народ на протяжении XX в. очень сильно изменился, и в наши дни в нём отсутствуют ярко выраженные аристократия и простонародье. Духовные интересы этого нового, постсоветского общества удачно охарактеризовал И. В. Кондаков: «Это равнодушие, возведенное в ранг идеологии и философии, имеет шанс стать в постсоветский период той третьей силой, которая и окажется наиболее конструктивной и модернизирующей русскую культуру. Усталость от конфронтаций, обличений, борьбы за власть; политическое равнодушие; потребительство на бытовом и культурном уровне; ...засилье массовой стандартизированной и деидеологизированной культуры (развлекательных шоу, игровых программ, лотерей и т.д.) – всё это

¹ Покровский Н. Е. Указ. соч. С. 36.

создаёт атмосферу, уменьшающую опасность социокультурного взрыва, которым всегда была чревата русская культура с её ярко выраженной бинарной структурой»¹. Такое общество всё-таки не лишено духовных запросов, но эти запросы имеют примитивный, развлекательный характер. Например, вместо писателя, идеализирующего народ, или журналиста, критикующего правительственный курс, в наши дни гораздо больше популярны блогеры – самозванные и нередко малограмотные публицисты, излагающие в интернете своё мнение по любому вопросу. И, повинаясь моде рыночного общества, каждый такой публицист-самоучка обязательно стремится хоть как-то придать своей деятельности коммерческий характер, а иначе в глазах потребительского общества он не будет иметь ни малейшего авторитета. Получается, как бы интеллигент без интеллекта, эксперт неизвестно в чём и консультант, у которого никто не просит советов. Значит ли всё это, что русская интеллигенция отжила своё и теперь быстро и неотвратно уходит в историю? Нет, не значит. Но для того, чтобы сохраниться, ей придётся трансформироваться до неузнаваемости и предстать в совершенно ином виде, никак не напоминающем о её Царскосельском, революционном и диссидентском прошлом.

Таким образом, возникнув как продукт образовательной системы, предельно далёкой от реальной жизни русского общества, интеллигенция в течение двух третей XIX в. пыталась соединиться с народом, стать его частью, но даже широкий кругозор и обилие талантов ей в этом не помогли. В лучшем случае интеллигенты руководствовались абстрактными представлениями о добре, правде и красоте, на основе которых выдумывали идеальный образ народа, который они считали русским простонародьем, но которого реально не существовало ни в одной стране мира. Этому сказочному народу они пытались служить и тогда действительно приносили людям немало пользы. Но попытки войти в ряды «униженных и угнетенных» неизбежно подчеркивали инородность интеллигенции и выявляли ошибочность её суждений, что приводило её к радикализму. К концу XIX в. радикальная интеллигенция встала на позиции интернационализма, что превратило её в «пятую колонну» Российской империи, а интеллигенция нерадикаль-

¹ Кондаков И. В. Культура России. – М., 1999. – С. 307.

ная оказалась очарована неизвестно откуда грядущим обновлением, которое обещал Серебряный век, и не смогла дать адекватный ответ кризисной ситуации, в которой оказалось российское общество. В советский период отечественной истории русское общество фундаментально трансформировалось, что повлекло за собой неизбежную метаморфозу интеллигенции, существенно уменьшив масштабы её творчества и сузив круг интеллигентских интересов. Перестройка же и последовавшая за ней административная и экономическая демократизация страны уничтожили сами основания, на которых зиждилось существование русской интеллигенции. Если русская интеллигенция и будет существовать в XXI в., то ей потребуется для этого измениться до неузнаваемости и найти какие-нибудь иные, прежде не задействованные ею направления для своей деятельности.

1.3. Формирование советской интеллигенции в Центрально-Чернозёмной области (1928–1934 гг.)

Советская коммунистическая власть в преддверии реализации глобального проекта индустриализации, предполагавшего быстрый переход к социализму, крайне остро нуждалась в лояльных, поддерживающих её начинания, специалистах. Идеологическая доктрина, предполагавшая по мере приближения к коммунизму, стирание различий между классами и очевидная нелояльность режиму большого числа старой дореволюционной интеллигенции диктовали необходимость подготовки специалистов из пролетарской или крестьянской среды. Новая интеллигенция виделась идеологам одним из главных продуктов политики Культурной революции, она должна была быть народной по происхождению, образу жизни и системе ценностей. Новый интеллигент планировался как передовой представитель прогрессивного вида граждан – людей советских.

Ситуация с количеством и качеством подготовленных специалистов и организацией системы образования в ЦЧО в период начала глобальной индустриализации была близка к катастрофической. Грамотность населения области составляла 37,8%, в том числе 52,3 % среди мужчин, 24,7% среди женщин (по РСФСР – 44,1%)¹. На II Областной партийной конференции в июне 1930 г. И. М. Варейкис приводил данные по ЦЧО: на 200 рабочих приходился один инженер и 2,5 техника, обладавших соответствующими дипломами и 2,6 инженера и техника практика-выдвиженца, без высшего и или среднеспециального образования. В сельском хозяйстве работало всего 4100 человек с высшим и средним образованием (агрономов, ветеринарных врачей и фельдшеров, участковых землеустроителей) на 12 млн. жителей².

В 1928 г. в ЦЧО работало три ВУЗа с числом учащихся – 3464 и 51 техникум с количеством обучающихся – 7320.

В 1929/1930 учебном году в ЦЧО функционировало 65 техникумов: в том числе шесть индустриальных, 20 сельскохозяйственных, три промышленно-экономических, 26 педагогических, пять

¹ Ямзин И. Центрально-Чернозёмная область в 5-летке. – М., 1929. – С. 35.

² РГАСПИ. – Ф.17. Оп.21. – Д.695. – Л.121,149.

медицинских и фармацевтических, один музыкально-художественный и один вечерний индустриальный. Во всех техникумах обучалось 10,8 тыс. учащихся¹.

В 1928 г. процент дипломированных инженеров и техников к общему количеству, занятых в промышленном производстве, равнялся 0,92. Из директоров промышленных предприятий высшее образование имели 5,1%, среднее 12,5%, незаконченное среднее 2,5%, низшее 80,1%². Удельный вес инженеров составлял 0,4%, а техников 1% к общему числу промышленных рабочих. В 1930 г. учебные заведения ЦЧО выпустили всего 716 инженеров и 5508 техников. Дефицит кадров высшей и средней технической квалификаций в 1931 г. на предприятиях ЦЧО составлял 678 инженеров и 2179 техников³. Поэтому ВУЗы и техникумы ЦЧО в годы индустриализации преимущественно были нацелены на подготовку технических специалистов, именно на эту сферу высшего и среднеспециального образования в первую очередь выделялось финансирование, на её развитие были направлены организационные реформы.

Если в 1928 г. в ЦЧО было три ВУЗа с количеством студентов 3410 человек, то в 1932 г. насчитывался 21 ВУЗ с контингентом обучающихся около 10 тыс. человек. В 1932 г. функционировало 161 среднеспециальное учебное заведение с количеством учащихся 28,8 тыс. человек. К концу первой пятилетки число специалистов высшей и средней квалификации выросло с шести тыс. человек (1929 г.) до 30 тыс.⁴

Чрезмерное дробление вузов приводило к распылению преподавательских кадров, нехватке помещений и оборудования.

Как отмечает Л. В. Кривцун: «точные цифровые данные установить чрезвычайно затруднительно из-за частой реорганизации техникумов, слияния, укрупнения, отпочкования ВУЗов и факуль-

¹ См.: Гетманов Ю. М. Деятельность партийных организаций Центрального Черноземья по формированию кадров советской интеллигенции (1917-1932 гг.) Дисс. на соискание учёной степени канд. ист. наук. – Воронеж, 1968. – С. 157.

² Гетманов Ю. М. Указ соч. С. 143.

³ РГАСПИ. – Ф.17. Оп.21. – Д.665. – Л.40-41об.

⁴ Куравский А. Профсоюзы ЦЧО в борьбе за социалистическое строительство // Четыре года социалистической реконструкции ЦЧО: Сб. ст. – Воронеж, 1932. – С. 78.

тетов в связи с поисками их оптимальной структуры, с одной стороны, административно-территориальной нестабильности региона – с другой. Но главные тенденции и направления развития высшей и средней школы в крае можно проследить с абсолютной степенью достоверности»¹.

2 июля 1932 г. секретариат Обкома ВКП(б) ЦЧО принял решение о реорганизации ВГУ. Университет теперь должен был вести работу по двум направлениям:

1. Готовить специалистов для научных институтов, опытных станций и лабораторий «с одновременным обеспечением их педагогической подготовки для работ в вузах и втузах в качестве ассистентов-групповодов»;

2. Через аспирантуры готовить кадры высшей квалификации, способных читать лекционные курсы в ВУЗах.

В начале 1931/1932 учебного года в университете на базе упраздняемого химико-биологического факультета были созданы отделения: механико-математическое, химическое, зоологическое, физическое, ботаническое. Учебный процесс обеспечивали 11 профессоров, 16 доцентов, 15 ассистентов и 11 преподавателей, трудившиеся на 21 кафедре². Среди крупнейших учёных, работавших в ВГУ можно назвать ботаника Б. М. Козо-Полянского, химиков А. Д. Богоявленского и А. В. Думанского, математиков А. К. Сушкевич и В. Е. Тарасенко, физика А. П. Поспелова, зоолога К. К. Сент-Илера³.

Один из выступавших на совещании, посвящённом проблемам развития образования в ЦЧО, констатировал: «Культурный уровень студента стоит очень низко. Я говорю о культурном развитии, которое должно сопутствовать каждому специалисту высшей квалификации. Ни научной литературой, ни просто беллетристикой, новейшей литературой они не интересуются. Культурными вопросами, театром, кино также не интересуются. В самом СХИ в клубе

¹ Кривцун Л. В. Деятельность коммунистической партии по осуществлению культурной революции в СССР в годы довоенных пятилеток (на материалах областей Центрального Черноземья). Дисс. на соискание учёной степени доктора ист. наук. – Воронеж, 1981. – С. 277.

² ГАОПИ ВО. – Ф.412. Оп.1. – Д.59. – Л.69.

³ Карпачёв М. Д. Воронежский университет: Вехи истории, 1918–2003. – Воронеж, 2003. – С. 184–185.

ставятся картины никуда не годные, рвутся всё время с далеко не воспитательным содержанием. Туда передают всякий хлам. Библиотека с беллетристикой отсутствует, нет ни новой литературы, ни классики. Я беседовал с некоторыми студентами, так они не знают Шекспира, не знают Достоевского. Так, говорят, проходили в средней школе по учебникам. Я уже не говорю о том, какое большое значение во вторую пятилетку, пятилетку построения бесклассового общества имеют развитые члены этого общества, а для специалистов это имеет тем большее значение»¹.

В начале 1930-х гг. многие преподаватели и руководители образовательных организаций ещё позволяли себе критические высказывания в адрес необходимости преподавания тех или иных общественно-политических дисциплин. Так высказывалась мысль, что «Ленинизм студентам нужен, а диамат можно преподавать по ходу изучения других дисциплин»².

Представитель Медицинского института в ходе одного из совещаний заявил: «Программы перегружены общественно-экономическими дисциплинами за счёт специальных, на которые нужен более длительный срок, тем более что в ВУЗы принимается неграмотный народ». Похожей точки зрения придерживался представитель ВГУ Дернов: «Необходимо уделять больше учебного времени на специальные дисциплины за счёт общественно-экономических с одной стороны, с другой необходимо освобождать профессоров и завучей ВУЗов от большой общественной нагрузки и большее использование их по прямому назначению»

Один из руководителей Ветеринарного института Баренгольц позволил себе откровенное высказывание против преподавания политических дисциплин: «Совершенно безболезненно можно исключить из программы ВУЗа общественные дисциплины (в частности диамат) в том объёме в каком они проходились до настоящего времени. По этим дисциплинам в специальном ВУЗе нужны основные знания, а их легко можно обнаружить и в специальной дисциплине. Например: «единство свиньи составляет противоположность её передней и задней частей». Необходимо также увеличить время для изучения и усвоения специальных дисциплин за

¹ ГАОПИ ВО. – Ф.2. Оп.1. – Д.2607. – Л.8 об.

² ГАОПИ ВО. – Ф.2. Оп.1. – Д.2139. – Л.53–55.

счёт безалаберной политехнизации ВУЗа»¹. Данную позицию при определённых обстоятельствах вполне могли расценить как откровенно антисоветскую.

Обследование областной комиссией Орловского и Тамбовского пединститутов, Курской ВКСХШ, Россошанского птицеводического института, Химико-технологического института, зооветинститута выявило недостаточно качественное преподавание социально-экономических дисциплин: философии, экономполитики, политэкономии, истории. Обследование выявило целый ряд «извращений» и неверных трактовок идеологически значимых для коммунистической власти постулатов.

По философии было обследовано 17 преподавателей. Обследование показало, что две трети обследованных товарищей не имели философского образования, и никто не занимался научно-исследовательской работой по специальности. Ассистент по философии в Химико-технологическом институте Матусевич на вопрос что он читал по философии «припомнил» какой-то «Трактат о происхождениях Спинозы».

Были выявлены случаи не неподготовленности и профессиональной непригодности преподавателей, например доцент Протасов (по специальности врач) преподавал в Лесотехническом институте «Ленинизм» и «Теорию советского хозяйства»².

Встречались случаи и откровенной «халтуры» со стороны преподавателей: «Является на лекцию ассистент Поздняков и спрашивает – «о чём мы сегодня будем читать». Ему говорят – о пшенице. Он берёт в руки книжку и начинает по ней читать»³.

В тоже время большинство преподавателей, безусловно, честно делали свою работу, готовились к занятиям, повышали свою квалификацию, изучали доступную литературу, с которой периодически возникали сложности. Например, проф. Квасников был «в курсе всей иностранной литературы», но эту литературу ему выписывали с большими переборами⁴.

¹ ГАОПИ ВО. – Ф.2. Оп.1. – Д.2139. – Л.2.

² ГАОПИ ВО. – Ф.2. Оп.1. – Д.2149. – Л. 41.

³ ГАОПИ ВО. – Ф.2. Оп.1. – Д.2607. – Л.13об–14.

⁴ ГАОПИ ВО. – Ф.2. Оп.1. – Д.2607. – Л.5.

Советское руководство, понимая необходимость в квалифицированных кадрах, проводила политику интеграции старой дореволюционной интеллигенции в новую социально-экономическую реальность. Целью данной политики было достичь со стороны специалистов если не абсолютной поддержки, то хотя бы лояльности. Партийный чиновник Рабичев заявлял: «У нас имеются руководители кафедр, профессора, допустим, что мы имеем дело со старым профессором Юрьевского университета, который наверняка идеалист, потому что если бы он был диалектик, то был бы в партии, а он беспартийный до сих пор, это не значит, что мы должны ему уступать, но мы должны помнить, что те знания, научные факты, научные данные которые он имеет, мы должны с него высосать до отказа. Мы у врагов будем учиться, будем брать полезное для нас. Возьмите, например, дисциплину по почвоведению, если там изложено, как сделать, чтобы урожай был высокий, то пусть этот старый профессор расскажет, а насчёт диалектики мы сами разберёмся, сами дойдём»¹.

Руководители области признавали, что «из старых профессоров есть ряд ценных работников, например, Квасников, Успенский, Пospelов, хотя каждый из них имеет также и свои отрицательные стороны». Их приходится терпеть, но будущего при советском строе у них нет. Говорилось о необходимости готовить новые пролетарские кадры, «чтобы дать возможность заменить тех старых профессоров, которые или сами уйдут или их уйдут – что-нибудь одно из двух»².

Объединённый пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 6–11 апреля 1928 г. «извлекая уроки» из «Шахтинского дала» потребовал сосредоточить особое внимание «...на вопросе о подготовке новых кадров красных специалистов»³. Большая часть научной и технической интеллигенции поспешила отмежеваться от так называемых «шахтинцев» и «промпартии». По стране прошли собрания и митинги, в резолюциях которых обвиняемые в участии в данных организациях клеймились позором. Участники публичных мероприятий –

¹ ГАОПИ ВО. – Ф.2. Оп.1. – Д.2139. – Л.40–41.

² ГАОПИ ВО. – Ф.2. Оп.1. – Д.2607. – Л.5.

³ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1953). – М., 1953. – Ч. 2. 1925–1953. – С. 505.

инженеры, преподаватели и студенты – заверяли коммунистические власти в своей преданности и готовности жертвовать всем на благо строительства социализма.

Некоторые научные работники действительно перешли на позиции коммунистической идеологии, другие занимали нейтральную позицию и соглашались с мероприятиями советской власти, чтобы не «лезть на рожон», не провоцировать гнев властей. Профессор Б. М. Козо-Полянский, глава секции научных работников (СНР) ЦЧО в июне 1930 г. говорил на II Областной партийной конференции: «... научные работники считают генеральную линию партии совершенно правильной и вполне оправданной колоссальными успехами хозяйственного строительства»¹.

Председатель Областного отделения Всесоюзной ассоциации работников науки и техники для содействия социалистическому строительству (ВАРНТСО) академик Б. А. Келлер говорил: «седые учёные становятся в ряды партии делаются молодыми партийцами... Мы спокойно отдаём себя в нашу науку и крепкие пролетарские руки. Мы знаем, что они науку не выдадут, что они поведут её к невиданному расцвету»².

Старые специалисты привлекались к руководству техническим образованием рабочих, культурно-просветительской работе среди крестьянства, разработке проблем развития сельского хозяйства, промышленности и планирования.

Конечно, не все преподаватели стояли на советских коммунистических позициях. Многие исполняли религиозные обряды. Газета «Красный университет» писала в 1929 г.: «Когда умер проф. Люткевич, всё было поднято на ноги: профорганизации, студенчество, научные работники. Гражданские похороны. Всё готово, но профессора и часть служащих и научных работников решили всё же исполнить религиозный обряд, где бы вы думали? В аудитории главной клиники. Здесь отслужили обедню... Умирает ассистент Губарь. Гражданскую панихиду провели с речами, отнесли покойника на кладбище, похоронили его и разошлись. Разошлись как будто все, через 15 минут вернулись профессора и научные со-

¹ РГАСПИ. – Ф.17. Оп.21. – Д.696. – Л.27

² РГАСПИ. – Ф.17. Оп.21. – Д.696. – Л.30–34; Келлер Б. А. Пролетарская революция и советская интеллигенция. – М., 1937. – С. 26.

трудники. Из-за кустов вылез поп, началась панихида. Пели все хором, особенно выделялся профессор Н., он пел умильным тенорком. Вознося очи к небу»¹.

В тех случаях, когда старые специалисты позволяли себе публично не соглашаться с официальной позицией властей, против них проводилась репрессивная политика разной степени жёсткости. Обком ЦЧО в постановлении «О состоянии работы СХИ» от 26 мая 1928 г. обязал партийное руководство института «принять меры к организации делового отпора антисоветским выступлениям правой части преподавателей». Постановления касалось позиции зав. кафедрой организации сельского хозяйства проф. Минина и группы близких к нему специалистов, которые выступили с критикой политики коллективизации².

Начиная с конца 1920-х гг. развернулась настоящая травля не угодных представителей научной интеллигенции. Начиная с «Шахтинского дела» атмосфера истерии и подозрительности с каждым годом только нарастала, жертв чисток и репрессий становилось всё больше и больше.

В 1929 г. в ВУЗах страны были организованы всеобщие выборы профессорско-преподавательского состава. Эта кампания затронула также ВУЗы ЦЧО. В отчёте бюро партийной организации ВГУ 1929 г. говорилось: «Особое место в работе партколлектива занимала кампания по перевыборам профессуры. Профессура первый раз отчитывалась перед студенческими и общественными организациями о своей работе. Эта кампания выявила реакционную часть профессуры, организовала против реакционных тенденций, против отрыва науки от практических задач соцстроительства лучшую часть профессуры»³. Власти сознательно проводили политику стравливания людей, нагнеталась ненависть и подозрительность. В ходе перевыборов не прошли по конкурсу, как не со-

¹ Цит. по: Позднякова А. С. Парторганизация ВГУ в борьбе за кадры социалистической культуры // Пятнадцать лет Воронежского государственного университета. – Воронеж, 1934. – С. 48–49.

² РГАСПИ. – Ф.17. Оп.22. – Д.693. – Л.195.

³ Цит. по: Позднякова А. С. Указ. соч. С. 47.

ответствующие требованиям советской высшей школы, около 20% преподавателей ВУЗов¹.

В ВГУ к оценке деятельности учёных были привлечены рабочие завода им. Дзержинского. Данные отчёты вылились в организованную травлю профессоров и доцентов, считавшихся «особенно реакционными». Отчитываясь, преподаватели должны были акцентировать внимание на своих идейно-политических позициях, выявлять и разоблачать свои ошибки, приносить публичные покаяния. После этого, собравшаяся общественность принимала решение о целесообразности дальнейшей работы в вузе того или иного учёного. В ходе данной кампании были «разоблачены» и уволены: доцент Введенский, которого обвинили в проповедовании идеалистическо-религиозного мировоззрения при чтении курса исторического материализма; профессор Крашенинников, имевший неосторожность заявлять, что «Марксизм, как философия, не должен входить в историю литературы», что «наука независима и не связана ни с какими классами»; профессор Замятин, обвинённый в том, что при чтении лекций по истории классовой борьбы «ухитрялся» не упоминать слово «классы»². Преподаватели обвинялись в махровом идеализме, примирении науки с религией, знания с верой.

Также в 1929 г. была проведена перерегистрация членов секции научных работников профсоюза работников просвещения, сопровождавшаяся чисткой от лиц, подозреваемых в нелояльности советскому строю. В 1931 г. из Воронежской секции научных работников по подозрению в нелояльности и контрреволюционной деятельности изгнали профессоров И. В. Якушкина, В. И. Иванова, Г. А. Замятина, М. Н. Крашенинникова, С. Н. Введенского, А. Н. Минина, В. А. Шадрина³.

В начале 1931 г. Органами ГПУ арестованы почти все преподаватели военной кафедры ВГУ⁴. Через несколько дней после ареста все подозреваемые были уволены приказом ректора. Вскоре сам ректор — П. Ф. Сапожников и трое его преемников: И. П. Под-

¹ Лутченко А. И. Руководство КПСС формированием кадров технической интеллигенции (1926-1933 гг.) // Вопросы истории КПСС. — 1966. — № 2. — С. 34.

² Цит. по: Позднякова А. С. Указ соч. С. 47.

³ Коммуна. — 1931. — 22 авг.

⁴ Карпачёв М. Д. Указ соч. С. 208.

войский, А. Я. Норин и А. Л. Щепотьев попадут в жернова политических репрессий.

Все арестованные сотрудники военной кафедры обвинялись в попытке создания контрреволюционной офицерской организации, ставившей целью свержение советской власти и восстановление монархии. Все обвиняемые признались в членстве в данной организации, а также в организации терактов и шпионаже в пользу Германии. По приговору «тройки» С. С. Беляев, А. А. Попов, Г. В. Шульц, И. В. Веселаго и В. И. Веселаго были расстреляны летом 1931 г. Остальных приговорили к длительным срокам заключения. Впоследствии все проходящие по данному делу были признаны не виновными и реабилитированы.

Атмосфера страха и недоверия нарастала. Литератор Н. Романовский писал: «В течение ряда лет в ВГУ сидели трижды подлейшие профессора-предатели, пытавшиеся использовать свои знания, свою силу против пролетариата, пытавшиеся встать на горло молодой советской науке»¹. Преемственная связь ВГУ с Юрьевским университетом теперь только вызывала подозрения.

В ноябре 1930 – марте 1931 гг. ГПУ было сфабриковано т. н. «дело краеведов», по которому проходила группа сотрудников ВГУ, в том числе профессора М. Н. Крашенинников, Г. А. Замятин, С. Н. Введенский. Из университета были изгнаны и оказались в заключении многие видные и перспективные учёные. Под подозрением, из-за интереса к немецким научным исследованиям, оказались профессора К. К. Сент-Илер, В. А. Афанасьев, А. С. Невзоров, бывший ректор В. Э. Регель и др.² В 1929–1932 гг. из ВГУ были изгнаны несколько групп преподавателей, которых подозревали в принадлежности к «активным троцкистам» и ведении «подпольной деятельности» среди профессорско-преподавательского состава и студенчества³.

Атмосферу, царившую в ВУЗах Черноземья в начале 1930-х годов, хорошо отражают материалы обследования Орловского индустриально-педагогического института, которое привело к травле

¹ Красный университет. – 1931. – 5 февр.

² Акиншин А. Н. Судьба краеведов (конец 20-х – начало 30-х годов) // Вопросы истории. – 1992. – № 6/7. – С. 172–178.

³ ГАОПИ ВО. – Ф.2. Оп.1. – Д.738. – Л.265–266; ГАОПИ ВО. – Ф.412. Оп.1. – Д.51. – Л.26.

двух его сотрудников: преподавателя истории Милициной и педологии профессора Смирнова. В вину Милициной ставилось применение запрещённого учебника Фридланда и Слуцкого, кроме того, в заключении комиссии говорилось: «Программа по истории классово-борьбы, переработанная уже на основании указаний товарища Сталина не отразила важнейший вопрос – о перерастании буржуазной революции в социалистическую, не выражена роль большевизма в борьбе с оппортунизмом и центризмом в международном рабочем движении. Тема «Великая французская революция» не увязана с критикой троцкистских обвинений нашей партии о термидорианстве; борьба большевиков с оппортунизмом и центризмом связана только с оформлением левого крыла во II Интернационале и это оформление преподаватель относит к периоду 1907–1914 г. В программе нет ленинского анализа империализма, нет теории построения социализма в одной стране, вытекающей из неравномерного развития капитализма в эпоху империализма. Нет постановки борьбы с Бухариным и Троцким по этим вопросам»¹.

«Программу по Педологии» проф. Смирнова обвинили в открытой пропаганде идеализма и использовании ссылок на диалектический материализм как ширмой, а также в использовании элементов механицизма, биологизма, антидиалектичности (метафизики), эклектизма².

Кроме абстрактных, Смирнову ставились в вину и конкретные преступления. Например, он обвинялся в том, что утверждал, будто Красная армия победила «белых из-за того, что сзади стояли войска ГПУ». В идее, «что при социализме деторождение будет находиться под разумным контролем и в этом отношении не будет того хаоса, который имеется в капиталистическом обществе», проверяющие увидели «издевательство над социализмом». Мысль, что «в определённых обстоятельствах человек может обнаруживать сверхординарную энергию» была интерпретирована обвинителями как попытка трактовать ударничество как «результат психологического давления на человеческий организм, который ставится в безвыходное положение». Тезис, что «по данным тестов умственное развитие детей пролетариата ниже, чем у детей культурных клас-

¹ ГАОПИ ВО. – Ф.2. Оп.1. – Д.2155. – Л.1.

² ГАОПИ ВО. – Ф.2. Оп.1. – Д.2155. – Л.1.

сов в капиталистических странах и в бывшей царской России» трактовался как издевательство над классом гегемоном¹.

Профессор Смирнов, пытаясь оправдаться, подробно разбирает претензии. Он писал: «Я никогда не был идеалистом ни в каком смысле, со средней школы я был антирелигиозным. У профессоров философии моего времени я был на подозрении; ни в одной из моих печатных работ у меня нет и намёка на идеализм. В последней моей книге «Психология юношеского возраста» содержится ряд ясных высказываний противоположного характера. Приезжая сюда я имел на руках договор с издательством «Безбожник» на составление книги на тему «Против идеализма и поповщины в учении об инстинкте». В 18-19 гг. был лектором Реввоенсовета Республики, позднее в 20-х гг. работал по заданию Главного штаба РККА (нач. Тухачевский) над составлением материалов по военной психологии, который был предоставлен в размере 30 печатных листов»².

Из объяснений видно, что Смирнов являлся абсолютно лояльный к советской власти человеком с хорошей подготовкой. На таких как он руководители советского образования должны были опираться, а не прорабатывать. Однако в нагнетаемой атмосфере ненависти и страха места для здравого смысла оставалось мало. Характерно, что, когда Смирнова прорабатывали на секции научных работников, один из студентов решил заступиться за профессора, не согласившись с мнением обвинителей, что он издевается над пролетарским студенчеством. Он заявил: «тов. Смирнов никогда не издевался, что он входил в класс с улыбкой, шутил, но злостности никакой не было». Однако заявление студента Круглякова не было принято во внимание, а Смирнову было сказано, что он является «чудовищем», которое уже успело «развратить студентов», раз они встали на его защиту³.

Комиссия резко раскритиковала партийную и комсомольскую организации института, которые не стала инициировать травлю, подвергшихся критике, преподавателей. Отмечалось, что «по вопросу протаскивания троцкизма Милицыной партбюро вместо то-

¹ ГАОПИ ВО. – Ф.2. Оп.1. – Д.2155. – Л.15–16об.

² ГАОПИ ВО. – Ф.2. Оп.1. – Д.2155. – Л.13–16об.

³ ГАОПИ ВО. – Ф.2. Оп.1. – Д.2155. – Л.16–17.

го, чтобы поднять этот вопрос на большую идейную высоту, широко развернув массовую работу подменило эту работу простым решением административного порядка – поручило директору снять Милицыну с работы. По проф. Смирнову постановили – оставить до подыскания работника... Секретарь комсомольской организации Казьмин сочувственно относился к троцкисту Лякишеву и, несмотря на требования отдельных комсомольцев поставить вопрос о проведении Лякишева на комсомольском собрании, всячески оттягивал»¹.

Таким же, по сути, надуманным претензиям и придиркам как Смирнов и Милицына подвергались и преподаватели других ВУЗов. Взгляды Тамбовского преподавателя рационализации производства Русанова были названы контрреволюционными и «троцкистской вылазкой», он обвинялся в неверном «истолковании октябрьской революции», отрицании возможности «догнать и перегнать в технико-экономическом отношении передовые капиталистические страны», в проповедовании апологии капиталистической рационализации, «реакционной расовой теории» в вопросах темпов развития и «социал-фашистскую теории» современного экономического кризиса капитализма и т. п.²

Член партии, ассистент, врач-офтальмолог Лурье обвинялся в том, что в работе о влиянии махорочного производства на орган зрения приводил антисоветские положения: «1. Вид рабочих 35–40 лет показывает, что они с обычной нормой выработок не справляются. 2. Рабочие эти по изношенности своего организма должны будут скоро бросить производство. Далее в своих выводах т. Лурье не даёт указаний как реконструировать производство и рационализировать его процессы, чтобы поставить рабочих в лучшие условия работы, а указывает исключительно на необходимость улучшения питания и повышения заработной платы рабочих». Несмотря на то, что «реконструкция производства и рационализация производственных процессов» явно не относится к научным интересам врача, «искривления» Лурье были освещены в институтской газете, также была создана бригада, в обязанности которой входило

¹ ГАОПИ ВО. – Ф.2. Оп.1. – Д.2155. – Л.3.

² ГАОПИ ВО. – Ф.2. Оп.1. – Д.2155. – Л.44–48.

ла организация травли молодого учёного «на страницах медицинской печати нашей области»¹.

Преподаватель Пединститута Луценко обвинялся в том, что обвинял советскую школу в эволюции «от буржуазной к сословно-феодальной, т. к. буржуазная школа более лояльная, чем советская, т. к. там не отдаётся предпочтение одному классу как у нас пролетариату»².

В трудах Дмитриева, сотрудника института реконструкции сельского хозяйства, были найдены «антипартийные установки» в трактовке отходничества, в вопросах зарплаты в колхозе, не правильным объявлялось утверждение, что «единоличное хозяйство путём тракторизации само перерастает в колхоз». Дмитриев признал свои ошибки³.

На данных примерах видно, как по ходу нагнетания ненависти и нетерпимости формировался особый язык и стиль шельмования неугодных или просто случайно подвернувшихся по начальственную руку учёных. Обычной практикой было самобичевание и публичные раскаяния прорабатываемых преподавателей. Так преподаватель Комвуза С. Т. Цейтлин обвинялся в отходе от положения Ленинизма и склонности к троцкистским установкам в преподавании Политэкономии, Диамата и История Запада и Востока. «Пришлось поставить второй доклад, на котором Цейтлин дал развёрнутую характеристику своих ошибок. Это выступление получило своё освещение и в резолюции аспирантов, и в газете Коммуниверситета»⁴.

В тоже время многие преподаватели находили в себе силы сопротивляться идеологическому партийному напору. Например, проф. Никифоровский (физиолог) заявил, что «процесс пищеварения он может объяснить диалектически только до момента попадания пищевой массы в кишечник. Процесс же всасывания питательных масс в стенках кишечника объяснить диалектически никак нельзя». Проф. Сергиевский (психиатр) по утверждению партийных проверяющих: «в своих занятиях проводил идеалистиче-

¹ ГАОПИ ВО. – Ф.2. Оп.1. – Д.2141. – Л.9.

² ГАОПИ ВО. – Ф.2. Оп.1. – Д.2141. – Л.7–8, Л.36.

³ ГАОПИ ВО. – Ф.2. Оп.1. – Д.2141. – Л.12.

⁴ ГАОПИ ВО. – Ф.2. Оп.1. – Д.2141. – Л.5–6.

ские контрреволюционные установки, утверждал, что коллективизация – это массовый психоз, доказывал, что рабочий, поставленный в новые условия (выдвиженчество, учёбы), не может с этой задачей справиться». В результате «общественного смотра» (по сути организованной травли) кафедры психиатрии, была выявлена «контрреволюционную сущность установок, даваемых кафедрой», профессора Сергиевского сняли с работы¹.

В ВУЗах массово создавались «бригады по пересмотру научной продукции». Новые программы перерабатывались параллельно с изучением письма И. В. Сталина².

В тоже время, периодически раздавались здравые голоса, призывавшие прекратить травлю преподавателей. На одном из совещаний работников ВУЗов ЦЧО докладчик заявил: «Где у нас философы, укажите не проработанного философа?». С места ему, согласно стенограмме, ответили: «где не проработанные историки, экономисты?»³

Смело для своего времени звучала фраза: «В оценке венерических болезней нашли троцкистскую контрабанду, я товарищи цитировал это из научного журнала. Но если учёные люди такую вещь написали, то я пасую»⁴.

Представитель агроинженерного института Андреев заявлял: «Роль преподавателя слаба бесспорно. Чувствуется, что преподаватель боится студента, особенно беспартийный преподаватель с не совсем чистым прошлым, у него не хватает духа прижать студента где нужно – «как бы меня не проработали, не сделали соответствующие выводы»⁵.

Критиковалась практика, когда в конце изучения дисциплины конференция давала оценку предмету и преподавателю. Партийный чиновник Рабичев предлагал отменить эту практику, он говорил: «никогда преподаватель не будет строго квалифицировать студента, если есть перспектива, что студент будет его квалифицировать»⁶.

¹ ГАОПИ ВО. – Ф.2. Оп.1. – Д.2141. – Л.9,10.

² ГАОПИ ВО. – Ф.2. Оп.1. – Д.2141. – Л.12.

³ ГАОПИ ВО. – Ф.2. Оп.1. – Д.2139. – Л.56–57.

⁴ ГАОПИ ВО. – Ф.2. Оп.1. – Д.2139. – Л.49–50.

⁵ ГАОПИ ВО. – Ф.2. Оп.1. – Д.2139. – Л.28.

⁶ ГАОПИ ВО. – Ф.2. Оп.1. – Д.2139. – Л.28.

Профессор Цислинский, сосланный в Воронеж из Киева, откровенно боялся «что его могут выгнать», если он пойдёт на конфликт с нежелающими готовиться по предмету студентами-общественниками. Характерно, что проверяющие относились к Цислинскому в целом лояльно, отмечая, что «несмотря на его классовую чуждость нам, является прекрасным преподавателем, прекрасным педагогом. Он прямо в рот вкладывает свой предмет»¹.

Жилищно-бытовые условия большинства студентов и преподавателей были крайне затруднительными. Материальное положение большинства преподавателей и студентов было тяжёлым. В 1928 г. государственные стипендии получали 90% учащихся рабфаков, 30% студентов ВУЗов и 20% – учащихся техникумов. В издании «материальное положение студентов Воронежского университета» 1928 г. приводятся сведения, что на 100 студентов мужчин приходилось: 34 зимних пальто, 46 осенних, 12 полушубков, 31 тёплый пиджак, 14 фуфаяк, 40 шапок, 10 фуражек, 31 пара сапог, 15 пар валенок, 23 кашне, 74 галстука, не было шляп и ни одной пары туфель². Обед студента состоял как правило из двух блюд: на первое – щи или суп, на второе – каша или картофель, редко котлеты. Хлеб к обеду не выдавался. Большинство студентов имели возможность покупать только половину порции³.

В тоже время, как отмечает М. Д. Карпачёв: «...восстановление хозяйства в годы нэпа позволило к концу 1920-х гг. существенно улучшить материальное положение научных сотрудников и преподавателей высшей школы. Во всяком случае, заработная плата университетских работников стала вполне приличной. Профессор получал в 1928 г. около 270–300 р. в месяц, доцент 180–220 р., преподаватель около 100 р. Намного меньше получал обслуживающий персонал. Зарплата уборщицы, например, составляла 21 р., сторожа – 23 р.»⁴. В годы первой пятилетки дважды повышалась зарплата профессорско-преподавательского состава, не однократ-

¹ ГАОПИ ВО. – Ф.2. Оп.1. – Д.2607. – Л.2об.–3

² Каноников А. Имущество студентов // Материальное положение студентов Воронежского университета. – Воронеж, 1928. – С. 48.

³ Вакурова А. Питание студентов // Материальное положение студентов Воронежского университета. – Воронеж, 1928. – С. 51–52.

⁴ Карпачёв М. Д. Указ. соч. С. 144.

но повышалась стипендия.росло количество студентов и учащихся техникумов, получающих стипендию¹.

Только 25% студентов и учащихся в ЦЧО были обеспечены общежитиями, а те, которые имелись, имели крайне скудный инвентарь. Из 221 студента, обследованных на предмет выяснения бытовых условий, 33 не имели матраца, у 46 отсутствовали собственные книги.

Около 40% студентов ВГУ в конце 1920-х гг. получали стипендию в размере 10–15 р. В начале 1930-х гг. размер стипендии приблизился к 30 р. Университет располагал четырьмя небольшими общежитиями (дома пролетарского студенчества), в которых размещалось около 400 студентов.

На одном из совещаний выступавший отмечал: «На сегодняшний день студенты еле ноги волочат. У нас стипендия на первом курсе 55 р. у студентов, на втором – 65 р., на третьем – 75 и до 90 р. в зависимости от семейного положения. Вычетов из неё 15%. За квартиру – 7 р. с отоплением, освещением и др. вычеты»².

В ЦЧО, так же, как и в других регионах страны, шло интенсивное развитие отраслевых научно-исследовательских институтов. В регионе создавались НИИ с учётом его экономической специфики, опыта имеющихся научных исследований и наличия подготовленных для исследовательской деятельности кадров. Были созданы НИИ Коллоидной химии, Плодово-ягодного хозяйства, Ветеринарно-бактериологический, Совхозный, Колхозный, Советской торговли и ряд других. Большую научную работу вели опытные учреждения при ВУЗах, опытная сеть Наркомзема, НИИ удобрений, сахара при ВСНХ ЦПА.

Всего в годы первой пятилетки в ЦЧО было создано 39 научно-исследовательских организаций и опытных станций, 13 из которых полностью существовали за счёт местного финансирования. По сравнению с дореволюционным временем сеть научных учреждений выросла в 17 раз³.

Большая часть работников НИИ совмещали научную и преподавательскую работу.

¹ Гетманов Ю. М. Указ. соч. С. 222–223.

² ГАОПИ ВО. – Ф.2. Оп.1. – Д.2139. – Л.32.

³ ГАОПИ ВО. – Ф.2. Оп.1. – Д.22746. – Л.51.

Научно-исследовательская работа Химико-технологического института финансировалась Воронежским сахаротрестом, Центральным институтом сахарной промышленности и Наркомснабом РСФСР. На книгу «Химия сахарного производства» были напечатаны отзывы в немецком и американском журналах. Немецкий рецензент отмечал: «Несмотря на краткость автору удалось изложить ясно и понятно все важнейшие процессы сахарного производства и применить соответствующие физико-химические теории. Принять во внимание новейшие исследования, а там, где ещё не имеется никаких теорий, автор восполнил пробел собственными теориями... Особенно характерно и ценно в книге то, что автор сумел новейшие теоретические воззрения разъяснить на примерах из практики, так что сделал лёгким использование в практике теоретических знаний... В целом книгу можно бы назвать физико-химией сахарного производства, так как она содержит все основные теории, которые облегчают практику, понимание и ведение процессов производства». В американском отзыве говорилось: «Эта книга отличается главным образом тем, что в ней введены новые теории. Таковы: физико-химия диффузионного процесса, применение теории Доннана к заводской работе, теория кристаллизации и т. п. Следует пожалеть о недостатке подобных сообщений в английской литературе»¹.

Проблема пополнения преподавательских кадров решалась, в какой-то мере, за счёт выдвиженцев, в состав которых старались отбирать талантливых и склонных к научной деятельности студентов старших курсов. Учёбой и научными изысканиями выдвиженцев руководили опытные профессора. Из выдвиженцев в конце 1920-х гг. стали формировать отдельные группы. Главной трудностью при наборе выдвиженцев было требование партийных властей отбирать потенциальных преподавателей высшей школы исходя в первую очередь из критериев социального соответствия. Так рабочая прослойка среди выдвиженцев должна была быть не ниже 60%, а партийно-комсомольская – не менее 80%².

Одним из видов выдвиженчества было привлечение грамотных рабочих и крестьян к педагогической работе в ходе реализации

¹ ГАОПИ ВО. – Ф.11. Оп.1. – Д.38. – Л.21–23.

² Карпачёв М. Д. Указ. соч. С. 158.

кампании по ликвидации неграмотности. Многие в последующем, после прохождения соответствующей подготовки, продолжили преподавательскую деятельность.

Выдвиженчество регламентировалось постановлением ЦК ВКП(б) от 7 марта 1927 г. «О задачах партии в деле выдвижения рабочих и крестьян в госаппарат»¹.

Поскольку дипломированных специалистов для замещения вакантных должностей не хватало, практиковалось выдвижение на должности инженеров и техников опытных, квалифицированных рабочих. Инициатива подобных назначений, как правило, исходила от профсоюзных организаций, которые согласовывали свои предложения с дирекцией и партийной организацией предприятий. В 1931 г. на должности ИТР было выдвинуто 500 человек без специального образования, из которых 93% являлись рабочими². К концу первой пятилетки инженерно-технические функции выполняли 2629 выдвиженцев (47,3% от общей численности инженеров и техников). При этом, среди директоров, главных инженеров и их заместителей высшее образование имели только 138 человек (21,4% от общего количества руководителей производством), среднее специальное образование имели 205 человек (31,6%), 304 человека (47 %) являлись выдвиженцами из рабочей среды³.

Большое количество рабочих выдвиженцев обучалось в кабинетах рабочего образования, которые функционировали в Воронеже, Орле, Тамбове и Курске. Данные заведения представляли собой, по сути, ускоренных курсы, дававшие основы технологических знаний, готовившие, в том числе, к поступлению в ВУЗы и техникумы. В 1932 г. на данных курсах обучалось 2,5 тыс. слушателей, закончили их в этом году 500 человек⁴.

Помимо открытия рабфаков и учебных комбинатов при ВУЗах и техникумах, при финансовой помощи профсоюзов, открывались курсы по подготовке рабочих и крестьян в данные учебные заведения. Например, по решению профсоюза СХЛР осенью 1929 г. при ВСХИ начали работу трёхгодичные курсы для крестьян. Что-

¹ Справочник партийного работника. Вып. VI. Ч. I. – М.-Л., 1928. – С. 627.

² Куравский А. Указ. соч. С. 90.

³ См.: Гетманов Ю. М. Указ соч. С. 168.

⁴ Там же. С. 169.

бы поступить на эти курсы, было достаточно иметь начальное образование¹.

На некоторых заводах были созданы группы подготовки рабочих в институты. Занятия в этих группах в виде общественной нагрузки вели студенты старшекурсники, сами зачастую бывшие рабфаковцы, работавшие до поступления ВУЗы на данных предприятиях. С 1929 г. на всех заводах и фабриках был организован набор поступающих на «курсы индустриализации». Для обучения на этих курсах было также достаточно иметь образование не ниже начальной школы и рабочий стаж не менее 5 лет². Приоритет отдавался рабочим-ударникам и победителям социалистических соревнований. Обучение будущих абитуриентов технических ВУЗов проходило без отрыва от производства, курсы не имели чётких планов и учебных программ, контроль посещаемости и знаний носил формальный характер.

Практика подготовки абитуриентов из полуграмотных людей с низшим образованием на курсах, не имевших, чаще всего, системной организации учебного процесса, приводило к тому, что на учёбу в ВУЗы и техникумы приходил совершенно не способный усваивать сложную программу контингент. Понимая это, но исходя из необходимости подготовки рабоче-крестьянских кадров, ВУЗы, предприятия, профсоюзные и партийные органы старались по возможности отбирать на курсы хоть как-то способных к продолжению обучения граждан. Как правило, каждая кандидатура обсуждалась персонально на собраниях членов коллектива, профсоюзной организации или партийной ячейки.

Ещё одной установкой высших партийных инстанций было требование обращать усиленное внимание на обучение женщин – работниц и крестьянок. Для них, под патронажем партийных и профсоюзных структур, открывались одногодичные и двухгодичные курсы. Рабочий день, обучающимся на данных курсах женщинам, сокращался до 6 часов, а последние два месяца они, как правило, освобождались от основной работы с сохранением заработной платы³.

¹ ГАВО. – Ф.895. Оп.3. – Д.146. – Л.26; Оп.4. – Д.217. – Л.13–14.

² ГАРФ. – Ф.5466. Оп.3. – Д.312. – Л.9,13.

³ Подготовка кадров в СССР. 1927–1931 гг. – М.; Л., 1933. – С. 35.

Основным источником абитуриентов «правильного» социального происхождения в первой половине 30-х годов являлись рабфаки. Июльский пленум ЦК 1928 г. постановил за два года увеличить число дневных и вечерних рабфаков. Партийное руководство ЦЧО выполнило данное распоряжение. В 1928 г. в области было 5 рабфаков, в которых училось 700 человек. В 1931 г. функционировало уже 10 дневных и 29 вечерних рабфаков с контингентом учащихся – 7317. В 1933 г. на 12 дневных рабфаках обучалось 4076 студентов, а на вечерних – 11582.

Большой проблемой в ЦЧО, как и во всей стране, была нехватка учителей, их низкая квалификация и чрезмерная загруженность. Средняя норма нагрузки на учителя в начальной школе составляла 46,5 человек. Средняя нагрузка на группу в средней школе была 40 человек¹. К началу 1932/1933 учебного года недостаток педкадров по области составлял для школ первой ступени 1383 человек, по ШКМ и ФЗС – 348 человек. Недостаток частично покрывался выпуском 225 курсантов семимесячных курсов, проведением мобилизации комсомольцев и работающих не по специальности и в итоге составил 530 человек, который был покрыт практикой студентов Педтехникумов и совместительством². Мобилизовано работающих не по специальности в 1931 г было 145 человек, в 1932 г. – 316, в 1933 г. – 113 человек³. Недостаток учителей на 1.09.33 г. несколько сократился и составлял примерно по начальной школе 450 человек, по средней школе – 564 человек, из них недоставало обществоведов – 180 человек. Недостаток кадров покрывался в том числе за счёт получения кадров из Народного комиссариата Просвещения: было прислано по распределению 348 человек⁴.

В начальной школе в 1933 г. имелось 29765 учителей против 18171 в 1929/1930 уч. году. По средней школе соответственно 10339 против 4551. В 1933/1934 учебном году в начальной школе работало 40% учителей с низшим образованием и краткосрочной педагогической подготовкой, 34,1 % – со стажем от 1 до 3 лет. В средней школе 10 % сельских учителей и 5,5 % городских имели

¹ ГАОПИ ВО. – Ф.2. Оп.1. – Д.2589. – Л. 88.

² ГАОПИ ВО. – Ф.2. Оп.1. – Д.2157. – Л.49.06.

³ ГАОПИ ВО. – Ф.2. Оп.1. – Д.2589. – Л. 68.

⁴ ГАОПИ ВО. – Ф.2. Оп.1. – Д.2625. – Л.50. Подсчёт является приблизительным потому, что существуют данные из 99 районов ЦЧО из 144.

низшее образование. В составе учителей средней школы в селах только 6% имели высшее образование, 13% незаконченное высшее. В городских средних школах высшее образование имели 21,1% учителей, незаконченное высшее – 13,9%. Уменьшение процента учителей средней школы с высшим образованием происходило за счёт продвижения учителей со средним образованием, студентов вечерних и заочных педтехникумов.

Если брать весь состав учительского сообщества, то стаж работы до одного года имело 13,7% сельских учителей, 5,5% – городских, 29 % сельских учителей и 13,7% – городских имели стаж от одного года до трех лет¹, 71% учителей сельских общеобразовательных школ и 56,5% – городских имели средние образование².

6 января 1931 г. коллегия Наркомпроса постановила: «...ускорить выпуск учителей с педкурсов, мобилизовать на педработу лиц, могущих вести занятия в младших группах начальной школы»³.

Одной из самых распространённых и массовых форм повышения квалификации педагогов были краткосрочные курсы повышения квалификации учительства во время каникул. Через областные курсы при Институте повышения квалификации кадров народного образования (ИПККНО) в 1932 г. прошло 1806 работников РОНО, педтехникумов, образцовых школ, зав. школами и т.д. В 1933 г. с января по октябрь – 2121 чел. Через районные краткосрочные курсы в 1932 г. прошло 3268 чел. В 1933 г. – 15059 учителей, главным образом из числа не имеющих среднего образования⁴. По поручению ИПККНО при Пединститутах и Педтехникумах открывались краткосрочные одномесячные и полуторамесячные курсы, для преподавателей обществознания и политехнического труда⁵.

Самообразовательной работой было охвачено в 1933 г. 2000 чел. учителей, заочным обучением 6112 человек по курсу педтехникумов и 2900 человек по курсу педагогических ВУЗов. Для группы учителей в 3500 чел. было организовано изучение основ производства и для 1183 человек – военные лагеря.

¹ ГАОПИ ВО. – Ф.2. Оп.1. – Д.2625. – Л.49, Там же. – Д.2589. – Л.64.

² ГАОПИ ВО. – Ф.2. Оп.1. – Д.2625. Л.49.

³ ГАРФ. – Ф. А-2306. Оп. 69. – Д. 2112. – Л. 26.

⁴ ГАОПИ ВО. – Ф.2. Оп.1. – Д.2149. – Л.131.

⁵ ГАОПИ ВО. – Ф.2. Оп.1. – Д.2625. – Л.51.

Подготовка новых педагогических кадров велась в одном университете, трех Педвузах, 50 – техникумах, шести педагогических рабфаках (три дневных, три вечерних) и через сеть курсов при педагогических Вузах и техникумах.

Помимо основной работы, несмотря на рекомендации партийных постановлений, учителя постоянно использовались в качестве дармовой рабочей силы на различного рода общественных работах.

В результатах одной из областных проверок работы школ отмечается, что: «несмотря на то, что случаи отрыва учителей на непостоянную работу во время занятий прекратились как массовое явление, однако продолжает иметь место практика посылки на кампании обществоведов... Роль профсоюзных организаций в борьбе за улучшение материально-правового положения учительства в районах не удовлетворительна, а в ряде районов совершенно не заметна»¹.

В тоже время, очевидно, что не все учителя были настроены лояльно к советской власти. Антисоветские настроения среди учительства выражались в попытках уклониться от проведения общественной работы, поддержке родственников кулаков². К числу таких фактов можно отнести: укрытие кулацкого хлеба учительницей Неретинской школы Алексеевского района Матвеевой, поддержка кулаков-родственников учителями Репёвского района Аристовым и Сапроновым.

По жалобе одного из педагогических работников редакция газеты «Будь готов» инициировала проверку Сухово-Гаёвской школы Верхне-Хавского района. Проверка выявила, что зав. школой Звягинцев Ф. С. и его жена – преподавательница Звягинцева – применяли физические методы воздействия на учащихся. Школьник Куркин Вася (4 группа) рассказывал проверяющему: «Учитель Фёдор Семёнович Звягинцев ударил меня кулаком по глазу во время урока. Неоднократно выгонял меня за дверь из класса. Пядухов Вася (4 группа) показал, что директор бил его костью по спине и руке. Колёс Павлова Звягинцев ударил во время урока у доски по нижней челюсти, Хвостов Алёша получал от педагога щелчки по голове. На уроках Звягинцев постоянно кричал и обзы-

¹ ГАОПИ ВО. – Ф.2. Оп.1. – Д.2157. – Л.51.об.

² ГАОПИ ВО. – Ф.2. Оп.1. – Д.2149. – Л.133

вал детей грубыми словами: баран, идиот, чёрт, дурак. Ученика Гончарова он ударил линейкой по голове, приговаривая – «Вот так надо делать». Звягинцева М. С. – жена заведующего – рвала тетради учеников, обзывала их: мерзавцы, идиотики, бандиты и т. д. Ставила в угол перед всем классом, трепала за уши, выгоняла из класса»¹. Дочь Звягинцевых – ученица этой же школы – организовала выход группы учащихся из комсомольской организации. Проверяющие связали антипедагогические методы семьи Звягинцевых и антикомсомольский выпад их дочери с социальным происхождением семьи, прямо обвинив их во враждебности Советскому строю.

В целом, в начале 1930-х гг. на фоне отказа от смелых экспериментов 20-х гг. и возвращения ко многим дореволюционным образовательным практикам происходит восстановление статуса учителя как представителя не «отмирающей», а полноценной и уважаемой профессии. Власти предпринимают действенные меры по повышению общественного статуса и материального обеспечения учителей, проводится колоссальная работа по подготовке новых и по повышению квалификации уже имеющих педагогов. В то же время, не всё удавалось сделать в те сроки, в какие планировалось.

Образовательный процесс в Центрально-Чернозёмном регионе имел свою специфику. С одной стороны, благодаря гигантским усилиям органов партийной власти и педагогической общественности, имели место удовлетворительные темпы борьбы с неграмотностью, своевременный переход ко всеобщему обязательному начальному обучению и к семилетней школе. В то же время, аграрный характер экономики региона, огромные затраты необходимые на реализацию планов по ускоренной индустриализации, последствия голода 1933 г. не позволяли обеспечивать потребности учителей в том объёме, в каком это было предусмотрено партийными постановлениями.

Большая часть учителей области прикладывали все зависящие от них усилия, чтобы выполнять свой профессиональный долг. Педагоги осваивали новые программы, внедряли требуемые мето-

¹ ГАОПИ ВО. – Ф.2. Оп.1. – Д.2627. – Л.12–13.

ды обучения, повышали свою квалификацию, а более опытные учили «педагогический молодняк».

Условия жизни учителей, хотя и улучшались, но далеко не во всех районах и в целом продолжали оставаться очень низкими. Особенно в неблагоприятном положении были педагоги, происходившие из т. н. «бывших» или имевшие не благонадёжных с точки зрения Советской власти родственников. Их права не были практически ни как защищены, а возможности профессионального роста ограничены. В тоже время большинство учителей были лояльны Советской власти и пусть вынужденно, но без особых протестов, участвовали в возлагаемых на них, обязательных формах общественной жизни.

Ряды советской интеллигенции пополнялись не только за счёт притока большого количества учителей, преподавателей, инженеров, работников учреждений культуры и учёных, а также за счёт людей творческих профессий: писателей, художников, композиторов, артистов и т. д. В 1928 г. в ЦЧО работали отделения литературно-художественных ассоциаций: Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП), Российской ассоциации пролетарских музыкантов (РАПМ), Ассоциации художников революционной России (АХРР).

В декабре 1928 г. Обком инициировал съезд пролетарских писателей, в ходе работы которого были созданы областное отделение Ассоциации пролетарских писателей и ЦЧО-отделение крестьянских писателей. Кроме того, были созданы литгруппы: в Острогжске, Россоси и Мичуринске. Всего в АПП ЦЧО входило 113 человек¹.

АПП ЦЧО активно работала над литературным приложением к газете «Коммуна» («Неделя») и издавала журнал «Ленинский путь». Кроме того, было подготовлено и выпущено несколько больших литературных альманахов: «Ярь» в Орле (1928 г.), «Четвёртая полоса» в Курске (1929 г.), «Звено», «Ударник», «Подъём» в Воронеже (1930 г.)

¹ См.: Мазас В. М. Партийное руководство эстетическим воспитанием трудящихся Центрального Черноземья (1928–1937 гг.). Дисс. на соискание учёной степени канд. ист. наук. – Воронеж, 1985. – С.78–79.

В годы первой пятилетки модным и всячески пропагандируемым РАПП явлением было т. н. «рабочее авторство» – произведения пролетарских писателей. Был объявлен «призыв ударников в литературу», рабочий писатель провозглашался «главной фигурой советской литературы». В основном данные произведения были крайне слабы с художественной точки зрения, в тоже время некоторым из них удалось добиться относительной популярности у читателей. Среди наиболее удачных произведений написанных непрофессионалами можно назвать «За сплошную грамотность» В. Науменко и «Рапорт смены» Н. Чехлыстова¹.

23 апреля 1932 г. ЦК ВКП(б) издал постановление «О перестройке литературно-художественных организаций». Обком ЦЧО во исполнение данного постановления решил: «1. Ликвидировать АПП и общество колхозных писателей ЦЧО; 2. Утвердить оргбюро Союза советских писателей ЦЧО в составе 9 человек; 3. Литературно-художественный журнал «Подъём» превратить в орган Союза советских писателей ЦЧО»².

26 мая 1932 г. в областном центре был сформирован оргкомитет Союза советских писателей, а летом данная организация была создана.

Среди наиболее востребованных произведений писателей ЦЧО можно отметить романы М. Подобедова «Восхождение», В. Петрова «Борьба», М. Булавина «Боевой девятнадцатый». Роман М. Булавина «Девятый вал» был издан тиражом 20 тыс. экземпляров и был раскуплен за несколько дней.

29–31 января 1930 г. состоялась первая конференция композиторов ЦЧО, в ходе которой произошло объединение воронежских (Г. Богачев, В. Вишневецкий, Ю. Иллотович, К. Массалитинов, С. Попов и др.) и Тамбовских (Г. Сметанин и его ученики) композиторов в ЦЧО-отделение Российского объединения революционных композиторов и музыкальных деятелей. В 1930 г. в ЦЧО было организовано общество «музыка – массам» под председательством К. Массалитинова. Данная организация занималась организацией концертов, праздников, хоровых кружков, «дней музыки» и т. д. В Воронеже был организован симфонический оркестр, выступавший

¹ Мазеев В. М. Указ. соч. С. 80.

² ГАОПИ ВО. – Ф.2. Оп.1. – Д.1513. – Л.289.

первое время в зале кинотеатра Спартак. Оркестром регулярно устраивались творческие вечера известных композиторов: Р. Глиэра, С. Прокофьева, Д. Шостаковича, Д. Кобалевского, И. Дунаевского и др. За сезон 1927/1928 г. симфонический оркестр дал 22 концерта, с 1928 по 1933 г. – 730 концертов, на которых присутствовали 365000 человек. Количественный состав оркестра увеличился с 50 до 71 музыканта. Кроме регулярных плановых выступлений оркестр проводил шефские концерты на предприятиях области, обслуживал съезды, конференции, слёты и другие политические кампании¹.

Большой проблемой была нехватка кадров музыкальных работников. Резолюция съезда отмечала необходимость организации при Воронежском музыкальном техникуме отделения самодеятельного искусства².

Весной 1933 г. было создано ЦЧО отделение Союза советских композиторов. Стали регулярно проводится декады советской музыки и областные смотры-конкурсы молодых исполнителей. Первый такой конкурс был организован в ЦЧО с 10 по 15 января 1934 г. Зав ОблОно И. Г. Никифоров в инструктивном письме отмечал, что смотры-конкурсы должны: «показать трудящимся массам достижения в овладении музыкальным искусством пролетарской молодёжью, продемонстрировать работу каждого музыкального учебного заведения и выявить молодые музыкальные дарования в ЦЧО».

Количества театров в ЦЧО постоянно росло: в 1928 г. – 20, в 1931 г. – 27, в 1933 г. – 30. Театры находились в 9 городах: Белгороде, Борисоглебске, Воронеже, Ельце, Курске, Липецке, Мичуринске, Орле, Тамбове³. В 1929 г. в Воронежском драматическом театре была создана постоянная труппа, в состав которой входили артисты В. Г. Энгелькорн, А. В. Поляков, М. А. Зимбовский, Г. А. Шебуев, Г. М. Васильев, Р. Г. Данилевская, О. Г. Супротивная и др.

¹ Воронежская коммуна. – 1928. – 28 марта.

² ГАОПИ ВО. – Ф.2. Оп.1. – Д.1355. – Л.3–4.

³ РГАСПИ. – Ф.17. Оп.22. – Д.234. – Л.230; РГАСПИ. – Ф.17. Оп.22. – Д.2006. – Л.66.

В 1928 г. в Воронеже был открыт театр юного зрителя. Первой постановкой театра была трёхактная пьеса «Робин Гуд». В 1931 г. в Воронеже был открыт театр музыкальной комедии.

Как видим, процесс формирования новой советской интеллигенции шел не просто. С одной стороны советские органы, управлявшие данным процессом, часто «перегибали палку», устраивая незаслуженные гонения и организовывая преследования ценных и, как правило, не в чём перед ними не виновных специалистов. С другой стороны нужды экономики требовали ускоренной подготовки кадров, что в значительной степени сказывалось на качестве их подготовки. В результате ряды работников умственного труда часто пополняли люди, не относящиеся по уровню своего развития и образования к интеллигенции. Значительные трудности в формировании новой интеллигенции были связаны с материальными проблемами, нехваткой средств, площадей и оборудования, бедностью быта и скудостью повседневного потребления. Периодические, часто не продуманные реформы, кампанейщина, излишняя заидеологизированность часто не позволяли развиваться здоровым прогрессивным идеям и благоприятной для творчества среде. Но, несмотря на все сложности, в первой половине 1930-х гг. произошли не вероятные по масштабам сдвиги в развитии науки, образования и культуры. Эти перемены, безусловно, повлияли в конечном итоге на увеличение числа образованных и интеллигентных людей, многие из которых искренне разделяли коммунистические убеждения и лояльно относились к советской власти.

Глава 2. ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ: СУЩНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

2.1. РУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Разговор о таком социокультурном феномене как русская интеллигенция длится уже второе столетие. Начиная с марта 1909 г., с момента выхода в свет сборника «Вехи» и до сегодняшнего дня идут споры о месте и роли русской интеллигенции в жизни общества. Мы не найдем ни одного крупного отечественного мыслителя, который в своих работах не затрагивал бы вопроса о том, что такое интеллигенция, какова её историческая миссия, какую роль она играет в формировании национального самосознания. Такое внимание к проблеме интеллигенции не случайно, т. к. с момента возникновения и до настоящего времени интеллигенцию в русском обществе воспринимают как группу, которая играет особую роль в общественно-политической, культурной и нравственной жизни. Более того, высказывались мнения, что существует социокультурная потребность в такой группе. «Россия нуждается в новых деятелях на всех поприщах жизни: государственной – для осуществления «реформ», экономической – для поднятия народного хозяйства, культурной – для работы на пользу русского просвещения»¹.

Стремление выделить существенные социально-психологические и нравственные черты русской интеллигенции можно увидеть уже в произведениях тех, кто стоял у истоков данной проблематики. В романах Н. Г. Чернышевского и И. С. Тургенева мы встречаем художественные образы «новых людей», появившихся в России в пореформенную эпоху. Научно-теоретическое исследование проблемы уже встречается в статье Д. И. Писарева «Мыслящий пролетариат» (1865 г.).

На рубеже XIX–XX столетия тема интеллигенции становится приоритетной для представителей русской гуманитарной мысли.

¹ Булгаков С. Н. Героизм и подвижничество // Вехи. Из глубины. – М., 1991. – С. 63.

Но в исследованиях, посвященных русской интеллигенции, ее истории, важным этапам в развитии, традиционно остается вне интереса исследователей, вопрос о ее гендерном составе. Априори считается, что если речь идет о русской интеллигенции, то в первую очередь это мыслители, писатели, учителя, врачи, т. е. те профессии, которые до 1917 г. были связаны с деятельностью мужчин. Так ли это было в реальности? Возможно ли было выполнить задачу «сознательного строительства жизни»¹ без участия женщин? На первый взгляд, можно, но это уже не был бы мир равенства, к которому так стремилась русская интеллигенция. Тем более что, какие бы определения понятия «интеллигент» и «интеллигентность» не существовали, все они сходятся в одном – это не просто образованный представитель той или иной профессиональной группы. Это человек, разделяющий идеи прогресса и стремившийся созидать прогрессивное общество. И в этом стремлении к прогрессу русские женщины участвовали достаточно активно. Русская женщина не могла остаться в стороне от процесса кардинальных трансформаций общества второй половины XIX – начала XX веков, когда «весь поколебленный быт ходил ходуном как трясины болотная, и только одно великое слово – „свобода“ – носилось как Божий дух над водами»². Не случайно своих романах «Рудин» и «Новь» И. С. Тургенев создает образ «новой женщины», способной на самоотверженное служение общественному идеалу, самопожертвование и героизм. Такие литературные героини стали идеалами, к которым стремились реальные женщины русского общества. И в этом стремлении мы можем увидеть возрастание активности женщин и их роли в общественной жизни.

Русская женщина второй половины XIX века стремилась выходить за рамки привычных стереотипов поведения, где женская роль четко ограничивалась семьей, детьми, домашним хозяйством. На смену этому патриархальному представлению приходило убеждение, что женщина может реализовать себя в других сферах общества. В 1860 г. писатель и публицист М. Л. Михайлов писал:

¹ Новгородцев П. И. О путях и задачах русской интеллигенции // Вехи. Из глубины. – М., 1991. – С. 424.

²Тургенев И. С. Дым // Сочинения. В 2-х т. – М., 1980. – Том 2. Повести и романы. 1860–1876. – С. 278.

«Пока мы не признаем за женщиною право на равное с мужчиной образование, пока не интересуем ее лично в делах и успехах общества, до тех пор будем постоянно видеть в мужчине, столь гордом своими мнимыми преимуществами перед женщиной, мелкий эгоизм, который обыкновенно граничит с полным непониманием своих общественных выгод»¹.

Для того чтобы получить возможность стать «новой» женщиной, необходимо было получить достойное образование. На первый план выходило стремление к учебе. Борьба за женское образование – первая ступень на пути вхождения женщин в интеллигенцию. И здесь мы можем отметить сложный и долгий путь к признанию женского высшего образования в российском обществе. Необходимо было сломать многовековой взгляд на способности женщин. Известный педагог XIX века Д. Д. Семенов писал: «Женские учебные заведения, существовавшие до 1858 года, не могли удовлетворить необходимой потребности. Институтка прежнего времени... по выходе из той искусственной обстановки, которая создана была для нее в институте, чувствовала себя обыкновенно чужой среди ближайших родных, беспомощной и слабой среди обыденных житейских обстоятельств... Что же касается домашнего воспитания, то оно либо требовало значительных затрат на наем гувернанток и учителей сомнительного образования, либо лишено было всяких разумных начал, либо брошено на произвол прислуги»².

Необходимость создания открытых женских учебных заведений стала настолько очевидной, что министерство просвещения вынуждено было приступить к подготовке реформы женской школы. В 1856 году министр просвещения А. С. Норов подал соответствующий доклад императору Александру II, который высказал идею о необходимости открытия женских школ в губернских городах. Однако министром внутренних дел С. С. Ланским было высказано опасение в своевременности подобного начинания, ибо «идея всесословного училища для детей женского пола и притом

¹ Михайлов М. Л. Женщины, их воспитание и значение в семье и обществе; Женщины в университете; Джон Стюарт Милль об эмансипации женщин; Уважение к женщинам. – СПб., 1903. – С. 32.

² Семенов Д. Д. Избранные педагогические сочинения. – М., 1953. – С. 43.

на общественные, а не казенные средства, не будет понята обществом»¹. Продолжая эти опасения, автор статьи, появившейся в 1859 г. на страницах «Сына Отечества», считал, что женщины «могут быть булочницами, ибо всякая стряпня противна природе мужчин, могут работать в мастерских у портных, шляпочников, перчаточников, могут тереть и составлять краски при убранстве жилищ, окрашивать двери, косяки, вставлять окна... а также быть прислугой в трактирах, банях и т. п. но развитие умственных способностей у женщин... порождает странности характера»². Высказываясь против женского образования, консервативно настроенные авторы утверждали, что ученая женщина не может быть хорошей женой.

Но желание учиться среди женщин дворянского сословия возрастало. В 1859 г. Наталья Корсини стала первой женщиной вольнослушательницей в Санкт-Петербургском университете. Вслед за Н. И. Корсини, в аудиториях появляются ее сестра Екатерина, затем А. П. Блюммер, М. А. Богданова, Н. П. и А. П. Сусловы, М. А. Бокова, М. М. Коркунова, М. А. Обручева, Е. Н. и П. Н. Пыпины и др. И это усиливает понимание того, что женщина может и должна получать высшее образование.

В 1861 г. начинается обсуждение нового университетского устава, которое включает вопрос о допуске женщин к лекциям и экзаменам. Глава комиссии по разработке нового университетского устава Егор фон Брадке выступает категорически против: «Я женский пол по особенностям его умственных и душевных способностей не могу признать способным ни к изучению анатомии, необходимой для медицины, ни для приобретения юридических сведений по их сухости и строгой последовательности, ни для строгих филологических соображений»³. И университетский устав, принятый в 1863 г., запретил женщинам посещать лекции в высших учебных заведениях. Этот запрет привел к тому, что многие женщины уезжают в Цюрихский университет. Первой офици-

¹ Цит. по: Яковкина Н. И.: История русской культуры: XIX век: учеб. пособие. – СПб., 2002. – С. 38.

² Там же.

³ Цит. по: Женское образование в Российской империи: история борьбы за диплом [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.skillbox.ru>

ально признанной студенткой Университета Цюриха стала Надежда Прокофьевна Суслова, будущий доктор медицины.

Достаточно часто женщины приезжали учиться, порвав все отношения со своей семьей. Так, например, будущий первый в российской империи доктор права, Анна Михайловна Евреинова, чтобы получить высшее образование, сбежала от отца через границу пешком и без документов.

В 1864–1872 гг. 83% студенток Цюрихского университета из России. Эти цифры демонстрируют стремление русских женщин к выходу из многовековых «рамок приличной» девушки, которая должны мечтать только о создании семьи и воспитании детей.

В 1867 г. известная писательница-публицист Евгения Ивановна Конради подала в Съезд Естествоиспытателей письмо, в котором просила о разрешении женщинам посещать университет. Ей ответили не прямым отказом, а сомнением, действительно ли существует среди женщин подобное стремление. Тогда Е. И. Конради обратилась к М. В. Трубниковой, занимающей активную позицию по вопросам женской эмансипации, прося ее сообщить женщинам о письме и призвать их к содействию для осуществления, высказанных в письме идей. В результате, Н. В. Стасова, М. В. Трубникова и Е. И. Конради занялись составлением на имя председателя Съезда Естествоиспытателей нового письма или, скорее, прошения, в котором от имени всех желающих высшего образования женщин испрашивалось разрешение посещать университетские лекции. Письмо за десять дней подписали более четырехсот женщин. В ответ на это письмо правительство вынуждено было разрешить открытие частных курсов по программе мужских классических гимназий. В 1869 г. были открыты в «виде опыта» женские курсы в Москве. Современники писали: «Сколько шуму, сколько радостных волнений вызвала первая публикация, извещавшая о разрешении г. министра народного просвещения открыть женские курсы! То был первый женский праздник в Москве, то была радостная встреча новой зари, новой жизни! Непритворно, искренно приветствовала эту зарю каждая женщина. Ей казалось тогда, что вот наконец идет к ней навстречу новый освободитель, освободитель более надежный, более верный, чем все другие! Этого осво-

бодителя она видела в знании и крепко верила в него»¹. Для усиления академизма в образовании на курсы были привлечены ведущие профессора Московского университета. Среди них были И. М. Сеченов, К. А. Тимирязев, Н. К. Кольцов, А. Н. Веселовский.

В 1870 г. были открыты Владимирские курсы в Петербурге («публичные лекции для мужчин и женщин» по словесным и естественным дисциплинам).

В 1872 г. на основании распоряжения министра народного просвещения от 6 мая в Москве открылись новые Высшие женские курсы, организатором которых был Владимир Иванович Герье, профессор всеобщей истории Московского университета.

Но и здесь женщины должны были решать проблемы. Для поступления на Московские высшие женские курсы необходимо было предъявить свидетельство об окончании гимназии, а также взять письменное согласие у отца (для незамужних слушательниц) или у мужа. Кроме того, девушки обязаны были представить справку о политической благонадежности².

На рубеже XIX–XX вв. попытки решить проблему высшего женского образования предпринимались прогрессивными представителями российской интеллигенции, в том числе и высокопоставленными сановниками. Так, президент Санкт-Петербургской Академии наук великий князь Константин Константинович в феврале 1889 г. принял на себя звание Почетного попечителя Педагогических курсов при Санкт-Петербургских женских гимназиях. Именно благодаря его усилиям курсы в мае 1903 г. они были преобразованы в высшее учебное заведение – Женский Педагогический институт.

В июне 1907 г. в Петрограде по инициативе академика В. М. Бехтерева, являвшегося членом Философского общества, был создан Психоневрологический институт, в который принима-

¹ Боброва Л. А. «Высшие женские курсы профессора Герье» в Москве (1872–1888 гг.) // Московский историко-архивный институт. Труды, т. 16. – М., 1961. – С. 253.

² Вахромеева О. Б. Духовное пространство Университета. Высшие женские (Бестужевские) курсы 1878–1918 гг.: исследования и материалы. – СПб., 2003. – 254 с.

ли без различия пола. На первое полугодие в институт было принято 108 студентов мужского пола и 313 женского¹.

Еще одной возможностью получить высшее образование для женщин стали врачебные «университетские» курсы при Московском и Харьковском университетах (1909 г.), Киевском и Саратовском (1916 г.)².

В 1911/12 учебном году в высших женских учебных заведениях обучалось 25 тыс. женщин.

Получив образование, женщины стремились реализовать себя в различных сферах общества. И одним из ярких примеров такой реализации становится стремление женщин заниматься научными исследованиями. Возникает удивительный для того времени феномен женщина-ученый. И хотя, как считают современные исследователи, в 1880–1890 гг. их было не более сотни, это стало началом профессионального занятия наукой. До наших дней дошло не так много сведений об этих женщинах. Если попросить вспомнить кого-то из наших современников назвать имена женщин-ученых, то в своем большинстве, кроме Софьи Ковалевской никого не называют. Но плеяда женщин, занимавшихся наукой намного больше. Уже в XVIII в. мы встречаем имена Доротеи Графф, которая изучала металлургическое дело, знаменитую художницу Марию Сибиллу Мериан, которая стала первой женщиной-сотрудницей Петербургской академии наук и обучала граверному делу художников Академии наук, а также служила куратором коллекции естественной истории в Кунсткамере.

Заниматься «неженским делом» в патриархальном обществе было достаточно сложно, поэтому достаточно часто реализовывалась следующая ситуация. Женщина, желающая заниматься наукой, выходила замуж за исследователя и становилась его «правой рукой». Как, например, графиня Уварова, урожденная княжна Щербатова. Она много лет организовывала съезды Московского археологического общества, редактировала их научные труды. Когда ее муж умер, оказалось, что подходящих кандидатов в предсе-

¹ Ванчугов В. В. Женщины в философии: Из истории философии в России XIX – нач. XX вв. – М., 1996. – С. 56.

² Иванов А. Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX века. – М., 1991. – С. 296.

датели кроме нее нет, а она даже формально не была членом общества, потому что муж не считал женщин способными заниматься научными исследованиями.

И таких историй много. Возможность реализовать себя в науке для женщины в России XIX в. чаще всего оставался брак. Например, известная математики Вера Иосифовна Шифф несколько десятков лет преподавала на Высших женских курсах, написала два десятка учебников, которые много раз переиздавались. Но она никогда не смогла бы этим заниматься, если бы не вышла замуж за профессора П. А. Шиффа. Именно у них на квартире 20 октября 1890 г. (по старому стилю) собрались инициаторы создания математического Общества. Среди членов Санкт-Петербургского математического общества было 13 женщин.

Или Мария Васильевна Павлова, урожденная Гортинская, – первая женщина-палеонтолог в России и первая женщина-профессор Московского университета. Статус супруги ученого-геолога А. П. Павлова позволил ей свободно заниматься наукой, ездить в командировки для сбора необходимых материалов, писать научные статьи, участвовать в международных конференциях. Ее первая работа об эволюции ископаемых копытных млекопитающих была опубликована в 1887 г. и сразу получила признание специалистов.

В 1888 г. М. В. Павлова вступила в ряды старейшего естественнонаучного общества России – Московского общества испытателей природы, в 1911 г. стала его почетным членом¹.

Во второй половине XIX – начале XX вв. ситуация немного изменяется. Хотя по-прежнему было достаточно людей, негативно настроенных к занятиям наукой женщинами. Так, автор одной из статей о них убеждал читателей, что интересы «академиков в чепце» – это «интересы одних лишь незамужних и старых дев, ищущих заполнить чем-либо свое пустое существование»². Но вопреки таким оценкам в обществе формируется более терпимое отношение к женщине-ученому. Появились научные общества, которые

¹ Любина Г. И. Мария Шишацкая в Париже: к биографии М. В. Павловой // Природа. – 2015. – № 3. – С. 73–83.

² Лозинский Е. О настоящем и будущем женского движения (в связи с проблемами целомудрия и задачами материнства) // К свету: научно-литературный сборник. – СПб., 1904. – С. 38.

стали принимать женщин. Так 2 декабря 1906 г. Общее собрание Императорской Академии наук утвердило избранного по биологическому разряду физико-математического отделения члена-корреспондента – Ольгу Александровну Федченко, которая стала шестой женщиной, избранной в ряды Академии.

Во второй половине XIX в. появляются женщины, которые стремятся реализовать себя в научной сфере без того, чтобы заключать брак, пусть даже фиктивный. В своем большинстве научное признание они получили за рубежом и, вернувшись в Россию, пытались «сломать» ретроградную систему в отношении к женщинам. Например, морской биолог Софья Михайловна Переяславцева в 1875 г. получила степень доктора в Цюрихском университете, приехала в Россию, а через некоторое время получила должность заведующей Севастопольской биологической станцией. Она больше десяти лет руководила станцией, где сотрудниками были, в том числе, молодые женщины-ученые. Но ей пришлось уйти. В результате она оказалась без средств к существованию и без возможности найти работу по специальности. Уже, будучи ученым с мировым именем, С. М. Переяславцева зарабатывала переводами, а ее коллеги через газеты собирали деньги ей на лечение.

С похожей проблемой столкнулась математик Софья Васильевна Ковалевская, которая после получения степени доктора в Геттингенском университете принимала активное участие в организации Бестужевских высших женских курсов, но преподавать там ее не пригласили.

Несмотря на трудности, женщины продолжали стремиться в науку. История сохранила достаточное количество имен женщин-ученых в различных областях научного знания. Например, Юлия Всеволодовна Лермонтова стала первой русской женщиной-нефтехимиком, получившей в 1874 г. докторскую степень, после защиты диссертации в области органической химии в Геттингенском университете в Германии. Весной 1875 г. Ю. В. Лермонтову по рекомендации Д. И. Менделеева приняли в члены авторитетного Русского химического общества. По рекомендации академика А. М. Бутлерова она продолжила свою научную деятельность в химической лаборатории Московского университета под руковод-

ством известного русского химика-органика, профессора В. В. Марковникова¹.

Мария Владимировна Безобразова – первая в России женщина – доктор философии. Она была инициатором создания Философского общества в Санкт-Петербурге в 1897 году.

Ее деятельность наносила удар по непререкаемой сфере мужской деятельности. Поэтому степень магистра философии в Российской империи она так и не получила. Несмотря на то, что дважды пыталась сдавать экзамен. Но «не ответила на вопросы по логике», которые никогда не были включены в сферу ее интересов. Ее рукописи терялись в редакциях: «многое безвозвратно погибло в редакциях, и не знаю, стоит ли о том жалеть»². Она писала: «Мне, по крайней мере, закрыты все русские издания, нигде я не могу не только излагать своих мыслей, но даже возражать»³. Но несмотря на это Мария Владимировна понимала философию как образ жизни, стремилась «будить к жизни» в своих публичных лекциях и статьях в газетах и журналах. Как истинный мыслитель она не только ставила диагноз современному состоянию, но высказала свое представление об идеале, к которому должен стремиться человек. «Идеал будущего заключается в том, чтобы дать свободно проявляться духу человека, а дух не терпит рамок. Человек не должен быть узким – его задача выходить из своих пределов и искать»⁴.

Признание возможности существования женской способности к философскому анализу редко встречается и в наше время, а в начале XX в. это вызывало отрицание, даже у прогрессивно мыслящих людей. Не случайно В. В. Розанов в своем труде «Люди лунного света. (Метафизика христианства)» деятельность Марии Владимировны привел как пример ярко выраженного мужского мышления⁵.

¹ Мусабеков Ю. С. Юлия Всеволодовна Лермонтова. (1846-1919). – М., 1967. – 80 с.

² Безобразова М. В. Исследования. Лекции. Мелочи. – СПб., 1914. – С. 7.

³ Безобразова М. В. Розовое и чёрное из моей жизни. – М., 2009. – С. 23.

⁴ Безобразова М. В. Исследования. Лекции. Мелочи. – С. 194.

⁵ Розанов В. В. Люди лунного света. Метафизика христианства. – СПб., 1911. – С. 34.

С большим трудом шло формирование представления о том, что женщины все же могут быть оригинально мыслящими учеными. В своем большинстве сферу научной деятельности женщин корректировали, высказывая представления, что женщинам ближе психология и педагогика. И даже принимая это представление, женщины и в этих областях смогли выдвинуть оригинальные научные идеи. Так, например, Полина Осиповна Эфрусси работала в области экспериментальной психологии, известна как специалист по изучению мозга и памяти.

В 1911 г. в Сорбонне первая россиянка получила докторскую степень по специальности «всеобщая история». Ее была удостоена Ольга Антоновна Добиащ-Рождественская.

И этот перечень можно продолжать. Женщины стремились реализовать себя не только в науке, но и в других видах профессиональной деятельности. Это также можно рассматривать как «вызов» существующим традициям. Ведь до 1860-х гг. всякий труд считался унижительным для благородных барышень и дам. Вопреки этому представлению, уже в 1863 г. в Петербурге возникла первая и единственная в истории русского издательского дела женская переводческая и издательская артель под именем «Трубнокова и Стасова», которая просуществовала целое десятилетие.

В артель вступили А. Н. Энгельгардт, А. П. Философова, Н. А. Белозерская, М. Г. Ермолова, Е. П. Бекетова, В. И. Печаткина, П. С. Стасова, В. В. Ивашева, М. А. Менжинская, Е. А. Штакеншнейдер и др. Всего 36 человек.

Артель ставила задачу – обеспечить женщин квалифицированной работой и в то же время выпускать книги, хорошие для чтения детей. Весь издательский процесс от переплетных до иллюстративных работ, от перевода до редактирования, осуществлялся женщинами, получавшими деньги за свой труд. Власти не утвердили устав артели, но она не распалась, а с 1863 г. приступила к изданию отобранных для переводов иностранных книг. Первой книгой артели стали сказки Андерсена (1863). Затем были изданы книги О. Тьери «Рассказы о временах Меровингов» (1864), Г. Вагнера «Из природы» (1865), Г. В. Бэтса «Натуралист на Амазонской реке» (1865). Издательская артель выпустили также книгу немецкого экономиста А. Дауля «Женский труд в применении к различным отраслям промышленной деятельности» (1869).

Надежда Васильевна Стасова вспоминала: «Почему создавались артели? Потому что все всеобщие начинания русских людей того времени считали ее самой справедливой, настоящей, естественной и простой»¹.

В 1865 г. в переплетной мастерской Варвары Александровны Иностранцевой работало 54 женщины, которые переводили и иллюстрировали книги, набирали и переплетали их. Бумагу для производственных нужд жертвовали жены фабрикантов². Кроме типографии, были образованы общество переводчиц, женская переплетная мастерская.

В 1859 г. по инициативе Марии Васильевны Трубниковой и под ее председательством создается благотворительное «Общество дешёвых квартир и других пособий нуждающимся жителям Санкт-Петербурга». Целью Общества было обеспечить дешевым и чистым жильем нуждающиеся семьи, особенно те, где не было отцов: нанимались дешевые квартиры, где селили женщин, брошенных мужьями, вдов, обремененных детьми и т. п. При Обществе открылись мастерские, магазин, школа для взрослых женщин. В доме, построенном Обществом, имелись паровое отопление, общественные кухни, прачечные – то, что могло облегчить жизнь работающим матерям; а три этажа занимало общежитие для неимущих женщин.

В 1869 г. был организован Дом трудолюбия для образованных женщин, членами которого являлись 227 нуждающихся женщин и девушек. Дом располагал помещением из 8 комнат, где женщины не только пользовались жильем, но и занимались перепиской бумаг, переводами, рукоделием, шитьем.

Женщины, вошедшие в сообщество, стремились утвердить за собой право на труд и, что особенно важно, материальную независимость. Эта тенденция стала характерной для жизни России второй половины XIX в. Все больше женщин не только из народа, но и из «общества» шли работать в конторы, швейные мастерские, в библиотеки, книжные магазины.

¹ Тончу Е. Женское предпринимательство в России [Электронный ресурс]. – URL: <http://a-z.ru/women/texts/tonchu1r-1.htm>

² Там же.

Женщины все чаще и чаще включаются в трудовую деятельность, ломая этим патриархальный быт. Фиксируя данное состояние, правительство в 1871 г. официально допускает женщин до работы в общественных и правительственных учреждениях, включая телеграфы и железную дорогу.

Но в своем большинстве единственной доступной профессией для образованной женщины была профессия земской учительницы с очень низкой зарплатой. Но и это не останавливало женщин, которые поверили в возможность «нести доброе, светлое» народу, работать для благосостояния общества в целом. В 1898 г. женщины-учителя составляли 57,6% (или 13488 чел.) от общего количества преподавателей в 34 губерниях. Только в 11 губерниях количество учителей превышало количество учительниц¹. При этом надо помнить, что в своем большинстве учительницы занимались сразу тремя отделениями, которые все вместе могли составить до 70 человек (нормой земств было 60–70 детей на одного учителя).

Класс в земской школе

Кроме учителей, в земствах служили врачи. И количество женщин-врачей после длительных пламенных споров неуклонно росло. Женщины «пришли» в медицину сестрами милосердия. Во время Крымской войны, в 1854 г., по инициативе великой княгини Елены Павловны была учреждена Крестовоздвиженская община сестёр милосердия под кураторством Николая Пирогова. Обученные медицинские сёстры отправились на фронт, где ухаживали за

¹ Обзор деятельности земств по народному образованию по данным за 1898 год. – СПб., 1902. – С. 28–29.

ранеными. Это произвело большое впечатление на русское общество. Медицина стала восприниматься той «нищей», которую могут занять женщины.

В 1870-е гг. появляются первые женщины-врачи. Женщины – медицинские сестры и врачи – проявили себя и во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В роли профессиональных медиков на войну впервые отправляются выпускницы и студентки женских врачебных курсов: 40 врачей, 12 фельдшерниц, 1288 сестер милосердия¹. «Самоотверженная деятельность женщин военно-полевых хирургов получает положительную оценку военно-медицинского руководства. Полевой инспектор В. И. Приселков 6/XII 1877 г. в официальном докладе петербургскому начальству высоко оценивает работу слушательниц Женских врачебных курсов на перевязочных пунктах, в санитарных поездах и военновременных госпиталях действующей армии»².

В 1880 г. правительство вводит официальное звание «женщина-врач». До этого момента широко использовалось звание «учёная акушерка», что принижало знания и умения женщин и ограничивало их деятельность. К 1893 г. в России насчитывается 545 женщин-врачей.

Земская больница, конец XIX века

С середины XIX в. появляются женщины, занимающиеся переводами, публицистикой, литературной деятельностью. Так,

¹ Шмид А. А, Абашин В. Г., Цвелев Ю. Г. К 200-летию со дня рождения Н. И. Пирогова. Женский труд на войне. Участие слушательниц женских врачебных курсов в военных действиях // Журнал акушерства. – 2010. – № 4. – С. 119.

² Указ. соч. С. 122.

например, Мария Константиновна Цебрикова становится ведущим автором «Отечественных записок», Евгения Ивановна Конради стоит у истоков «Женского вестника». Появляются специализированные женские журналы с социальной повесткой – московский литературный и научный журнал «Друг женщин» (1882–1884) (редактор-издательница М. М. Богуславская); петербургский литературный журнал «Женское дело» (1898–1900) (редактор-издательница А. Н. Пешкова-Толиверова), и петербургский же «Первый женский календарь» (1899–1916) (редактор-издательница П. Н. Ариан). Особенностью этих изданий является выделение женских проблем, реалий женской жизни в интерпретации самих женщин. Основная задача журналов была обозначена как предоставление женщинам той возможности, которой у них до сих пор не было – возможности обрести свою трибуну и говорить вслух о своих проблемах. И говорить о женских проблемах приглашали «знаковых» личностей. Так, например, в журнале «Друг женщин» публиковали поэтесс, беллетристок П. С. Соловьеву (Allegro), Л. П. Шелгунову, М. К. Цебрикову, Е. К. Литвинову. Публицистика оказалась в руках знаковых фигур женского движения – М. В. Трубниковой, Н. В. Стасовой и др. Основной темой публикаций становится формирование нового мировоззрения женщин и освещение «правильных» моделей поведения в различных жизненных ситуациях.

К концу XIX в. в различных сферах деятельности занято более 100 тыс. образованных женщин.

Неумение «жить для себя» и желание помочь обездоленным – является яркой чертой русской интеллигенции. В истории российского общества были женщины, которые считали эти цели слишком ограниченными, их знания в совокупности с моральным абсолютизмом побуждали таких женщин присоединяться к радикальным группам. Они стремились выполнить один из заветов П. Л. Лаврова – «вернуть долг народу», посвятив себя делу его освобождения. Участие в революционной борьбе – во имя равенства и справедливости – предполагало принесение в жертву личного счастья и личных интересов.

Для женщин из демократической, революционной среды было типичным эпатажное поведение, презрение к обычному поведению светской женщины, а тем более так называемой «кисейной

барышни». Не однозначность оценки такой формы женского поведения до наших дней дошло в литературных произведениях. С одной стороны, писатели высмеивали такой тип русской женщины. Вспомним хотя бы тургеневскую героиню Кукшину в романе «Отцы и дети». Но у того же И. С. Тургенева есть стихотворение в прозе «Порог», написанном в 1883 г. как реакция на поступок Веры Засулич, в котором звучит:

«Девушка перешагнула порог – и тяжелая завеса упала за нею.

– Дура! – проскрежетал кто-то сзади.

– Святая! – принеслось откуда-то в ответ»¹.

В этом можно увидеть признание того, что это были женщины, готовые пожертвовать собственными жизнями, чтобы сделать мир лучше. Софья Львовна Перовская в письме матери от 22 марта 1881 года писала: «Я жила так, как подсказывали мне мои убеждения; поступать же против них я была не в состоянии; поэтому со спокойной совестью ожидаю все, предстоящее мне»².

Вера Николаевна Фигнер в письме к сестре Ольге отмечала: «Как ни грустно сознаться, между великими идеями и идеалами, которые живут в душе, и жизненной действительностью такая страшная пропасть, такое колоссальное несоответствие цепей с результатами, грандиозности задач с мизерностью выполнимости, что истинное величие в том-то и состоит, по-моему, чтобы твои глаза не перестали гореть энтузиазмом, а руки не лежали сложенными в бессилии при вполне критическом отношении к себе, к другим, к обстоятельствам, к постановке и обстановке дела, ко всей жизни, словом. Делать кропотливое дело, медленно подвигаться вперед, иногда совершать работу Данаид, имея утешение лишь в перспективе, в истории, и сохранить при этом бескорыстную преданность идее, не поступиться идеалом, не изменить друзьям, нести жизнь, как крест, испытывать больше неудач, чем

¹ Тургенев И. С. Порог // Полное собр. соч. и писем: в 30 т. – М., 1982. – Т. 10. – С. 148.

² Письмо С. Л. Перовской к матери // ХРОНОС [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.hrono.ru/dokum/1800dok/18810322.html?ysclid=lrxis9zwx229449740>

удач, много терять и остаться верным себе, не отступить – вот что надо иметь в виду и нравственно к чему готовить себя»¹.

Евстолия Рогожинникова, застрелившая начальника Главного тюремного управления А. М. Максимовского, писала перед казнью, что она вступила на путь терроризма из чувства долга и любви к людям.

В процессе революционной борьбы вырабатывался новый женский тип, принципиально отличный от декабристок, свершивших «подвиг любви бескорыстной». На первый план выдвигались не качества, веками приписываемые женщинам, такие как сострадание, готовность прийти на помощь, разделить тяготы, взять на себя вину, а качества, присущие борцам: решимость, твердость, верность революционному и товарищескому делу.

Одержимость и готовность идти к намеченной цели до конца давали женщинам стойкость, силы в опасном и сложном революционном деле. «Повышенная чувствительность к политической и экономической обстановки затушевывала личное, и индивидуальная жизнь была такой несоизмеримо малой величиной в сравнении с жизнью народа, со всеми ее тяготами для него, что как-то не думалось о своем», – писала В. Фигнер².

Революционерки 70–80-х гг. продолжали традиции шестидесятниц, но на совсем ином уровне; они добивались равного с мужчинами права на каторгу, на смертную казнь. «С 1 июля 1817 г. по 11 сентября 1871 г. в Петербургской судебной палате шел процесс по делу нечаевцев (т. е. участников революционно-народнической организации «Народная расправа», которую создал С. Г. Нечаев). На нем впервые в истории России предстали перед судом по политическому делу сразу восемь женщин. До тех пор на политических процессах никогда не судилась ни одна женщина. Всего на 55-ти политических процессах с 1871 по 1894 гг. суду были преданы 158 женщин: из них 15 судились по два раза, двое (С. А. Иванова и Э. Л. Улановская) – по три и одна (С. Е. Новаковская) – четыре раза. Вели они себя перед царским судом не менее, а то и даже бо-

¹ Фигнер В. Н. Полное собрание сочинений: в 7 т. – М., 1932. – Т. 6: Письма. – С. 12–13.

² Фигнер В. Н. Воспоминания: В 3 т. – СПб., 2019. – Т. 3. После Шлиссельбурга. – С. 180.

лее героически, чем их сопроцессники-мужчины»¹. Софья Львовна Перовская в 1880 г. заявила суду: «Единственное мое желание заключается в том, чтобы меня постигла та же участь, какая ожидает моих товарищей, хотя бы даже это была смертная казнь»².

Софья Наумовна Шехтер в 1883 г., находясь на каторге, узнав, что ее по случаю коронации Александра III амнистировали, уведомила: «Я не считала царское правительство вправе меня карать, не считаю его вправе меня миловать, от амнистии отказываюсь»³.

По подсчетам Н. А. Троицкого, на 84 политических процессах 70-х гг. (начиная с дела нечаевцев) были вынесены приговоры 95 женщинам⁴.

В деятельности радикальной интеллигенции вне зависимости от пола и возраста, ярчайшим образом проявилось стремление к обретению безусловной свободы, когда «и индивидуальная жизнь была такой несоизмеримо малой величиной в сравнении с жизнью народа, со всеми ее тяготами для него, что как-то не думалось о своем»⁵.

Как пишет современная американская исследовательница Барбара Энгел: «в течение 1860–1870-х гг. российские женщины, казалось, были всюду: на баррикадах Парижской Коммуны, в университетах Парижа, Берна и Цюриха, как медсестры – на передовых в Русско-турецкой войне. В России они преследовали социальное правосудие с пистолетами и листовками пропаганды в руках. Европейские и американские газеты пестрели новостями относительно их деятельности. При этом они были настолько самоотверженны, несли моральный пыл ко всему, что совершали, были готовы отказаться от семейных, личных связей, детей; что делает их очень отличными от их западных «сестер»-активисток»⁶.

¹ Троицкий Н. А. Женщины на политических процессах в России XIX века // Известия Саратовского университета. Серия. История. Международные отношения – 2007. – Т. 7. – Вып. 1. – С.29–38.

² Лунин М. С. Общественное движение в России: Письма из Сибири. – М.; Л., 1926. – С. 33–35, 37.

³ Троицкий Н. А. Указ. соч. С. 33.

⁴ Там же.

⁵ Фигнер В. Н. Воспоминания. С. 180.

⁶ Энгел Б. А. Русские женщины и революционное наследие: отказ от личной жизни // Посиделки, 1996–1998: дайджест. – СПб., 1999. – С. 10.

Говоря о русской интеллигенции необходимо четко осознавать, что этот феномен вне пола и возраста. Здесь мы встречаем людей, которые были яркими носителями и пропагандистами гуманистических ценностей. Вся их жизнь и деятельность пронизаны заботой и тревогой за судьбу общества и человека, бескорыстным служением высоким целям, стремлением к просвещению общества словом, творчеством и жизненным примером. И как писала В. Н. Фигнер:

«Счастья ты желал народу,
Для себя не жил.
Знал ты в жизни узы братства,
Но семьи – не знал!
Ни почета, ни богатства
В жизни не искал»¹.

¹ Поэты-демократы 1870–1880-х годов: [Сборник]. – Л., 1968. – С. 113.

2.2. ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И КУЛЬТУРА: СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ

Более ста лет периодически ведутся дискуссии об уникальности российской интеллигенции, ее судьбе и роли в жизни общества и культуре. Одним из первых взаимодействие понятий «интеллигенция» и «культура» отметил П. Н. Милюков в статье «Интеллигенция и историческая традиция»: «Культура есть та совокупность технических и психологических навыков, в которых отложилась и кристаллизовалась в каждой нации вековая работа ее интеллигенции. Культура – это чернозем, на котором расцветают интеллигентские цветки... Интеллигенция каждой нации идет впереди своей массы, но она отражает на себе ее уровень культурности...»¹.

Термин «культура» (от лат. cultura) – определен как исторически сложившийся уровень развития общества, творческих сил и способности человека, который выражен в типах и формах организации жизни и деятельности людей, а также в создаваемых ими материальных и духовных ценностях. Поэтому можно не сомневаться, что «история русской культуры неразрывно связана с историей русской интеллигенции, которая выступала одновременно и ее носителем, и творцом, и теоретиком, и критиком, – фактически сама является средоточием, воплощением и смыслом русской культуры. Драматическая, часто трагическая, судьба русской интеллигенции была не просто составной частью истории русской культуры, но как бы концентрировала в себе ее собственную судьбу...»². Этимологии интеллигенции уделяли внимание в своих исследованиях многие специалисты³.

¹ Милюков П. Н. Интеллигенция и историческая традиция // Вехи; Интеллигенция в России: Сб. ст. 1909–1910. – М., 1991. – С. 300.

² Кондаков И. В. К феноменологии русской интеллигенции // Русская интеллигенция. История и судьба. – М., 2000. – С. 71.

³ Смоляков Л. Я. Социалистическая интеллигенция: Соц.-филос. анализ. – Киев., 1986. – С. 10; Кравченко А. Н. Возникновение и развитие интеллигенции // Социология. – 2007. – № 2. – С. 158–207; Шмидт С. О. К истории слова «интеллигенция» // Россия, Запад, Восток: встречные течения. К 100-летию со дня рождения акад. М. П. Алексеева. – СПб., 1996. – С. 409–417; Он же. Этапы биографии слова «интеллигенция» // Судьба российской интеллигенции: [Сб. материалов

94

Первоисточником термина «интеллигенция» является греческое слово «ноэсис» – «сознание, понимание» – и по сути объединяет и образ мыслей, и научное знание. Под влиянием этого греческого концепта в римской культуре возникло понятие «*intelligentia*» первоначально означавшее – «хорошая степень понимания, сознания». Впервые оно засвидетельствовано у драматурга Теренция (190–150 г. до н. э.). Далее в латыни основным значением этого слова оказывается «способность понимания» как высшая умственная способность, главенствующая над всеми остальными¹.

Это понятие применяется и в дальнейшем. За две тысячи лет слово «*intelligentia*» поменяло в европейской латыни много оттенков, но сохранило общий смысл – «разумность, понимание».

Широкое распространение в Европе термин «*intelligentia*» получил в начале XIX века. Но латинское «*intelligentia*» означало не социальную группу (как в России), а свойство человеческого ума: французское «*intelligence*» – рассудок, сообразительность, немецкое «*intelligent*» – совокупность образованных или творчески одаренных людей и т. п.

Немецкое звучание слова «интеллигенция» утвердилось в разговорной и литературной речи в России в XIX столетии. Главные признаки российской интеллигенции проявились уже во второй половине XIX века: озабоченность судьбами своего Отечества, борьба с тем, что мешает национальному развитию, способность сопереживания народу и просветительство. Критическое отношение к царскому правительству предопределило симпатии российской интеллигенции к либеральным и демократическим идеям. Именно с таким пониманием слово «интеллигенция» перешло в зарубежную лексику. Русское происхождение слова отмечено в современных английском и французском словарях.

Введение слова «интеллигенция» в обиход часто приписывают русскому писателю П. Д. Боборыкину (1836–1921). Эта версия принята в энциклопедических словарях от дореволюционного до

дискуссий]. – СПб., 1999. – С. 66–78; Степанов Ю. С. Константы: Слов. рус. культуры: Опыт исслед. – М., 1997. – С. 610–628.

¹ Степанов Ю. С. «Жрец» нарекишь, и знаменуйся: «Жертва» (К понятию «интеллигенция» в истории российского менталитета) // Русская интеллигенция. История и судьба. – М., 2000. – С. 17–18.

советского 1990 года, отражена в учебниках. Но никаких фактических доказательств авторства П. Д. Боборыкина до сих пор не получено. Единственно достоверным аргументом служат заявления писателя, что он является «крестным отцом» слова «интеллигенция», пущенного им в журналистику в 1866 г.

В настоящее время исследователи этого вопроса установили, что слово «интеллигенция» встречалось и в переписке, и в дневниковых записях, и в печати в первой половине XIX в. По мнению академика С. О. Шмидта (участника Санкт-Петербургской дискуссии 1999 г.) теперь есть доказательства того, что слово «интеллигенция» обрело социальную окраску уже в год рождения П. Д. Боборыкина. Это отражено в дневниковой записи В. А. Жуковского от 2 февраля 1836 года, опубликованной А. С. Янушкевичем в журнале «Наше наследие» в 1994 году (№ 32, С. 460). Показательно, что у В. А. Жуковского понятие «интеллигенция» ассоциировалось в 1830-е годы не только с принадлежностью к определенной социокультурной среде и с европейской образованностью, но и с нравственным образом мыслей и поведением.

Именно в России в 1840–1860-е годы складывается понятие «интеллигенции» не как абстрактного «разума» или «духа народа», как у западных ученых (Гегеля, Гизо и др.), а как определенной исторически и социально конкретной части народа¹.

Примечательно, что писатель Л. Н. Толстой использовал слово «интеллигенция» в романе «Война и мир». В первом томе романа при появлении Пьера Безухова в салоне у Анны Павловны подчеркивается... «он (П. Безухов), знал, что тут собрана вся интеллигенция Петербурга... боялся пропустить умные разговоры...»². Выходит, Л. Н. Толстой был уверен в понимании этого слова читателем романа. Понятие «интеллигенция» встречается в статье И. С. Аксакова «Отчужденность интеллигенции от народной стихии» (газета «День» от 21 октября 1861 г.). То есть слово «интеллигенция» вошло в литературу прежде, чем были определены его рамки – как особой части общества. Поэтому 1866 г. – это не время вхождения в русский язык слова «интеллигенция», а время его

¹ Степанов Ю. С. «Жрец» нарекись, и знаменуйся: «Жертва» (К понятию «интеллигенция» в истории российского менталитета). С. 23.

² Толстой Л. Н. Война и мир // Собр. соч. В 12 т. – М., 1987. – Т. 3. – С. 167.

второго рождения и расширения первоначального значения. Заслуга П. Д. Боборыкина в том, что он придал понятию «интеллигенция» то значение, которое закрепилось в дальнейшем.

В русской литературе и публицистике XIX – начала XX вв. интеллигент представлен в образе человека высокой умственной и этической культуры. Ему свойственны размышления о судьбе своего народа в сопоставлении с общечеловеческими ценностями, которому свойственна и просветительская деятельность.

Идеи просвещения народа русской интеллигенцией были заимствованы в европейских теориях. Престиж западной цивилизации того времени высоко ценился в России. На Западе (принято считать) были интеллектуалы, но не было интеллигенции не потому, что там не было высокообразованных благородных людей, а потому, что такова их духовная культура.

Возникновение и развитие в России интеллигенции как социальной группы связано с тем, что именно в 1860–1870-е гг. появилась возможность благодаря реформам Александра II публично обсуждать политические и социальные проблемы.

Русская интеллигенция занимала активную и ответственную гражданскую позицию, стремилась преобразовать русский мир, неся образованность в народ. Но, что кроме образования, формировало интеллигенцию как общественный институт? Как уже отмечалось, это невидимые связи, которые создаются во все времена литературой, публицистикой, дискуссиями.

Кумиром русской интеллигенции на рубеже XIX–XX веков был Л. Н. Толстой. Его идеи о развитии народного образования, всенародный и демократический характер его взглядов на развитие российского общества («Исповедь», опубликованная в журнале «Русская мысль», 1882 г.) были популярны среди студенческой молодежи. Его позиция («основою жизни – искание истины») оказывала, по мнению В. И. Вернадского, огромное влияние на мировоззрение интеллигенции¹.

Особую роль сыграли и свободные от влияния государства объединения и общества. Например, «Общество любителей словесности, наук и художеств», кружок Н. В. Станкевича (1813–

¹ Вернадский В. И. Основую жизни – искание истины. Записи 1890–1894 гг. // Новый мир. – 1988. – № 3. – С. 221.

1840), с которым было связано образование западников, славянофилов и демократов. Н. В. Станкевич основной задачей русской интеллигенции считал пропаганду идей гуманизма. Петербургское студенческое научно-литературное общество (1882) и многие другие общества способствовали воспитанию и формированию поколения русской интеллигенции. Как вспоминал В. И. Вернадский (руководитель Научного отдела студенческого общества): «Едва ли когда-либо захватывался в единое целое весь цвет студенческих поколений...»¹, из которого вышли известные ученые, историки, медики, общественные деятели. Важную роль играл «Академический союз» вузовских профессоров.

Во второй половине XIX в. сложилось два крыла русской интеллигенции. Первое – наиболее демократическая, радикальная часть интеллигентов-разночинцев – «критически мыслящих людей», способных вести за собой народ, перед которым, по их мнению, интеллигенция была в неоплатном долгу. Самым ярким представителем этого направления по определению философа В. Розанова был В. Г. Белинский (1811–1848): «Суть Белинского, историческую суть, мне кажется, можно выразить одной строкой: личным своим волнением он взволновал всю Россию...»².

Второе крыло – либеральная интеллигенция (И. И. Петрушкевич, М. М. Ковалевский, Д. И. Шаховской, В. И. Вернадский, Н. П. Милюков, Н. И. Костомаров, А. А. Корнилов и др.) считали, что совершенствование общества и обличение положения народа необходимо добиваться посредством реформ и просветительства. Долг каждого представителя интеллигенции – то или иное участие в деле просвещения масс. Вопросы развития народного образования становятся важнейшими в их практической жизни.

В пореформенный период значительно развивалась деятельность земств. Либеральную часть земства в целом составили лучшие представители русской интеллигенции, в том числе и представителей аристократии: кн. Долгорукие, кн. Д. И. Шаховской, кн. Трубецкие и др., которые бескорыстно служили обществу: строили народные библиотеки, дороги, больницы.

¹ Страницы автобиографии В. И. Вернадского. – М., 1981. – С. 32.

² Розанов В. В. Собрание сочинений. О писательстве и писателях. – М., 1995. – С. 503.

Для многих представителей русской интеллигенции стало характерно противостояние или дистанцирование государственной власти: «жить в оппозиционной среде русской жизни». Либеральные интеллектуалы пытались соединить свободу с патриотизмом, творчество личности со всемерным развитием народной самодеятельности и самоуправлением. Поэтому в годы Первой русской революции интеллигенция активно включилась в работу по выборам в Государственную Думу, а Манифест 17 октября 1905 г. приняла как победу общественных сил над самодержавием. Попытка развития гражданского общества со стороны либеральной интеллигенции была предрешена роспуском Государственной Думы второго созыва в июне 1907 г.

В начале XX столетия впервые в российской печати была дана оценка деятельности интеллигенции. В 1909 г. вышел сборник «Вехи». Проблема роли интеллигенции в русском обществе приобрела особую социальную остроту. Критические статьи философов-«веховцев» (С. Н. Булгакова, С. Л. Франка, Н. А. Бердяева и др.), в которых интеллигенция обвинялась в антирелигиозности, антигосударственности и космополитизме, вызвали разную оценку, привели к дискуссии в печати. С. В. Лурье в статье «О сборнике “Вехи”» («Русская мысль», 1909, № 5), отмечал, что «в постановке проблемы интеллигенции я вижу, хотя, к сожалению, единственную заслугу «Вех». Н. Иорданский статье «Творцы нового шума» («Современный мир», 1909, № 5) обращал внимание «на реставрацию славянофильства, искажение западничества... повторение «прописной» морали церковных проповедей».

В ответ на «Вехи» в 1910 г. был опубликован сборник «Интеллигенция в России». Его авторы (И. И. Петрункевич, Н. А. Гредескул, П. Н. Милюков, М. А. Славинский и др.) отстаивали важность вклада русской интеллигенции в развитие Российского государства. Интересна в этом плане статья журналиста М. А. Славинского «Русская интеллигенция и национальный вопрос», в которой он дает оценку роли интеллигенции в обществе: «...Русская интеллигенция блистательно отправляла всегда свои национальные функции. Ее история – сплошной подвиг национального служения... Русская интеллигенция взрастила и взлелеяла великую литературу, высокую научную и художественную мысль, которые позволили русскому народу занять подобающее ему место в ряду

мировых национальностей. И роль русской интеллигенции в росте и развитии своем творящей национальное государственное дело, далеко еще не закончена»¹.

По мнению Н. А. Гредескула «“Вехи” положили начало весьма напряженному и глубокому размышлению над вопросом о русской интеллигенции, о переживаемом ею теперь кризисе, а вместе с тем и над многим другим, что совершалось и совершается в русской жизни...»². Это не потеряло свою актуальность и спустя столетие.

Но важно и то, что у тех, кого критиковали авторы «Вех» и у самих философов было много общего – то, что является ядром русской интеллигенции: совесть, равнодушие, высокое чувство ответственности за судьбу России, за русский народ, что и привело одних – к действиям, а других – к глубокому размышлению.

Февральско-мартовский революционный взрыв 1917 г. потряс российское общество. Победа русской либеральной интеллигенции в России – событие, которое позволило им реализовывать программу преобразования страны. Некоторые из них (А. Корнилов, И. Петрункевич, П. Милуков, В. Набоков, В. Вернадский, кн. Львов, кн. Шаховской и др.) были связаны с Временным правительством или участвовали в нем. Однако, оказавшись у власти, они «преуспели» в разрушении системы местных органов, отстранив от дел кадры старой администрации. В силу объективных обстоятельств ни у кого из них не было опыта государственного строительства, борьбы с растущей анархией. Низвергнув самодержавие, интеллигенция дала свободу общественному брожению и недовольству, которое сложилось в русском народе за годы монархии. Интеллигенция не была связана тесно с производственными силами страны и мало обращала внимания на их развитие. Как считают некоторые исследователи проблемы, борьба между монархией и либеральной интеллигенцией закончилась поражением обеих сторон. К сожалению, либеральное направление русской интеллигенции не смогло сложиться в народное движение. Они

¹ Славинский М. А. Русская интеллигенция и национальный вопрос // Вехи; Интеллигенция в России. Сб. ст. 1909–1910. – М., 1991. – С. 416–418.

² Гредескул Н. А. Перелом русской интеллигенции и его действительный смысл // Вехи; Интеллигенция в России. Сб. ст. 1909–1910. – М., 1991. – С. 230.

искали путь сближения с широкими слоями населения, но их программы не были услышаны ни властью, ни народом.

Но именно либералы-интеллектуалы заложили основы мировоззренческой системы, в основу которой были положены общечеловеческие ценности – актуальные и в современном мире. Важно, что в России в конце XIX века – начале XX столетий возросла роль интеллектуального начала в обществе, а значит сила и влияние культуры. Общеизвестно, что это время представляет собой взлет русской культуры. Лучшие представители отечественного музыкального, театрального, художественного и научного творчества составляют гордость нашей страны и в настоящее время («Передвижники», «Могучая кучка», П. И. Чайковский, А. П. Чехов, А. М. Горький, С. В. Рахманинов, Д. И. Менделеев, Н. П. Лебедев и др.).

Генезис советской интеллигенции видится с осени 1917 года, когда значительная часть интеллигентов поддержала Советскую власть. При этом следует иметь в виду, что большая часть интеллигенции советского периода была преемницей русской интеллигенции рубежа XIX–XX веков. Как верно подметил О. Ю. Олейник: «...понятия «российская» и «советская интеллигенция», применительно к отечественной культуре и интеллигенции отражает, прежде всего, разновременность существования и дело здесь... в конкретно-исторических условиях существования культуры, и соответственно, интеллигенции...»¹.

Известно, что часть интеллигенции признала новую власть. Н. Е. Жуковский, И. М. Губкин, К. А. Тимирязев, А. Н. Бах, А. Н. Фрумкин, К. С. Малевич, К. С. Станиславский, В. В. Маяковский и др. в сложных условиях политического давления служили русскому искусству, отечественной науке.

Были и те, кто не принял новой власти: почти все «веховцы», С. В. Рахманинов, Д. С. Мережковский, А. А. Кизеветтер, З. Гиппиус и др. вынуждены были покинуть Россию.

К 1930-м гг., как отмечали многие исследователи (В. Г. Чуфаров, М. Е. Главацкий, В. С. Маметов и др.) изменился состав российской интеллигенции. Хотя еще 60% сотрудников высшей шко-

¹ Олейник О. Ю. Советская интеллигенция в 30-е годы: (Теорет.-методол. и историограф. аспекты). – Иваново, 1997. – С. 60, 66.

лы и научных учреждений составляли представители дореволюционной интеллигенции.

В 1930–1940 гг. интеллигенция вновь понесла потери в условиях «большого террора». Только среди литераторов было арестовано 1800 человек, и лишь 600 из них вышли из лагерей живыми¹. Как отмечал академик Ю. С. Степанов: «из «жреца» интеллигенция становится «жертвой»: «...И все же гонимый или потаенный дух интеллигенции и интеллигентности не исчез полностью. В призрачном, фантомном виде он сохранился в скрытом сопротивлении, туманных надеждах и настойчивых стремлениях сохранить высоты культуры перед лицом торжествующей бюрократии...»².

Парадоксально, что в этот период в стране наблюдался высокий интерес к художественной литературе, театральному и музыкальному творчеству, музейному и библиотечному делу, к развивающемуся кинематографу. Культура развивалась, опираясь на лучшие традиции.

В то же время часть интеллигенции вынуждена была замкнуться в семейных ячейках и сугубо профессиональной среде. Привычный для российского общества обмен мнениями о происходящем, обсуждение извечных вопросов бытия – ушли из обихода каждодневности и, самое главное, со страниц широкой прессы.

Однако в целом интеллигенция нашла в себе огромный потенциал духовного противостояния тоталитарному режиму. Размышляя о феномене русской интеллигенции, Солженицын отмечал: «Интеллигент – это тот, чьи интересы и воля к духовной стороне жизни настойчивы и постоянны, не понукаемы внешними обстоятельствами и даже вопреки им... Страшные испытания ГУЛАГом, выпавшие на долю русской интеллигенции в эпоху сталинского тоталитаризма, предельно сблизили опыт «простого народа» и интеллигенции, привели к уникальному в мировой истории слиянию опыта «верхнего» и «нижнего» слоев общества...»³.

По мнению И. В. Кондакова, «рассмотрение русской интеллигенции как феномена отечественной культуры есть в то же время

¹ Свинцов В. Правда «черная» и «белая» // ВФ. – 1989. – № 9. – С. 167.

² Степанов Ю. С. «Жрец» нарекись, и знаменуйся: «Жертва» (К понятию «интеллигенция» в истории российского менталитета). С. 23.

³ Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ // Малое собр. соч. – М., 1991. – Т. 6: Архипелаг ГУЛАГ, 1918-1956. Опыт худож. исслед.: Т. 2: Ч. III–IV – С. 180, 304.

осмысление всей русской культуры как архитектурного целого, в том числе и отдельных наиболее фундаментальных ее пластов и закономерностей»¹. Сохранение основных традиций русской культуры в сложные предвоенные годы является несомненной заслугой интеллигенции. Хотя принадлежность к интеллигенции было тогда равносильно политической неблагонадежности или оппозиционности к властям, а ее материальное положение в большей части было очень скромным.

Послевоенный период – время некоторого возрождения русской интеллигенции. Литература пыталась отражать актуальные проблемы развития государства (Б. Пастернак, В. Некрасов, В. Катаев и др.) развивались новые музыкальные направления (Д. Шостакович, А. Шнитке и др.), высокий уровень отечественного кинематографа (С. Герасимов, И. Пырьев, Г. Александров, С. Бондарчук и др.). Наблюдался высочайший подъем в науке (И. Курчатов, М. Келдыш, А. Александров, А. Сахаров, С. Королев и др.). Эти представители интеллигенции служили стране, а не режиму.

Однако отношения интеллигенции нового поколения с властью оставались сложными. Монополия государства на знание единственно правильного пути развития общества принижала роль интеллигенции.

Показательна в этом отношении позиция историка-эмигранта В. Ф. Кормера: «Вся история интеллигенции за прошедшие полвека может быть понята, как непрерывный ряд таких соблазнов, вернее, как модификация одного и того же соблазна, соблазна поверить, что исправление нравов наконец свершилось, что облик Власти начал меняться, что она изменила своей бесчеловеческой сущности. Все эти годы, с самых первых лет, интеллигенция жила не разумом, не волей, а лишь этим обольщением и мечтою. Жестокая действительность каждый раз безжалостно наказывала интеллигенцию... разочарования были такой силы, что, казалось, от них никогда не оправиться... Но проходило время и интеллигенция снова подымалась в прежнем своем естестве, легковверная и легкомысленная, страдания ничему не научили ее»².

¹ Кондаков И. В. Указ. соч. С. 65.

² Кормер В. Ф. Двойное сознание интеллигенции и псевдокультура // Вопросы философии. – 1989. – № 9. – С. 77.

Поколение интеллигенции, рожденное в XX в., стремилось отстаивать свою позицию в запутанных отношениях с властью. В 1960-е гг. (почти как сто лет назад) усиливается процесс самовыражения, а самосохранение принимает новые формы. Появилось диссидентство¹. Диссидентами стали называть лиц, открыто спорящих с официальными доктринами в тех или иных областях общественной жизни и культуры. Как общественная группа диссиденты, были носителями одного из качеств интеллигенции – осмысливания судьбы народа, общества в целом. Их судьба трагична: преследования, ссылки, заключение, изгнание из страны. В. Аксенов, Г. Вишневская, С. Ростропович, Ю. Галич, Э. Неизвестный, В. Любимов, А. Солженицын и др. представители отечественной культуры вынуждены были выехать за рубеж.

Важно подчеркнуть, что в период «оттепели» историки и философы страны вновь обратились к исследованиям проблемных вопросов русской истории и роли интеллигенции в обществе. Появились диссертационные исследования, но в них анализировались в основном вопросы о типологии интеллигенции, рассматривались функциональные, социальные и региональные аспекты.

Статус интеллигенции стал рассматриваться и на государственном уровне, подчеркивалось, что без нее социалистическое государство, как государство нового типа не может выполнять все свои функции. В литературе, кинематографе, публицистике особо подчеркивалась роль интеллигенции в Великой Отечественной войне. Был сделан вывод, что в стране сложился «почетный и равноправный союз рабочего класса, крестьянства и интеллигенции».

Роль интеллигенции особенно возрастает в переломные моменты жизни страны, когда объединяются основные направления и в общественном сознании, и в сознании каждого человека. Необходимо сохранять свою систему ценностей, духовность, культуру в качестве главного приоритета. Объективно в конце XX в. назрела необходимость в глубоком творческом осмыслении всей совокупности интеллектуального богатства, созданного поколениями русской интеллигенции.

¹ Диссидент – по внутренней форме это слово означает буквально – «сидящий отдельно» (от лат. глагола *dissidere* – сидеть врозь). Но в классической латыни этот глагол приобрел значение – «быть несогласным, отличаться».

К концу 1980-х гг. в связи с изменениями в общественно-политической жизни страны, возросло стремление ученых и публицистов по-новому взглянуть на историческую судьбу российской интеллигенции, ее роли в истории государства.

Опять актуальными стали слова, сказанные в начале XX в. академиком Р. Ю. Виппером (1859–1954): «...Наша великая страна во многом глубоко несчастлива, но одно в ней здорово, сильно и обещает выход и освобождение – это мысль и порыв интеллигенции...»¹.

В 1992 г. решением Госкомвуза на базе Ивановского госуниверситета был организован Межвузовский центр РФ «Политическая культура интеллигенции». Был восстановлен проблемный совет «Интеллигенция. Культура. Власть». С 2001 г. по решению Проблемного совета издается Российский междисциплинарный журнал социально-гуманитарных наук – «Интеллигенция и мир» (главный редактор В. С. Маметов), который много внимания на своих страницах уделяет разработке новой теоретико-методологической парадигмы интеллигентоведения как самостоятельной отрасли научного знания.

С 1999 г. социологический факультет Российского государственного университета под руководством Ж. Т. Тощенко регулярно проводит международную теоретико-методологическую конференцию по различным проблемам интеллигенции: истории возникновения, ее роли в обществе в условиях новой реальности.

В стране в 1990-е гг. в печати возобновились дискуссии о русской интеллигенции, ее прошлом, настоящем и перспективах в будущем. На страницах журналов появились статьи выдающихся ученых (Д. Лихачева, П. Капицы, Б. Раушенбаха, Е. Велихова и др.), деятелей литературы (Д. Гранина, А. Вознесенского, Ф. Искандера и др.), в которых было выражено беспокойство за судьбу интеллигенции в России.

В 1997 г. состоялся Учредительный съезд «Конгресса российской интеллигенции». В условиях отсутствия механизма диалога с обществом, с интеллигенцией со стороны власти того времени – это было важное решение. Исполнительный комитет «Конгресса

¹ Виппер Р. Ю. Две интеллигенции и другие очерки: Сб. ст. и публ. лекций, 1900–1912. – М., 1912. – С. 24–25.

русской интеллигенции» возглавил С. А. Филатов. «Конгресс» – неполитическое общественное объединение интеллигенции, главной целью своей деятельности – как записано в Уставе – определил: «...Содействие в развитии и реализации потенциала российской интеллигенции для укрепления гражданского общества». Конгрессом была принята «Декларация прав культуры», разработанная академиком А. С. Лихачевым, в четвертой статье которой подчеркнуто: «Культура каждого народа имеет право на сохранение своего языка как основного средства выражения и сохранения духовно-нравственного своеобразия нации, формы бытования национального самосознания, как носителя культурных норм, ценностей, идеалов»¹.

Важно отметить, что в сложные для Отечества годы, борясь с диктатом «дикого рынка» и «вестернизацией» культуры лучшие представители русской интеллигенции стремились сохранить традиции духовного и культурного наследия России. К сожалению, в настоящее время «Конгресс русской интеллигенции», хотя и существует, но активного влияния как на рубеже XX и XXI веков, на деятельность, позиции русской интеллигенции не имеет. Деятельность организации сосредоточена только в социальных сетях. Да и многих организаторов первых съездов уже не стало. Во время работы съездов Конгресса вопрос о судьбах русской интеллигенции проявился как коренной вопрос о возможности влияния интеллигенции на состояние общества и культуры в стране. Были определены и противоположные взгляды участников дискуссий на конгрессе. На одном полюсе позиция: интеллигенция исчезает как социальная сила, на другом – вера в созидательные силы современной интеллигенции.

Многие делегаты съездов конгресса (участником трех мне повезло быть) подчеркивали, что сценарий развития России без интеллигенции невозможен. Вот почему так важно, чтобы интеллигенция поверила в свои силы и вновь почувствовала историческую ответственность за судьбу страны.

Удивительна была и сама атмосфера на съездах конгресса: единение «физиков» и «лириков». В выступлениях делегатов чувствовалась боль за интеллектуальное развитие страны. Как отме-

¹ Конгресс Российской интеллигенции. – СПб., 1998. – С. 269, 278.

чал академик Н. Н. Моисеев (физик): «Интеллигенция плоть от плоти, кровь от крови своего народа. Более того, общий подъем культуры народа, его образ жизни, его стандарты мышления, характер интересов и самое главное – раскрытие творческого, духовного, нравственного потенциала зависит, прежде всего, от интеллигенции. Исчезновение интеллигенции и исключение ее из духовной жизни общества – трагедия для нации, потому что влечет за собой отход народа от рампы истории в глубину ее сцены. В последнее время интеллигенция начала понемногу восстанавливаться ... началось «шевеление умов» ... интеллигенции пришло время всмотреться в реальные черты современности...»¹.

Академик Б. В. Раушенбах (физик-механик) обращал внимание на важность формирования мировоззрения молодых людей: «XX век – это победный гимн той самой культуры, основанной на технике, математике и т.д. Появились автомобили, авиация, телевидение, космические корабли, компьютеры. Казалось, вот эта культура всемогуща и может решить все проблемы... Но жизнь показывает необходимость и важность гуманитарной подготовки студентов... Гуманитарная культура нужна всем ученым и всем людям вообще»². Эти высказывания актуальны и сегодня. Общеизвестно, что великие физики А. Эйнштейн, А. Александров, Ж. Алферов и др. увлекались музыкой, театром, занимались графикой, переводами, писали стихи.

Несколько раз очень ярко выступал на конгрессе Д. С. Лихачев, который подчеркивал: «...У нас много мнений по вопросу об интеллигенции и отношению к совести, к власти. Если бы мы собрались и говорили одно и то же, это бы означало, что мы находимся на стадии конца нашей культуры... Сейчас основная проблема в нашей стране – это проблема культуры. Культура падает во всех областях, будь то качество каких-либо хлебобулочных изделий, поведение на улице, образование или организация театральной деятельности. Несмотря на некоторые различия, все-таки у нас есть опыт преодоления падения культуры ... этот опыт по-

¹ Моисеев Н. Н. Государство, народ, интеллигенция // Судьба российской интеллигенции: [Сб. материалов дискуссий]. – СПб., 1999. – С. 44, 48.

² Раушенбах Б. В. Гуманитарная культура на рубеже веков // Судьба российской интеллигенции: [Сб. материалов дискуссий]. – СПб., 1999. – С. 49, 52.

может нам и в настоящее время...»¹. К сожалению, это актуально и спустя более 20-ти лет.

Интересно было рассуждение академика Б. Д. Парыгина (психолога) по оценке дискуссий делегатов конгресса: «В истории российской интеллигенции особые трудности были связаны с ее самоопределением по отношению к власти и к народу... Благородный порыв к радикальному обновлению 1960-х годов, но не подкрепленный сколько-нибудь фундаментальной концепцией... нынче обернулся глобальным разрушительным кризисом всего общества... Сегодняшняя (на рубеже XX и XXI веков) дискуссия представляется несомненным вкладом в решение актуальной задачи – развития духовного, творческого потенциала российской интеллигенции – носителя общественного, в частности гражданского и национального самосознания»². Самое важное, что сделал конгресс – пробудил интерес к проблеме интеллигенции и ее судьбе определенной части общества и привлек внимание власти.

Как обычно во время резких перемен в социальной жизни государства, которые мы вновь наблюдаем, о роли интеллигенции опять заговорили. Еще первый русский Нобелевский лауреат И. П. Павлов утверждал в 1918 г. в лекции «Об уме всеобщем и русском в частности»: «Судьбу наций определяет ум интеллигенции...». Термин интеллигенция остался, но содержание меняется, меняется и отношение к культурным ценностям и к интеллигенции. В 2004 г. в Москве на «Земляном валу» рядом с музеем и общественным центром имени А. Д. Сахарова открыли памятник российской интеллигенции – «Пронзенный пегас». Событие прошло почти незаметно, да и оценка памятника неоднозначная.

Мы начали преодолевать падение культуры, о котором говорил Д. С. Лихачев. XXI век должен стать веком подъема русской культуры. Работа в России предстоит многогранная. Как метко определил писатель З. Прилепин: «Культура России XXI века – «оккупированная территория». Поэтому Россия должна преодолеть не

¹ Лихачев Д. С. У нас есть опыт преодоления падения культуры // Судьба российской интеллигенции: [Сб. материалов дискуссий]. – СПб., 1999. – С. 98, 105.

² Парыгин Б. Д. Российская интеллигенция как носитель общественного самосознания // Судьба российской интеллигенции: [Сб. материалов дискуссий]. – СПб., 1999. – С. 93, 95.

свойственные для отечественной культуры черты. На многих уровнях стали применять понятие «креативность» (и даже по отношению к интеллигенции), связывая его с творческим процессом в разных проявлениях. Но следует помнить, что в 1940-е гг. А. Осборн (США) ввел в оборот научный дискурс – «креативность», определяя его как способность генерировать, воплощать...». Да и само понятие «Create» – более широкое, чем русское творчество или созидание. Ведь создавать можно не только произведения искусства, но средства труда, производство, условия для работы. Американский социолог Р. Флорид в 2011 г. опубликовал книгу «Креативный класс: люди, которые меняют будущее». В ней он отмечал, что «креативный класс» – миллион людей, чья работа состоит даже в том, чтобы творить, выполнять рекомендации, а в том, чтобы самостоятельно порождать идею, которую на рынке можно трансформировать в деньги, а не в науку, культуру, просветительство¹.

Нужно знать и понимать, что конечный продукт креативного класса – деньги, а конечный продукт деятельности интеллигенции – все-таки идеи, результаты, влияющие на развитие общества и культуры. И ставить равенство между креативным человеком и интеллигентом не следует.

Представители современной интеллигенции считают, что общественно-исторический смысл деятельности интеллигенции России – «найти оптимальный проект обустройства жизни своего народа». Но настоящее величие и благополучие России и российских граждан зависит от единства власти и интеллигенции.

На конгрессе делегаты отмечали, что в настоящее время надо пересмотреть сложившееся представление, будто бы оппозиционность к власти – неотъемлемая черта подлинного интеллигента. «Оппозиция оппозиции рознь... она может быть разрушительной, но оппозиция может быть и конструктивной, то есть созидательной силой... не входя во власть..., а помогать строить, иметь механизмы воздействия на власть и общество для изменения нравственного климата в стране»². Это одна из задач современности.

¹ Мелихов А. Креативщики и творцы // Звезда. – 2019. – № 7. – С. 262.

² Шмелев Н. П. Интеллигенция и реформы // Судьба российской интеллигенции: [Сб. материалов дискуссий]. – СПб., 1999. – С. 213.

Интеллигенция является единственной общественной силой, способной исполнить свой долг перед народом не по должности, не с корыстной целью, не по политическим мотивам, а по зову совести своей»¹. «Накопленный исторический опыт позволяет шагнуть дальше, не повторяя колебаний. Интеллигенция в том виде, как она сложилась и вопреки всем гонениям и испытаниям все еще сохраняется в России. Ей удалось сквозь века пронести несколько простых истин. К ним относятся принципы общечеловеческой морали, одинаково чуждые циничным политикам и дельцам любой ориентации»².

По-прежнему хочется верить А. Вознесенскому, что

«Есть русская интеллигенция.

Вы думали нет? Есть.

Не масса индифферентная,

А совесть страны и честь».

В последнее десятилетие меняется в стране отношение и к интеллигенции, и к культуре в целом. Большое внимание уделяется реставрации исторических памятников культуры, музеев. Строятся новые выставочные залы, театры, концертные залы, возрождаются библиотеки. Все это способствует и воспитанию нового поколения интеллигенции, которое, верится, также будет беречь духовные и морально-нравственные традиции народов России, сохранять народное достояние, преодолест негативы «общества потребления». Все это должно осуществляться при поддержке государства и негосударственных организаций.

Раскол – одна из главных проблем российской культуры и российской интеллигенции на всех этапах ее существования. Кто виноват в этой сложной ситуации, и каковы пути преодоления – русская интеллигенция пыталась решать эти вопросы в ходе самосозидания, в ходе освоения русской и мировой культуры. Видимо эту проблему и предстоит решать современной интеллигенции, современному российскому обществу.

¹ Васильев Б. Л. Человек – семья – культура // Судьба российской интеллигенции: [Сб. материалов дискуссий]. – СПб., 1999. – С. 204.

² Иванов В. В. Интеллигенция как проводник в ноосферу // Русская интеллигенция. История и судьба. – М., 2000. – С. 59.

2.3. ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ: ПОНЯТИЕ И ЯВЛЕНИЕ

Тема русской интеллигенции и её культурно-исторической роли в жизни России занимает видное место в творчестве многих русских мыслителей и общественных деятелей. Проблема интеллигенции была и остается одной из загадок истории русской жизни. Интерес к интеллигенции всегда обостряется в эпоху кризисов и оказывается в центре философской рефлексии.

Особенно остро проблема интеллигенции обсуждалась в связи с событиями революций 1905-1907 гг. и 1917 г.

Одной из значимых в историческом плане попыток саморефлексии интеллигенции явилась публикация в 1909 г. сборника статей «Вехи». Ее авторами были семь широко известных в научных и общественно-политических кругах России философов, экономистов, юристов и публицистов, которых впоследствии писатель Д. С. Мережковский назвал «семь смиренных»: Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, П. Б. Струве, А. С. Изгоев, С. Л. Франк, Б. А. Кистяковский и М. О. Гершензон.

По мнению инициатора издания сборника М. О. Гершензона, задачи сборника состояли в том, чтобы, во-первых, проверить основы традиционного мировоззрения интеллигенции и, во-вторых, «уразуметь грех прошлого и с большой доказательностью выразить свою мысль»¹. Таким образом, авторы сборника исходили из того, что «своей критикой духовных основ интеллигенции они идут навстречу общесознанной потребности в такой проверке»².

Статьи в «Вехах» должны были с разных сторон исследовать психологию и идеологию русской интеллигенции: ее отношение к философии (Н. А. Бердяев), религии (С. Н. Булгаков), творческой личности (М. О. Гершензон), профессиональной подготовке (А. С. Изгоев), праву (Б. А. Кистяковский), государству (П. Б. Струве), и морали (С. Л. Франк).

Реакция на публикацию «Вех» была немедленной и всеобщей. Она приняла форму общенациональной полемики о характере и идеалах русской интеллигенции. Poleмика велась с неослабеваю-

¹ Гершензон М. Предисловие к 1-му изданию // Вехи. Из глубины. – М., 1991. – С. 9.

² Там же.

щей энергией около года, в течение которого «Вехи» выдержали пять изданий. В полемику вокруг «Вех» были вовлечены все слои русского образованного общества, включая художников и писателей, а также все политические группировки от крайне левых до правых. Как позднее писал С. Л. Франк, сборник был главной сенсацией того года в русском обществе¹.

Реакция на «Вехи» вылилась в четыре основные формы. Во-первых, в Москве, Санкт-Петербурге и наиболее крупных провинциальных городах были проведены публичные лекции и собрания с обсуждением сборника.

Во-вторых, полемика велась в газетах всей России. В первые месяцы после выхода в свет «Вех» на них реагировало около семидесяти газет и журналов – около сорока газет и журналов Петербурга и Москвы и около тридцати провинциальных изданий. По мнению Н. Полторацкого, всего откликов на «Вехи» в 1909–1910 гг. было много более двухсот².

В-третьих, было опубликовано шесть сборников статей на тему «Вех»: три – «В защиту интеллигенции» (1909), ««Вехи» как знамение времени» (1910), «Интеллигенция в России» (1910) – непосредственно и полностью в ответ на «Вехи» в целом, один – «По Вехам...: сборник статей об интеллигенции и “национальном лице”» (1909) – по поводу главным образом одного из затронутых «Вехами» вопросов, один – «Из истории новейшей русской литературы» (1910) – частично в ответ на «Вехи», и один – «Куда мы идем?: Настоящее и будущее русской интеллигенции, литературы, театра и искусства...» (1910) – в связи со всей совокупностью вопросов, поднятых «Вехами».

В-четвертых, «Вехи» упоминались или обсуждались во многих памфлетах и сборниках, которые не были в принципе им посвящены.

Такая широта дискуссии связана, по мнению автора, с неопределенностью как самого понятия «интеллигенция», так и явления, обозначаемого этим понятием. Прежде всего, существуют расхождения в определении границ той социальной группы (общности), которая определяется как интеллигенция.

¹ Франк С. Л. Биография П. Б. Струве. – Нью-Йорк, 1956. – С. 83–84.

² Полторацкий Н. «Вехи» и русская интеллигенция // Мосты. – 1963. – № 10. – С. 297.

Начнем с того, что существует разница между понятиями «интеллигентный человек» и «интеллигент». Разница заключается в том, что они отражают разные аспекты в поведении человека. Интеллигентным у нас называют, прежде всего, воспитанного человека. В результате, под определение «интеллигентный человек» подпадают все, кто ведет себя подобающим образом. Однако, в данном случае интеллигентность оказывается величиной переменной: в одном случае индивид может повести себя интеллигентно, а в другом случае – нет.

Еще одним признаком «интеллигентного человека» считается наличие образования, прежде всего, высшего. Но это вызывает определенное возражение. Возникает вопрос: «Может ли образованный человек повести себя не интеллигентно?». К сожалению, мы не можем дать на него однозначный отрицательный ответ. Поэтому образование, по мнению автора, не является необходимым признаком интеллигентного человека.

В таком случае, может образование является признаком, отличающим интеллигенцию как социальную группу? На этот простой, казалось, вопрос нет однозначного ответа.

В частности, П. Д. Боборыкин, которого считают «крестным отцом» понятия «интеллигенция», так как он «запустил» его в русскую журналистику в 1866 г., понимал под «интеллигенцией» именно высший образованный слой общества. В словаре В. И. Даля (издание 1881 г.) «интеллигенция» определялась как «разумная, образованная, умственно развитая часть жителей»¹. Вспомним, что в СССР на официальном уровне провозглашалось, что в социальной структуре социалистического общества наряду с пролетариатом и крестьянством существует прослойка «трудовой интеллигенции», которая выделялась именно по образовательному критерию².

Однако существует и противоположная точка зрения. Так, Г. П. Федотов подчеркивал, что выделение интеллигенции происходит не по профессиональному признаку, это не «люди умственного труда». Он исключает из интеллигенции «всю огромную массу учителей, телеграфистов, ветеринаров (хотя они с гордостью

¹ Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. – СПб.; М., 1881. – Т. 2. И–О. – С. 44.

² Исторический материализм. – М., 1951. – С. 403, 411.

притязают на это имя) и даже профессоров (которые, пожалуй, на него не притязают»¹.

Противопоставление понятий «интеллигенция» и «образованный класс» особенно ярко проявилось у авторов сборника «Вехи». Так, например, Н. А. Бердяев выделял, во-первых, интеллигенцию в традиционно-русском смысле, кружковую интеллигенцию, которую он назвал «интеллигенщина» и, во-вторых, интеллигенцию в широком, общенациональном, общеисторическом смысле этого слова². Исследователи считают, что это было сделано для того, чтобы найти виновников деструктивного характера развития революционных событий в России в 1905–1907 гг.

Таким образом, можно говорить об интеллигенции в широком и узком смыслах слова. В широком смысле интеллигенция включает в себя образованных людей, представителей профессий, связанных с умственным трудом. Но и здесь образование не является единственным определяющим признаком. Как писал Н. В. Шелгунов «для интеллигента еще мало одного перевеса умственной деятельности над мускульной, а нужно еще известное содержание, известный цвет мысли»³. Это содержание он связывает с наличием общественных идеалов. С их помощью интеллигенция указывает обществу пути к прогрессу. Или это могут быть определенные нравственные качества, такие как обостренное чувство совестливости и интеллектуальная независимость⁴. Без этих двух признаков образование дает явление, которое А. И. Солженицын назвал «образованщиной»⁵.

Если мы рассматриваем интеллигенцию в узком смысле, то здесь образование вообще не входит в число определяющих признаков. Характеризуя ее, Н. А. Бердяев писал, что она «скорее напоминала монашеский орден или религиозную секту со своей

¹ Федотов Г. П. Трагедия интеллигенции // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. – М., 1990. – С. 406.

² Бердяев Н. А. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи. Из глубины. – М., 1991. – С. 11.

³ Цит. по: Мокшин Г. Н. Идеологи легального народничества о русской интеллигенции. – Воронеж, 2007. – С. 133

⁴ Запесоцкий А. С. Культурология Дмитрия Лихачева. – СПб., 2022. – С. 197.

⁵ Солженицын А. И. Образованщина // Из-под глыб: Сб. ст. – Париж, 1974. – С. 228.

особой моралью, очень нетерпимой, со своим обязательным миро-созерцанием, со своими особыми нравами, и даже со своеобразным физическим обликом, по которому всегда можно было узнать интеллигента и отличить его от других социальных групп»¹.

Метафорическое уподобление интеллигенции в узком смысле «ордену интеллигенции» восходит к 26-й главе мемуаров П. В. Анненкова «Замечательное десятилетие» (1880). О московских западниках второй половины 1840-х годов здесь говорилось: «...Круг этот ... походил на рыцарское братство, на воюющий орден, который не имел никакого письменного устава, но знал всех своих членов, рассеянных по лицу пространной земли нашей, и который все-таки стоял по какому-то соглашению, никем, в сущности не возбужденному, поперек всего течения современной ему жизни, мешая ей вполне разгуляться, ненавидимый одними и страстно любимый другими»².

На орденские черты организации русской интеллигенции указывали и другие русские философы. Наиболее ярко это было выражено у С. Л. Франка, который в статье «Этика нигилизма» определял «классического русского интеллигента как воинствующего монаха нигилистической религии земного благополучия»³.

В 1926 г. к метафоре «ордена» обращается Г. П. Федотов, который в работе «Трагедия интеллигенции» отмечал: «Сознание интеллигенции ощущает себя почти как некий орден, хотя и не знающий внешних форм, но имеющий свой неписанный кодекс – чести, нравственности, – своё призвание, свои обеты. Нечто вроде средневекового рыцарства...»⁴.

Можно сказать, что интеллигенция в узком смысле есть объединение не профессиональное, а идеологическое, которое включало в себя представителей из разных социальных классов и групп, «сначала по преимуществу из более культурной части дворянства, позже из сыновей священников и диаконов, из мелких чиновников, из мещан и, после освобождения, из крестьян»⁵.

¹ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М., 1990. – С. 17.

² Анненков П. В. Литературные воспоминания. – М., 1989 – С. 246.

³ Франк С. Л. Этика нигилизма. (К характеристике нравственного мировоззрения русской интеллигенции) // Вехи. Из глубины. – М., 1991. – С. 193.

⁴ Федотов Г. П. Указ соч. С. 406.

⁵ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. С. 17.

Таким образом, интеллигенцию в узком смысле характеризует, прежде всего, специфическое мировоззрение, которое определяет не только их конкретные поступки, но иногда и весь образ жизни. Одной из главных отличительных черт этого мировоззрения является «беспочвенность», т. е. разрыв «со всяким сословным бытом и традициями»¹, которое перерастает в «отщепенство», т. е. «отчуждение от государства и враждебность ему»². Исходя из этого Г. П. Федотов определяет интеллигенцию как «группу, движение и традицию, объединяемые идейностью своих задач и беспочвенностью своих идей»³.

В уже упомянутой статье «Трагедия интеллигенции» Г. П. Федотов рассматривает процесс развития дореволюционной интеллигенции и выделяет следующие этапы, которая она прошла: 1) с царем против народа (XVIII в.); 2) против царя и против народа (1825–1881); 3) с народом против царя (1905–1917)⁴.

По мнению автора, принцип определения этих этапов можно положить в основание выделения различных групп в составе интеллигенции. Эта классификация отражает отношение интеллигенции, с одной стороны, к власти, а, с другой стороны, к народу. При этом и понятие власти, и понятие народа с течением времени могут менять свое содержание, на разных исторических этапах они могут приобретать совершенно различный смысл – и это, естественно, отражается на отношении интеллигенции к ним. Само это отношение может быть двояким: интеллигенция может выступать либо вместе с ними, либо против них. В результате, на правах гипотезы, мы можем предположить существование четырех групп интеллигенции: 1) группа, которая выступает вместе с властью и народом; 2) группа, которая выступает против и власти и народа; 3) группа, которая выступает вместе с властью против народа; 4) группа, которая выступает вместе с народом против власти. Эти группы не являются изолированными, границы между ними очень условны. Поэтому представитель одной группы с изменением представления о власти и народе может оказаться в другой.

¹ Бердяев Н. А. Указ соч. С. 18.

² Струве П. Б. Интеллигенция и революция // Вехи. Из глубины. – М., 1991. – С. 153.

³ Федотов Г. П. Указ соч. С. 409.

⁴ Там же. С. 421.

Именно наличие в составе интеллигенции как социального образования противоположных установок и делает невозможным однозначное определение интеллигенции. Кроме того, в различные исторические периоды, в связи с вызовами, встававшими перед обществом, на первый план выходила та или иная группа, что как раз и отразил Г. П. Федотов в своем исследовании.

В связи с приведенной классификацией возникает вопрос, что заставляет интеллигенцию в одном случае объединяться вместе с властью и/или народом, а в другом – выступать против них?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обратиться к истории формирования интеллигенции. Дело в том, что для существования общества необходимо наличие людей, которые занимаются информационно-символическим производством, т. е. создают определенную картину мира и формируют смыслы существования в этой картине мира¹. В обществах с мифологической и религиозной картинами мира эти смыслы, несмотря на возникнувшую классовую и сословную дифференциацию общества, в своей основе одинаковы и для власти, и для народа, так как имеют трансцендентальный характер.

Понятно, что созданная картина мира и сформированные на ее основе смыслы не оставались неизменными. Общество развивалось, накапливалась новая информация, что, соответственно, требовало пересмотра устаревшего содержания. Так, например, кризис мифологической картины мира в Древней Греции способствовал появлению философии как нового способа формирования картины мира и соответствующих смыслов. В средневековой Европе в рамках религиозной картины мира постоянно возникали различные еретические течения, которые предлагали свои варианты представления о мире и поведении в нем согласно своему пониманию Библии и религиозных догматов и практик. При этом все эти новые смыслы создавались для всего общества. Проблема заключалась в том, что существующие в обществе элиты (политические и интеллектуальные) не всегда соглашались с этими новыми смыслами, так как видели в них угрозу своему существованию.

¹ Черниговских И. В. Специфика информационно-символической подсистемы общества // Духовное производство в эпоху позднего капитализма: материалы Междунар. науч. конф., 25 апр. 2020 г. – Донецк, 2020. – Вып. 6. – С. 74–80.

Если же нововведения способствовали укреплению положения элиты, то новые учения находили поддержку, как это было с поддержкой взглядов М. Лютера немецкими князьями, что положило начало Реформации в Германии.

В процессе секуляризации культуры происходит разрушение единой для всех религиозной картины мира и, соответственно, единого для всего общества трансцендентального смысла. Смысл существования перемещается в земную плоскость и связывается с конкретными жизненными интересами, что вызывает споры о его понимании. Разница в понимании смысла дает возможность создавать локальные, групповые представления о мире, т. е. идеологию. Столкновение интересов разных групп приводит и к столкновению идеологий.

Формирующаяся в рамках феодального общества новая социальная группа – буржуазия – была заинтересована в техническом и экономическом прогрессе, обеспечить который можно было только в результате развития науки и распространении научных знаний. В процессе первой научной революции (XVI-XVIII вв.) возникает тенденция к консолидации ученых в особую социальную группу. В дальнейшем к ним присоединяются и другие представители так называемых «свободных профессий» (писатели, врачи, учителя, деятели искусства). В результате формируется новая социальная группа – «интеллектуалы», которая берет на себя ряд функций, принадлежавших ранее духовенству: получение знаний, формирование смыслов и распространение их.

В России процесс секуляризации культуры был запущен Петром Первым. Специфика формирующейся в России светской культуры состояла в том, что ее форма и содержание складывались не в результате развития самой культуры, ее внутренних потребностей, а явились следствием заимствования образцов другой, европейской культуры. Причина этого заключается в том, что процесс секуляризации культуры и связанный с ней процесс модернизации происходили в разных странах не одновременно. Выделяют страны первичной (органической) модернизации и страны вторичной (неорганической, догоняющей) модернизации. Перед странами вторичной модернизации стоит задача достичь результатов, полученных в более развитых в экономическом и техническом отношении странах. Достичь этого, как представляется, можно двумя

путями: первый – создать свою модель модернизации, которая приведет к сходным результатам; второй – копировать модель (а здесь возможны разногласия – копировать путь или результат?) развитых стран. Вокруг этих моделей (не считая консерваторов, которые настаивают на сохранении status quo) складываются определенные группы со своей идеологией. Та группа, которая настаивает на втором пути и составляет интеллигенцию.

Таким образом, интеллигенция как социальный слой формируется в странах, осуществляющих вторичную модернизацию, «модернизацию вдогонку». Лучшее определение интеллигенции, по мнению политолога В. Н. Островского, «дал некий японский литератор, сказавший в 20-е годы прошлого столетия, что интеллигенция – слой европейски ориентированных людей в неевропейской стране»¹. На европейском образовании как неотъемлемом признаке интеллигенции настаивал и Д. С. Лихачев². Отсюда понятно, «почему ничего подобного русской интеллигенции не могло появиться на Западе – и ни в одной из стран органической культуры. Ее условие – отрыв»³. Именно в результате Петровских реформ произошел отрыв образованного класса от народных масс, продолжавших жить своей прежней верой и придерживаться прежних взглядов, привычек и традиций.

Формирующаяся русская интеллигенция первоначально должна была выполнять ту же задачу, что и интеллектуалы в Европе, – просвещение России. Поэтому первое поколение интеллигенции – это просветители. Не случайно Д. С. Лихачев типичными интеллигентами называет Сумарокова, Новикова, Радищева и Карамзина⁴. При этом просвещение понималось как распространение европейской картины мира, соответственно европейских знаний, ценностей и норм, что, в конечном итоге, должно привести к европеизации России. И в этом устремлении интеллигенции и власти совпа-

¹ Островский В. Слоистый Петербург настоящие интеллигенты // Аналитический еженедельник «Дело». – 2002. – № 1/7. – URL: <http://www.idelo.ru/235/>

² «...интеллигентность в России – это прежде всего независимость мысли при европейском образовании» (Лихачев Д. С. О русской интеллигенции: письмо в редакцию // Новый мир. – 1993. – № 2. – С. 4).

³ Федотов Г. П. Указ соч. С. 418.

⁴ Лихачев Д. С. Интеллигенция – интеллектуально независимая часть общества // Д. С. Лихачев – университетские встречи. 16 текстов. – СПб., 2006. – С. 40.

дали. Поэтому русский журналист, издатель и общественный деятель Н. И. Новиков (1744–1818) имел все основания вполне искренно написать: «О, благополучная Россия! О, счастливое отечество наше! Совершается пророчество Петра Великого, что науки и искусства, переходя из страны в страну, из государства в государство, придут наконец в Россию и в ней водворятся. Не видим ли мы счастливого события сего славного предсказания во дни наши, во дни благополучия российского, во дни царствования премудрая Екатерины? Наступили в России дни златые: цветут науки и искусства, появляются российские Орфеи, Архимеды, Птоломеи, Плинии, Ливии, Апеллесы и Праксители»¹.

Когда мы говорим, что интеллигенция идет вместе с властью, это не значит, что все ее представители во всем поддерживают действия власти. Они могут поддерживать власть с точки зрения цели, но расходиться и, поэтому, критиковать власть с точки зрения конкретных действий или их результатов.

Так как в странах вторичной (неорганической, догоняющей) модернизации запрос «снизу», т. е. со стороны большинства населения, на изменения еще не «созрел», все изменения, проводимые властью, воспринимаются как насильственное искажение самих основ их жизни. Поэтому, в данном случае, можно говорить, что та группа интеллигенции, которая поддерживала эти реформистские устремления власти, выступает вместе с властью против народа. Емкую, но точную характеристику этой группе интеллигенции, дал А. С. Пушкин:

Ты просвещением свой разум осветил,
Ты правды лик увидел,
И нежно чуждые народы возлюбил,
И мудро свой возненавидел.

В конце XVIII в., в связи с французской революцией 1789 г., происходит охлаждение к идеям Просвещения в русских правящих кругах, что, в частности, отразилось на изменении отношения Екатерины II к Н. И. Новикову и А. Н. Радищеву. Если до этого Екатерина II могла полемизировать с Н. И. Новиковым, то после со-

¹ Цит. по: Воспоминания Н. В. Шелгунова // Н. В. Шелгунов. Л. П. Шелгунова. М. Л. Михайлов. Воспоминания. В двух томах. – М., 1967. – Том первый. Воспоминания Н. В. Шелгунова. – С. 52.

бытий во Франции, в 1792 г. его арестовывают и заключают в Шлиссельбургскую крепость. Двумя годами раньше (в 1790 г.) за издание книги «Путешествие из Петербурга в Москву» в ссылку в Сибирь на 10 лет был отправлен А. Н. Радищев.

Своеобразной реакцией на это изменение позиции правящей верхушки стало восстание декабристов, которое Д. С. Лихачев назвал «первым массовым выступлением интеллигентов»¹. Восстание декабристов знаменует собой переход от установки на просвещение и через это приобщение к европейской культуре на задачу европеизации России, т. е. перенесение в Россию социальных, политических, правовых и экономических институтов, сложившихся в новоевропейской цивилизации.

Во второй четверти XIX в. модернизаторский европейский пафос сменяется противоположной реакцией: стремление быть Европой сменяется на стремление отгородиться от нее. В результате пути власти и части интеллигенции расходятся: эта группа интеллигенция в силу своей миссии – европеизация России – начинает противостоять власти. При этом, сохраняются и носители первоначальной установки – «вместе с властью против народа». Но, подстраиваясь под новые реалии, эта группа неизбежно изменяется. Сотрудничество с властью приводит к бюрократизации этой группы. Революционер-народник, публицист И. И. Каблиц назвал эту группу «интеллигентно-бюрократической»².

По мнению Б. А. Успенского, русская интеллигенция возникает как реакция против той имперской идеологии, которая нашла выражение в знаменитой формуле С. С. Уварова «Православие. Самодержавие. Народность» (1832 г.), которой они противопоставляют «Духовность. Революционность. Космополитизм»³.

Именно в это время главными признаками российского интеллигента стали выступать черты социального мессианства: самопо-

¹ Лихачев Д. С. Интеллигенция – интеллектуально независимая часть общества. С. 41.

² Каблиц И. И. (И. Юзов). Основы народничества. Ч. 1–2. – СПб., 1888. – Ч. 1. – С. 1.

³ Успенский Б. А. Русская интеллигенция как специфический феномен русской культуры // Россия = Russia: Новая сер. – М.; Венеция, 1999. – Вып. 2(10): Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: история и типология: Материалы междунар. конф., Неаполь, май 1997. – С. 16–17.

жертвование, озабоченность судьбами своего отечества, стремление к социальной критике, к борьбе с тем, что мешает национальному развитию; способность нравственно сопереживать «униженным и оскорбленным». Поэтому эта группа интеллигенции стала эталонной для характеристики интеллигенции вообще.

Однако эта новая формирующаяся интеллигенция не была однородна. Эта неоднородность связана с пониманием средств достижения основной цели – европеизации России. Одна часть этой интеллигенции – «либеральная» – считает, что нужно реформировать общество в западную капиталистическую модель, основанную на свободе личности. Другая часть – «радикальная» (революционная) интеллигенция – исходит из того, что западное общество само развивается, и капитализм не является конечным пунктом, на смену ему должен прийти социализм. Не случайно «духовным отцом русской интеллигенции» (С. Н. Булгаков) называют В. Г. Белинского (1811–1848), для которого социализм стал, по его же собственным словам, «идеей идей, бытием бытия, вопросом вопросов, альфою и омегою веры и знания»¹. Представители этой части интеллигенции считали, что нет необходимости подвергать Россию эксцессам капитализма, связанные с обнищанием и пауперизацией трудящихся масс, которые наблюдались в это время в Европе, а нужно сразу переходить к социализму. Осуществить этот переход можно только в результате революции.

Поэтому говорить о радикальной интеллигенции можно только с того момента, когда в Россию проникают и получают распространение западные идеи утопического социализма, на основе которого создается идея построения в России своего «общинного социализма». Кроме того, представители этой группы интеллигенции, по свидетельству Н. В. Шелгунова, «были не прочь предложить Европе наш общинный порядок и наши общественно-экономические основы...»².

На формирование этой части интеллигенции оказали влияние разочарования, связанные с крестьянской реформой 1861 г., и последующие за ней крестьянские волнения, а также оживление де-

¹ Белинский В. Г. В. П. Боткину (8 сентября 1841) // Полное собрание сочинений: в 13-ти т. – М., 1956. – Т. 12: Письма: 1841–1848. – С. 66.

² Воспоминания Н. В. Шелгунова. С. 96.

мократического движения в Европе, усиление национально-освободительной борьбы в Польше.

Выступая против власти, эта группа интеллигенции не нашла поддержки и у широких слоев населения. Особенно ярко это проявилось в неудачном исходе так называемого «хождения в народ». Участники движения убедились, что от народных верований, традиций и быта их отделяет настоящая пропасть, преодолеть которую невозможно. На их стремление «быть ближе к народу» народ смотрел как на господские забавы. Один из теоретиков народничества И. И. Каблиц (1848–1893) впоследствии пояснял: «Интеллигенция находилась издавна у нас в самой тесной связи с бюрократией и владельцами крепостных душ. Из их рядов наполнялась она и им, в свою очередь, служила; неудивительно, что народ привык их вполне смешивать. Для него студент – барский сынок и ничего больше; народ вкладывает в душу учащихся те же желания, какие привык встречать у их отцов-бюрократов и помещиков»¹.

Если пропаганда против помещиков находила у крестьян некоторый отклик, то пропаганда против самодержавия не воспринималась вовсе и даже вызывала враждебность. Ибо для крестьянства в целом помещик и чиновник – это враги, а царь-батюшка – это заступник. Крестьяне не воспринимали и радикальные революционные и социалистические призывы. Крестьянин мечтал о своей земле, а не о некоей абстрактной общенародной собственности. Поэтому свергать царя ради какого-то малопонятного и ненужного социализма российское крестьянство не собиралось. В результате формируется представление о том, что интеллигенция должна спасти народ помимо его воли, наперекор его стремлениям.

Таким образом, можно сказать, что эта группа интеллигенции выступает против власти и против народа. При этом разница в подходах к достижению цели приводит к расхождению между либеральной и радикальной частями этой группы, апогей которого приходится на революцию 1905–1907 гг.

Реформы 1860–70-х гг. дали толчок развитию капиталистических отношений. Это привело к изменению социальной структуры общества: во-первых, формируются новые социальные слои, присущие капиталистическому обществу – буржуазия и пролетариат;

¹ Каблиц И. И. (И. Юзов). Указ. соч. С. 332–333.

во-вторых, потребности экономического развития вызвали резкое увеличение количества образованных, квалифицированных кадров. Однако изменения в социально-экономической сфере не сопровождались изменениями в политической структуре государства. Отсюда незавершённость реформ, противодействие их осуществлению, а то и прямой саботаж и, наконец, поддержанные широким общественным мнением контрреформы 1880-х гг., проведённые правительством Александра III (1881–1894 гг.).

Надежды на реформирование общества, связанные с началом правления Николая II, были развеяны самим императором. В своем первом публичном выступлении в Зимнем дворце 17 января 1895 г. перед делегацией тверского земства Николай II предостерег от «бессмысленных мечтаний» и заявил, что будет «охранять начало самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его Мой незабвенный, покойный родитель»¹.

Все это, с точки зрения рассматриваемых нами процессов, приводит к следующим последствиям. Прежде всего, сохраняется противостояние власти и определенной части интеллигенции. Отношение Николая II к интеллигенции характеризует следующий отрывок из воспоминаний С. Ю. Витте: «Государь совершенно справедливо считал, что общественное мнение это есть мнение "интеллигентов", а что касается Его мнения об интеллигентах, то князь Мирский мне говорил, что когда Государь ездил по западным губерниям, и задолго до назначения его, Мирского, министром, он в качестве генерал-губернатора Его сопровождал по вверенным ему губерниям, то раз за столом кто-то произнес слово "интеллигенты", на что Государь заметил: как мне противно это слово, добавив, вероятно, саркастически, что следует приказать академии наук вычеркнуть это слово из русского словаря. Государю внушали, что за него весь народ, вся неинтеллигенция»².

В свою очередь, та часть интеллигенции, которая выступает против власти, даже в ее либеральном варианте, переходит на более радикальные позиции. Так, например, созданный в 1904 г.

¹ Полное собрание речей Императора Николая II: 1894–1906. Составлено по официальным данным «Правительственного Вестника». – СПб.: Друг Народа, 1906. – С. 7.

² Витте С. Ю. Воспоминания: Царствование Николая II. В 3 т. – Л., 1924. – Т. 1. – С. 269.

представителями либеральной интеллигенции «Союз освобождения», в качестве своих основных целей провозгласил:

- уничтожение самодержавия и установление в стране конституционного режима;

- проведение политических реформ, основанных на принципах свободного, всеобщего, равного, прямого избирательного права и тайного голосования;

- проведение социальных реформ, направленных на «защиту интересов трудящихся».

Другое следствие связано с изменением содержания самого понятия «народ». В результате более близкого знакомства с крестьянством, изменяется отношение интеллигенции к нему. Крестьянство перестает рассматриваться как хранитель высших духовных начал, у которого интеллигенции надо учиться моральным ценностям. Поэтому крестьянство перестает представлять «народ». Под «народом» теперь начинают понимать образованный слой общества, занимающийся какой-нибудь профессиональной деятельностью (т. е. интеллигенция в широком смысле слова). Это приводит к формированию той группы интеллигенции (в данном случае, понимаемой в узком смысле слова), которая начинает выражать интересы именно этого «народа». Другими словами, «интеллигенции в узком смысле слова» берет на себя задачу представлять и защищать интересы «интеллигенции в широком смысле слова». А так как «интеллигенция в широком смысле слова» так же стремится к просвещению и европеизации России, то получается, что формирующаяся группа интеллигенции выступает вместе с народом против власти.

Остается ответить на вопрос, а существовала или существует ли в реальности группа интеллигенции, которую мы предположительно обозначили как выступающую вместе с властью и народом? Если, как мы предполагаем, задача интеллигенции состоит в просвещении и европеизации России, то данный вариант реализуется тогда, когда и власть и народ стремятся к тому же. И в этом отношении интересно обратиться к советскому периоду нашей истории.

Прежде всего, необходимо отметить, что советский проект рассматривался как реализация марксистских западных идей построения более прогрессивного социалистического строя, т. е. тех

идей, носителями которых были представители радикальной интеллигенции. Как писал В. Ф. Кормер в статье «Двойное сознание интеллигенции и псевдокультура»: «Коммунизм был ее (т. е. интеллигенции) собственным детищем. Идеи, с которыми она пришла к нему, как были, так и остались ее идеями, они отнюдь не были изжиты. В том числе и идеи террора, классового террора. Интеллигенции нечего было противопоставить коммунизму, в ее сознании не было принципов, существенно отличавшихся от принципов, реализованных коммунистическим режимом»¹.

Можно сказать, что события 1917 г. и последовавшая за тем Гражданская война (1918–1922) представляют собой результат борьбы между либеральной и радикальной группами интеллигенции. Победившая в этой схватке радикальная часть интеллигенции уничтожает или вытесняет за пределы государства ее либеральную часть². Однако в дальнейшем сама радикальная интеллигенция будет уничтожена сформировавшейся номенклатурой (т. е. новой властью) в ходе репрессий («Шахтинское дело» 1928 г., Академическое дело 1929–1931 гг., дело Промпартии 1930 г.). В результате интеллигенция (в узком смысле) как явление перестает существовать.

При этом власть не могла не осознавать, что без образованных людей нормальное функционирование и развитие общества невозможно: «Нам нужны теперь большевики-специалисты по металлу, по текстилю, по топливу, по химии, по сельскому хозяйству, по транспорту, по торговле, по бухгалтерии и т. д. и т. п. Нам нужны теперь целые группы, сотни и тысячи новых кадров из большевиков, могущих быть хозяевами дела в разнообразнейших отраслях знаний. Без этого нечего и говорить о быстром темпе социалистического строительства нашей страны. Без этого нечего и говорить о том, что мы сумеем догнать и перегнать передовые капиталистические страны»³.

¹ Кормер В. Ф. Двойное сознание интеллигенции и псевдокультура // ВФ. – 1989. – № 9. – С. 71.

² Вспомним так называемый «Философский пароход» (1922), т. е. высылку из Советской России оппозиционных представителей интеллигенции, в числе которых были и авторы сборника «Вехи» Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, С. Л. Франк.

³ Сталин И. В. Речь на VIII съезде ВЛКСМ // Соч. В 16 т. – М., 1949. – Т. 11. 1928 – март 1929. – С. 77.

И здесь возникает следующий вопрос: почему в этих условиях не происходит замещение интеллигенции (в широком смысле) интеллектуалами? Ответ заключается в характере нового, создаваемого государства. Как уже говорилось выше, в основе этого государства лежала идея построения нового справедливого строя, т. е. оно носило идеократический характер. Поэтому создаваемая группа специалистов, кроме получения образования, становилась носителем этой идеи, так как образование было нужно не для достижения представителями этой группы каких-то своих личных целей, а для реализации общей идеи, достижения общественного идеала. Таким образом, она становится интеллигенцией (в широком смысле слова). Реализуя общую идею, эта новая интеллигенция выступает и вместе с властью, и вместе с народом.

Рассматривая историю взаимодействия интеллигенции с властью в советский период, не можешь отделаться от мысли, что она в чем-то повторяет историю дореволюционной интеллигенции. Как для формирующейся русской, так и для возникающей советской интеллигенции главная задача — это просвещение. Причем для советской интеллигенции эта задача было особенно актуальна. Уровень индустриального развития в начале XX в. требовал не только квалифицированных инженеров, но и подготовленных рабочих¹. Да и строить самый передовой общественный строй нельзя было на низком уровне образования и культуры. Поэтому в качестве своеобразного девиза первого поколения советской интеллигенции можно привести слова из речи В. И. Ульянова (Ленина) на III Всероссийском съезде РКСМ 2 октября 1920 г.: «Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество»².

Своеобразным показателем реализации этой задачи стал тот факт, что к началу Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. советская высшая школа готовила специалистов по всем необходимым специальностям и в масштабах, обеспечивающих потребности различных отраслей народного хозяйства и культуры. Нали-

¹ Кстати, первая в России фабричная ремесленная школа была открыта в 1816 г. при Трехгорной мануфактуре Т. В. Прохоровым.

² Ленин В. И. Задачи союзов молодёжи (Речь на III Всероссийском съезде Российского коммунистического союза молодежи) // ПСС. — 5-е изд. — М., 1981. — Т. 41. Май–ноябрь 1920. — С. 305.

чие в народном хозяйстве разнообразных и всесторонне подготовленных кадров сыграло важную роль в победе советского народа над фашистской Германией.

В 50-е гг. XX в. формируется второе поколение советской интеллигенции, для которого характерна уже оппозиция власти. После смерти И. В. Джугашвили (Сталина), даже на официальном уровне, уже нельзя было скрывать тот факт, что СССР по уровню экономического развития отстает от США и ведущих европейских стран. Все попытки Н. С. Хрущева в кратчайшие сроки ликвидировать отставание¹ не только не увенчались успехом, а привели к негативным последствиям. Эти неудачи в экономике начинают связывать с особенностями политического и социального устройства СССР. Возникают сомнения в том, что советский строй является демократическим, что мы действительно движемся к достижению поставленной цели. Эти сомнения были вызваны пересмотром оценок сталинской политики, который начался сразу после смерти Сталина в 1953 г., в связи с начавшимся процессом реабилитации жертв репрессий и разоблачением его «культ личности» на XX съезде КПСС (1956), а также разочарованием действиями советского правительства в венгерских событиях 1956 г. Первоначально эта оппозиция «бичевала нарушение ленинских норм и подлинной коммунистической этики вредными, подлыми и глупыми перерожденцами»². Однако, после первых попыток реабилитации Сталина в середине 60-х гг. и особенно после «пражской весны» 1968 г. происходит критическое переосмысление коммунистической идеологии. Это приводит к формированию представлений о порочности советского строя и в конечном итоге к его полному отрицанию. В результате складывается та группа интеллигенции, которая выступает против власти.

Однако эта группа, так же, как и интеллигенция второй половины XIX в., не была однородна. Ее представители расходились в определении конечной цели своей борьбы, т. е. в представлении

¹ «Догнать и перегнать Америку за три года по производству мяса, молока и масла на душу населения» (Из речи первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущёва на зональном совещании работников сельского хозяйства областей и автономных республик СССР 22 мая 1957 г.).

² Соколов А. В. Два поколения советской интеллигенции: шестидесятники и восьмидесятники // Мир России. – 2007. – № 3. – С. 84.

будущего России. По мнению А. В. Соколова, «в середине 1970-х годов четко обозначились два противоположных течения: 1) национально-религиозное, патриотическое во главе с А. И. Солженицыным, который опубликовал в самиздате в 1974 г. «Письмо вождям Советского Союза», где с присущей ему категоричностью провозгласил свою концепцию; 2) глобально-либеральное, западноевропейское, идеологию которого еще в 1968 г. академик А. Д. Сахаров изложил в трактате «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе»...¹. Однако, в отличие от интеллигенции второй половины XIX в., здесь радикализации подвергается ее либеральная часть, представители которой постепенно приходят к выводу, что невозможно преобразовать советский социалистический строй в западный капиталистический путем эволюции, в ходе постепенных реформ. Его необходимо насильственно разрушить. В результате либеральная интеллигенция разделяется на две группы: «либералов-реформаторов» и «либералов-революционеров».

В результате неудач реформ, проводимых М. С. Горбачевым во второй половине 80-х гг. XX в., к власти приходят «либералы-революционеры» (Е. Т. Гайдар, А. Б. Чубайс и др.). Дальнейшие действия этой группы интеллигенции наглядно показали, что те черты, которые подвергли критике еще авторы «Вех», не только никуда не исчезли, но и проявили себя во всей своей негативной «красе». И прежде всего, такая характеристика как «беспочвенность», которая проявилась в чисто механическом копировании отдельных элементов западной модели общественного устройства, без понимания последствий их внедрения в российскую политическую, экономическую, социальную и духовную сферы. При этом выяснилось, что представления «либералов-революционеров» о западном обществе не во всем соответствовали реалиям этого общества. Поэтому их действия в большей степени носили разрушительный, а не созидательный характер. В результате, вместо создания планировавшейся либералами европейской или американской модели общественного устройства, утвердился симбиоз иного характера, который был схож с раннекапиталистической или латиноамериканской моделью.

¹ Соколов А. В. Указ. соч. С. 88.

Еще одной из ошибок реформаторов 1990-х гг. была недооценка просветительской деятельности (что является основной задачей интеллигенции) по распространению либеральных идей, которой классики либерализма придавали первостепенное значение.

Действия, дорвавшихся до власти «либералов-революционеров» подтвердили еще одну характеристику интеллигенции, данную А. П. Чеховым, который в письме к Н. И. Орлову писал: «Я не верю в нашу интеллигенцию, лицемерную, фальшивую, истеричную, невоспитанную, ленивую, не верю даже, когда она страдает и жалуется, ибо ее притеснители выходят из ее же недр»¹. Это проявилось в том, что действия этой группы интеллигенции – интеллигенции (в узком смысле слова) – поставили под угрозу существование интеллигенции (в широком смысле слова). Дело в том, что «либералы-революционеры» в организации жизни интеллектуальных слоев ориентировались на опыт западных стран. При этом, как и в других областях, перенос чужих достижений без учета национальных особенностей отрицательным образом сказался на образе жизни интеллигенции. Особенно губительно для ее состояния стало массовое закрытие предприятий, перестройка деятельности в сферах культуры, образования, науки, здравоохранения, в результате которой сотни тысяч представителей интеллигенции (в широком смысле), были выброшены на улицу. И их судьба никого не интересовала, кроме их самих. В результате произошло падение ценности образования, которое стало рассматриваться как получение «корочек», как средство занять более или менее приемлемую социальную нишу, а отнюдь не усвоение содержания и мастерства своей профессии.

К этому стоит добавить девальвацию гуманистических интеллигентских ценностей: на смену идее служения народу, государству приходит индивидуалистический утилитаризм, который оценивает все явления исключительно с точки зрения их полезности, пригодности служить средством для достижения своих личных целей. Интеллигенция перестает порождать социально значимые смыслы.

¹ Чехов А. П. Письмо Орлову И. И., 22 февраля 1899 г. Ялта // Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. – М., 1980. – Т. 8. Письма, 1899. – С. 101.

Все это привело к дискредитации интеллигенции и, прежде всего, интеллигенции (в узком смысле) как социального слоя. Выразилось это в переоценке роли и значения интеллигенции в российской истории: одни обвиняли ее в подготовке революции 1917 г., разрушившей Российскую империю, другие – в развале СССР в 1991 г. Одновременно с этим теряет актуальность и основная цель интеллигенции – европеизация России. Процессы, происходящие в странах Западной Европы и США, связанные с разрушением традиционных, прежде всего, семейных ценностей, гендерной повесткой, культурой отмены, возведением русофобии в ранг государственной политики, не способствовали формированию привлекательного облика этих стран. Да и по уровню жизни Западная Европа перестала быть тем идеалом, к которому надо стремиться.

Тем не менее, и в этих условиях сохраняется группа радикальной либеральной интеллигенции, которая продолжает видеть свою задачу в «преобразовании России в демократическую страну, часть западного мира». Это преобразование видится им, прежде всего, либо в передаче тех территорий РФ, на которые претендуют т. н. «демократические страны» (в числе которых не только Германия и Япония, но и Эстония с Украиной), либо в разделении РФ на несколько самостоятельных государств¹. Однако главным для них является разрушение культурного кода, делающего нас непохожими на европейцев. Так, например, художница, писательница Е. Марголис, которая живет в Венеции, говорит об опасности людей «с русским миром в голове». Поэтому, чтобы быть допущенным к «сервисам и комфортным вещам цивилизации ... нужно пройти программу дерасшизации». В результате мы имеем очередную группу интеллигенции, которая выступает и против власти и против народа. Поэтому в условиях понимания того, что Россия представляет собой отдельную цивилизацию нужен новый слой – слой органических интеллектуалов, уважающих национальные ценности, традиции, принципы социальной справедливости и нравственные нормы.

¹ С 22 по 24 июля 2022 г. в Праге проходил второй «Форум свободных народов России», на котором обсуждалась идея разделения России на 34 небольших «свободных государств коренных народов и регионов».

2.4. Проблема интеллигенции в контексте русской религиозно-философской мысли рубежа XIX–XX веков

На рубеже XIX–XX веков в интеллектуальной среде России увеличивается интерес к феномену интеллигенции. Это связано с возрастанием ее влияния на политические и социокультурные процессы, происходящие в российском обществе в этот период. В социал-демократических, либеральных и религиозно-философских кругах создаются теоретические концепции интеллигенции, описывающие ее природу, функции, основные черты деятельности. Их различия обусловлены особенностями подходов к изучению интеллигенции – социально-политического, духовного, мировоззренческого.

Так, русские марксисты в целом разделяли традиционное понимание интеллигенции как социальной группы образованных людей, занятых по преимуществу интеллектуальной деятельностью, но при этом делали акцент на ее зависимости от интересов классов и различных политических организаций и характерной для нее роли выразительницы их чаяний.

Основы концепции интеллигенции, созданной русским марксизмом, часто усматривают в учении «Маркса-Энгельса-Ленина», игнорируя ее связь с идеологической и культурно-философской атмосферой в России рубежа XIX–XX веков. На самом деле многие установки марксистской концепции интеллигенции были обусловлены связями социал-демократического движения с народничеством 70–90-х гг. XIX века. К таким «народническим» мотивам в марксистской теории интеллигенции можно отнести антиинтеллектуализм, нигилистическое отношение к умственному труду, духовной культуре, и к интеллигенции в целом, как ее активному субъекту и носителю, что может служить доказательством генетической и содержательной взаимосвязи марксистской и народнической «моделей»¹.

На наличие духовной связи народничества и марксизма в вопросе об интеллигенции указывает Н. А. Бердяев. Он отмечает, что

¹ Павлова Н. Г. Теоретические источники марксистской концепции интеллигенции [Электронный ресурс] // URL: <https://narusin.ru/pavlova-n-g-theoretical-sources/> (дата обращения: 09.01.2024).

теоретические «марксистские победы над народничеством не привели к глубокому кризису природы русской интеллигенции, она осталась старовещерской и народнической и в европейском одеянии марксизма»¹, что свидетельствует об определенном содержательном идейно-политическом и культурно-философском единстве во взглядах марксистов и народников на природу интеллигенции при всем различии методологий.

В немарксистской – либеральной и религиозно-философской мысли, напротив, подчеркивалась идейно-воспитательная, просветительская функция русской интеллигенции, предназначение которой – утверждение национального самосознания, творческое развитие и распространение культуры. С высоты этих задач интеллигенция рассматривалась как культурная элита российского общества, которая имеет высокую степень воздействия на общественную жизнь².

Многостороннюю характеристику феномена русской интеллигенции дали представители русской религиозной философии рубежа XIX–XX веков – С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев, С. Л. Франк и др. В этой концепции были обозначены основные черты культуры ее представителей, осуществлен теоретический анализ их идейных установок и практической деятельности. Рассматривая интеллигенцию в качестве конкретно-исторического явления, присущего русской истории, взгляды которого были сопряжены с увлечением революционными идеями, они пытались осмыслить ее положение в социуме, определить влияние общества и государства на содержание ее деятельности и обосновать ее роль в «возрождении» России.

Рубеж XIX–XX веков для интеллигенции в России ознаменовался временем мировоззренческого перелома в ее среде. Увлечение марксизмом завершилось для многих ее представителей переходом на позиции религиозного сознания. «Переболев марксизмом», они переориентировали центр своей философии с области социально-политической борьбы во внутреннюю, духовно-нравственную сферу.

¹ Бердяев Н. А. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи. Из глубины. – М., 1991. – С. 15.

² Мокшин Г. Н. Идеологи легального народничества о русской интеллигенции. – Воронеж, 2007. – С. 283.

Этот идеологический перелом был связан с обострением социально-политического кризиса в стране и его осмыслением. Он обозначил начало нового – религиозно-идеалистического движения в культуре грядущего XX века, отмеченного усиленными экзистенциальными поисками смысла истории. Это направление окончательно было оформлено в сборнике «Вехи» (1909 г.), в котором его авторы, следуя идеям славянофилов, Ф. М. Достоевского, В. С. Соловьева, выступили с критикой революционных идей интеллигенции, их материалистических и позитивистских корней.

Основное предназначение интеллигенции в обществе русские мыслители видели в распространении просвещения среди народа и поэтому ее реальную историческую деятельность они оценивали сквозь призму такого понимания. Исследуя историю идейного становления интеллигенции, С. Н. Булгаков связывает ее возникновение с петровской эпохой. Он отмечает, что именно тогда в Россию «вошел западный воздух, одновременно живительный и ядовитый». Новое дворянство XVIII века ориентировалось на европейскую культуру и стремилось всячески отгородиться от простого народа, и к концу столетия стало для своих простых соотечественников «иностранцем». А так как в петровской России интеллигенция была единственным европейски образованным слоем, то только она и могла стать «проводником просвещения в толщу стомиллионного народа»¹. Философ признает необходимость решения задачи просвещения России даже «под угрозой политической и национальной смерти». Но он не находит ни в политической власти, оказывавшей «непрерывное беспощадное давление полицейского прессы», ни в обществе в целом, пребывающем в «духовном разброде, унынии», сил, способных отвечать за культурное возрождение России. Историческое же призвание интеллигенции Булгаков оценивает как «ужасающе огромное», потому, по его мнению, она должна осознать свою ответственность за просвещение народа и духовное развитие всего общества. Просвещение народа является ее долгом перед Россией.

Однако природа русской интеллигенции такова, что страдает трагической двойственностью. С одной стороны, страна не может

¹ Булгаков С. Н. Героизм и подвижничество // Вехи: Из глубины. – М., 1991. – С. 33.

обойтись без приобщения к достижениям мировой культуры, с другой, – она обречена на катастрофу, если культурная элита разрушает основы национальной культуры именем европейской цивилизации, навязывая обществу искусственные абстрактные схемы, лишенные национальной конкретности. Причину разрыва между народной и интеллигентской культурой С. Н. Булгаков видит в отношении к религии: «Известная образованность, просвещенность есть в глазах нашей интеллигенции синоним религиозного индифферентизма и отрицания»¹.

Раскол общества философия воспринимала как серьезную общенациональную проблему, видя в нем разрушение целостности культурного единства нации, без преодоления которого невозможно ее духовное возрождение. Распад национального сообщества на образованный слой и народ опасен роковыми последствиями для России. Интеллигенция не знала народ, его душу, психологию, воспринимая его как малообразованную, несведущую массу. И народ не понимал интеллигенцию и даже страстно ее ненавидел, потому что она образованнее, не работает физически, не имеет в душе Бога. «Что народная душа качественно другая – это нам и на ум не приходило. ... мы не могли понять, что душа народа – вовсе не *tabula rasa*, на которой без труда можно чертить письма высшей образованности. ... у него есть... известная совокупность незыблемых идей, верований, симпатий...», – отмечал русский мыслитель, историк культуры М. О. Гершензон².

В трудах религиозных философов интеллигенция представляет собой идеологическое сообщество, которое консолидировано социальными принципами, «обязательным мирозерцанием». Оно нетерпимо к иным воззрениям, отличается присущей ей культурой поведения, особыми нравственными нормами. Ее происхождение не связано с профессиями, с доступом к высшему образованию, способом получения доходов, социальной средой. По их мнению, культурный слой общества второй половины XIX в. породил интеллигенцию, выработавшую свой комплекс социальных представлений, ставший ее идейной основой. Н. А. Бердяев считал

¹ Булгаков С. Н. Указ. соч. С. 38.

² Гершензон М. О. Творческое самосознание // Вехи: Из глубины. – М., 1991. – С. 86–87.

идеологию главным объединяющим началом русской интеллигенции, которая «всегда была увлечена какими-то идеями, преимущественно социальными, и отдавалась им беззаветно»¹.

Философы выступили против отождествления культурной элиты России с революционерами. Напротив, представители русской культуры, прежде всего выдающиеся писатели и философы, были православными христианами, поэтому их творчество можно назвать близким к народной психологии. Н. А. Бердяев для характеристики участников подпольных кружков употреблял такое понятие как «интеллигентщина»². Оно появилось в 1860-х годах как результат навязывания своеобразного искусственно созданного мировоззрения с его идеями народолюбия, пролетаролюбия, поклонения «народу» и других. Преобладающими моральными нормами в среде революционеров были «любовь к уравнительной справедливости, к общественному добру, к народному благу»³. Такая «кружковая» интеллигенция культурно изолировала себя от общества, выработав свои социальные нормы и ценности.

Бердяев также отмечает, что в русском языке распространено понятие интеллигенции и в «широком, общенациональном, общехисторическом смысле этого слова»⁴. Контекст его использования позволяет увидеть в нем представление об истинной интеллигенции как духовной элите общества. Ясно, что интеллигенция чужда «интеллигентщине», однако оба понятия в трудах Бердяева не получают должного разграничения и автор использует их равно для обозначения радикально настроенных участников революционного движения, не разделяя⁵. И хотя данная версия интеллигенции не раскрывала содержания этого понятия, его сущностных черт, она была направлена на разрушение феномена «интеллигентщины», отрицавшего самостоятельное значение духовных ценностей, интеллектуального творчества, науки, просвещения, подчиняя свою деятельность утилитарно-общественным целям, интересам партий и кружков.

¹ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М., 1990. – С. 18.

² Бердяев Н. А. Философская истина и интеллигентская правда. С. 11.

³ Там же. С. 17.

⁴ Там же. С. 10.

⁵ Сараева Е. Л. «Веховская» концепция русской интеллигенции // Ярославский педагогический вестник. – 2012. – № 4. – Том I. – С. 33.

Интеллигенция в широком смысле создает духовную культуру общества, в центр которой ставятся творчество, знания и ценности. Тем самым автор отвергает применяемый марксистами классовый подход к оценке социально-политических и духовных явлений. Согласно Н. А. Бердяеву, философское и культурное творчество для истинной интеллигенции имеет абсолютную ценность. Об этом пишет и С. Л. Франк, утверждая, что сферой деятельности интеллигенции, является творчество новых ценностей, культуры религиозного гуманизма. Духовное творчество влечет к «овладению миром и очеловечению мира, к обогащению своей жизни ценностями науки, искусства, религии и морали»¹.

Анализируя духовный облик интеллигенции, религиозные философы раскрывают причины отпадания культуры этой социальной группы от духовной жизни русского общества. Они обращаются к рассмотрению ее родовых черт, поиску преемственности, выяснению общего и особенного в идейных позициях разных ее поколений, кружков, организаций. Они связывают развитие духовной культуры русской интеллигенции с цивилизационным процессом на Западе, отрицая при этом возможность верного восприятия сущностных качеств интеллигенции в рамках марксизма, ставящего в центр социальной жизни общества «начала производства», организацию производительных сил, подчиняющего субъективные настроения социальных групп «объективному производственному началу»².

Русская религиозная философия обосновывает свой теоретический образ интеллигенции. Она побуждает ее самосознание к развитию, анализу социально-нравственных ориентиров и целей деятельности. Н. А. Бердяев считал, что самопознание возможно в лоне философских знаний и веры, поэтому культура интеллигенции должна иметь традиции как универсальные, так и национальные. В его представлении, сфера деятельности интеллигенции – органический синтез теории и практики. Цель ее творчества – культурное возрождение России, возможное на почве политическо-

¹ Франк С. Л. Этика нигилизма (К характеристике нравственного мировоззрения русской интеллигенции) // Вехи: Из глубины. – М., 1991. – С. 190.

² Бердяев Н. А. Философская истина и интеллигентская правда. С. 22.

го освобождения, эмансипация мысли. Самопознание и самооценка – условие перевоспитания личности, полагал С. Н. Булгаков.

Оригинальность религиозно-философского взгляда на русскую интеллигенцию выражалась в определении черт ее духовного склада, характера, культуры, социальной роли, деятельности. Мыслители оценивали интеллигенцию в ее отношении ко всем основным составляющим политической, социальной и культурной жизни, характеризуя ее причастность к разным системам, течениям, группам, идеологиям или неприятие их, одновременно прослеживая их взаимовлияние и отталкивание. Такой подход позволил этой концепции сформировать свое представление об интеллигенции как результате историко-культурного развития общества и государства и определить ее место в них.

Признавая главной характеристикой духовного облика интеллигенции его целостность, мыслители обращались к отдельным составляющим мировоззрения, так называемым системам идей, «живым системам», подчеркивая их единство. Так С. Л. Франк был убежден, что «чистая» характеристика интеллигенции, т.е. вне политической и социальной системы и объективных обстоятельств невозможна, поскольку она так или иначе испытывает влияние всех этих факторов. А вот выделение в мировоззрении интеллигенции различных составляющих как раз и позволяет выявить ее существенные черты. Он пишет: «Чрезвычайно трудно распутать живой клубок духовной жизни и проследить сплетение образующих ее отдельных нитей – морально-философских мотивов и идей; здесь можно наперед рассчитывать на приблизительную точность. Но и несовершенная попытка анализа весьма важна и настоятельно необходима»¹. Франк считал, что необходимо «анатомировать» образ мира интеллигенции и определять ее корни. Поэтому философы прибегают к сравнению «интеллигентщины» или интеллигенции «кружковой», с интеллигенцией «истинной». Они стремятся сопоставить ценностные основы и смысл их культуры, направления деятельности, положение в политическом и социальном поле.

В политической сфере существует антагонизм между властью и интеллигенцией. Свободолюбие последней не вызвало сочувствия со стороны самодержавия. Поэтому и «кружковая» и «ис-

¹ Франк С. Л. Этика нигилизма. С. 169.

тинная» интеллигенция подвергались гонениям со стороны государства, не желавшего мириться со свойственным ей стремлением к свободе взглядов и независимости мыслей.

Усиление давления со стороны власти объясняется отсутствием в России не только общества с развитым национальным самосознанием, но даже и небольшого круга людей, способных противостоять всемогуществу государства. Франк обвинял власть в «эгоизме, государственной близорукости, в пренебрежении к интересам народа»¹. С распространением марксизма в России произошла политизация сознания интеллигенции, связывавшей независимость личности с конституционными свободами и ограничением самодержавия.

В культурной сфере «кружковая» интеллигенция реализует поиск идей, раскрывающих ее общественно-политические идеалы, она легко усвоила философские основы просветительства. Видя главное предназначение интеллигенции в духовном творчестве, мыслители сосредоточили свое внимание на основных компонентах ее знаний (или их отсутствия) о современных интеллектуальных течениях и отраслях науки. Они сопоставили восприятие «кружковой» и «истинной» интеллигенцией различных сфер духовного творчества.

Отношение «кружковой» интеллигенции к философии Н. А. Бердяев признавал «малокультурным»: она отрицала самостоятельное значение философии, и стремилась подчинить ее социальным целям. В качестве особенности философского знания интеллигенции он отмечал ее увлеченность не теоретическими проблемами философии, а осмыслением общественных проблем. Применение утилитарного критерия к отбору знаний (значимым считалось только то, что может принести пользу народу) определило ее равнодушие к философским учениям, оставшимся для «интеллигентщины» закрытыми и непонятными. В философском и художественном творчестве она видела «измену народу и народному делу»². С. Н. Булгаков выбор «кружковой» интеллигенцией определенных идей считал ее свободным делом, «за которое она

¹ Франк С. Л. Этика нигилизма. С. 167.

² Бердяев Н. А. Философская истина и интеллигентская правда. С. 12.

постольку и ответственна перед родиной и историей»¹. Подлинная же интеллигенция испытывала потребность в знании философии, позволявшей понять истину. В утилитарную систему ценностей «кружковой» интеллигенции не входило и научное знание, она не стремилась к постижению истины. В отличие от нее культурная элита понимала святость знания, абсолютную ценность истины.

К религии «кружковая интеллигенция» относилась абсолютно индифферентно, демонстрируя свое восхищение атеизмом, принимавшим в ее восприятии догматические, наукообразные формы и бравшимся на веру, вывернутую наизнанку. Религиозная вера заменялась верой в прогресс, в результате непонимание важности религиозной темы порождало поразительное невежество в религиозных вопросах. Эта мнимая интеллигенция усвоила догматы своей религии – религии «человекобожества». «Основным догматом, свойственным всем ее вариантам, является вера в естественное совершенствование человека, в бесконечный прогресс, осуществляемый силами человека, но, вместе с тем, механическое его понимание»².

Будучи воспринятой вместе с атеизмом, религия человекобожества, или светского гуманизма обладает такими присущими ей устойчивыми психологическими и гносеологическими признаками как: самодовольство и уверенность в собственной непогрешимости, притупление критического сознания, фанатизм и глухота к голосу жизни, неприспособленность и бессилие в практических вопросах, нетерпеливость и авантюризм, прямолинейный рационализм и механицизм³. С психологической точки зрения интеллигентский героизм наиболее импонировал учащейся молодежи, склонной к романтике и риску, нигилизму, самоуверенности, бунтарству, безответственному критиканству. Булгаков называет это явление «духовной педократией» и считает величайшим злом, которое в виде принципиальной незрелости остается у интеллигента на всю жизнь. Вообще нигилист и атеист находится, по его словам, в «религиозном детстве», а отсутствие чувства греха равносильно

¹ Булгаков С. Н. Героизм и подвижничество. С. 42.

² Там же. С. 42–43.

³ Алехина Е. В. Феномен интеллигенции в русской религиозной философии начала XX века // Вестник РУДН. Серия Философия. – 2010. – № 2. – С. 81.

«духовному маразму» и приводит к вырождению личности и зависимости от воли «вождя» или от истерии толпы. Не случайно интеллигенция, не заботясь о культуре личности, все силы расходует на внешнюю политическую борьбу, считая это настоящим «действием». Но, замечает Булгаков, дело неотделимо от деятеля, а дело без Бога, без культуры терпения, смирения, ответственности обречено на провал.

Булгаков замечает, что атеизм пришел к нам с Запада и поэтому присущ именно «западникам», которые из многообразной и сложной западной культуры выбрали крайние формы философии просветительства с его догматами материализма, социализма и атеизма. Но если учение просветительства на Западе, по образному выражению мыслителя, «обеззараживалось» религиозными в значительной степени основами европейской культуры, здоровым консерватизмом и даже рационалистическим скептицизмом, то, появившись в России, оно притязает быть единственным, становится фундаментом русской цивилизации. Но «на таком фундаменте, – замечает он, – не была построена еще ни одна культура»¹. Поэтому он призывает бороться не только за русскую культуру, но и за более грамотное, критическое и глубокое западничество.

«Истинная» же интеллигенция, люди глубокой образованности, призывали к «религиозному углублению»². С. Франк утверждал, что понятие религиозности нельзя сводить к фанатизму, страстной преданности излюбленной идее. Он объяснял, что религия «всегда означает веру в реальность абсолютно-ценного, признание начала, в котором слиты воедино реальная сила бытия и идеальная правда духа. Религиозное умонастроение сводится именно к сознанию космического, сверхчеловеческого значения высших ценностей...»³. Нигилистическое умонастроение «кружковой» интеллигенции отталкивает абсолютные ценности, в том числе и религиозные, заключал философ.

Сосредоточившись на ценностях интеллигенции, С. Франк доказывал, что именно ценности определяют человеческую жизнь. Сопоставив системы ценностей основных слоев интеллигенции, он

¹ Булгаков С. Н. Героизм и подвижничество. С. 40.

² Там же. С. 39.

³ Франк С. Л. Этика нигилизма. С. 172.

обнаружил различия в понимании ими смысла жизни личности, что стало основой расхождения в восприятии ими духовной и материальной культуры. Франк дает критическую оценку нравственного состояния интеллигенции. Он отмечал, что мораль – это «служебное средство» веры. Система моральных норм создается верой. Утилитарная вера не ориентирована на абсолютные ценности, ее символом является служение народу. Она привела к возникновению нигилистического морализма, образующего сущность мировоззрения русских радикалов. Их целью являются не идеалы, а служение «большинству», которое и есть высшая ценность. Другие ценности для социалистической интеллигенции неприемлемы. Участники революционных кружков, объединенные целью служения народу, создали однородную «интеллигентскую массу», они не признавали права личности на индивидуальность, самоопределение, своеобразие. Революционная среда исключала условия для формирования независимой творческой личности, поскольку лицо, посвятившее себя служению народу, должно быть носителем только не подлежащих критике взглядов.

«Кружковая» интеллигенция, утверждал Франк, не знает «никаких абсолютных ценностей, никаких критериев, никакой ориентировки в жизни, кроме морального разграничения людей, поступков, состояний на хорошие и дурные, добрые и злые»¹. Революционерам, считал он, безразличны теоретические, эстетические, религиозные ценности. Их нравственной догмой является «аморализм», тождественный нигилизму, отрицавшему абсолютные ценности². Из этого «нигилистического морализма», обусловленного отрицанием объективных ценностей, проистекает «обожествление субъективных интересов ближнего («народа»), отсюда следует признание, что высшая и единственная задача человека есть служение народу, а отсюда, в свою очередь, следует аскетическая ненависть ко всему, что препятствует или даже только не содействует осуществлению этой задачи. Жизнь не имеет никакого объективного, внутреннего смысла; единственное благо в ней есть материальная обеспеченность, удовлетворение субъективных потребностей; поэтому человек обязан посвятить все свои силы

¹ Франк С. Л. Этика нигилизма. С. 170.

² Там же. С. 173.

улучшению участи большинства, и все, что отвлекает его от этого, есть зло и должно быть беспощадно истреблено...»¹. Поэтому в качестве основных черт духовного облика этой «кружковой», народнической интеллигенции Франк выделял «нигилистический утилитаризм», «морализм», «противокультурную тенденцию – стремление превратить всех людей в «рабочих», сократить и свести к минимуму высшие потребности во имя всеобщего равенства и солидарности в осуществлении моральных требований»².

С. Н. Франк произвел глубокий анализ нравственных и социальных взглядов социалистической интеллигенции, раскрыв логику ее мысли, исключавшей абсолютные ценности, в том числе свободу личности и творчества. Этика социалистического народничества формирует убеждение, что «основным и внутренне необходимым средством к осуществлению морально-общественного идеала служит социальная борьба и насильственное разрушение существующих общественных форм». Причины, препятствующие построению земного рая, лежат не внутри, а вне человека – в социальных условиях, в несовершенстве общественного механизма. «И так как причины эти внешние, то они и могут быть устранены внешним, механическим приемом»³. Ликвидировав внешние препятствия, можно прийти к естественному состоянию – гармоническому устройству жизни.

Прогресс понимался революционными социалистами как разрушение, являющее собой один из приемов творчества. Они абсолютизировали ценность разрушения. Такая «механико-рационалистическая теория счастья», предупреждал С. Л. Франк, крайне опасна, она может стать роковой для общества.

Истинная интеллигенция является носителем иной системы ценностей. Она верит в ценности абсолютные и порождает свою мораль, признавая права личности на самосознание, «творческое созидание», самоопределение. Она осознает высокую ценность «истины, красоты, Божества»⁴, знания, культуры. Высшая цель человеческой деятельности, основанной на культурном творче-

¹ Франк С. Л. Этика нигилизма. С. 176.

² Там же. С. 178.

³ Там же. С. 184.

⁴ Там же. С. 170.

стве, может заключаться только в «воплощении в жизни идеальных ценностей»¹.

Духовные черты социалистической интеллигенции весьма противоречивы: любовь к слабым, бедным, нищим телом и духом, стремление сделать их богатыми вполне уживаются с ненавистью ко всякому богатству; мечта дать власть народу – с отношением к власти как злу; желание приобщить народ к просвещению и отношение к духовному богатству как роскоши; стремление к равенству в пользовании благами, а не к их обилию; отрицательное отношение к культуре, оправдание и укрепление варварства; существование вне подлинной исторической жизни; уединение в собственном мире и желание править всем миром, насадив в нем свою веру; обоснование примата силы над правом. Ее идеал чистой, невинной, простой, скромной, бедной жизни отличался от представлений о материально и духовно богатой жизни. Эти противоречия идей, мыслей, образов, принципов и установок революционной интеллигенции позволили философу оценить ее мораль как беспринципную, оценивающую все с точки зрения партийной пользы или партийного вреда.

Суть такой интеллигентской веры привлекла в социалистическое движение «субъективно чистых, бескорыстных и самоотверженных служителей». Их психологической мотивацией стала ненависть к врагам народа. Нацеленность на революционную борьбу препятствует социальному сотрудничеству, развитию науки, литературы, искусства, ведет к вырождению религии, нравственной гибели, она всюду вытесняет труд, творчество, созидание. Таким образом, заключает Франк, теоретические, нравственные, социально-политические и религиозные основы мировоззрения радикальной интеллигенции и культурной элиты не совпадают.

Большой интерес для русской религиозной философской мысли представляет проблема роли интеллигенции в истории России. Здесь она рассматривается с позиций места духовной элиты в социокультурной системе и ее влияния на общество, а также ответственности за судьбу России. С этим связана попытка охарактеризовать духовный потенциал интеллигенции. С. Н. Булгаков, анализируя самооценку себя самой «кружковой» интеллигенцией, об-

¹ Франк С. Л. Этика нигилизма. С. 177.

ращает внимание на ее «самообожение, психологию героев, готовых на любые жертвы с целью спасения народа, хотя сам он ее задачу видит в формировании духовной культуры общества, духовном творчестве. Сопоставив культуру «кружковой» и «истинной» интеллигенции, он приходит к выводу об отсутствии «внутреннего сродства», «подпочвенного соприкосновения» между ними, поскольку единственными критериями самоидентификации могут служить только «абсолютные нормы и ценности, которые... даются только в религии»¹. Развитая личность, воспитанная в религиозных традициях, сознает свое несовершенство. Она далека от самообожения, более критично и ответственно относится к своей деятельности, ее останавливает заповедь «не согреши». Направляя максимальные усилия на духовное совершенствование, личность стремится исполнить свой долг перед Богом и верно несет свой крест. «Кружковая» интеллигенция, убежденная в наличии естественных добродетелей в человеке от природы и видевшая зло лишь во внешних обстоятельствах, не имеет потребности в развитии культуры личности, полагал С. Н. Булгаков. Он обратил внимание на «идейную одержимость» части интеллигенции. Революция и социализм понимаются ею не как процесс постепенного социально-экономического преобразования, который складывается из ряда частных и вполне конкретных реформ, не как «историческое движение (что клеймилось «ревизионизмом»», а как надисторическая «конечная цель», «социальное чудо», смысл которого в кардинальном разрушении всего существующего порядка, всей социальной системы, в ненависти. По убеждению философа, революция не имеет положительного содержания, она ведет к свободе темной стихии человеческих страстей и вседозволенности, она аморальна и криминальна одновременно.

Сверхзадача, которую ставила революционная интеллигенция, нарушала естественный органический ход вещей, игнорировала национальные традиции и идеалы, отбрасывала страну назад и была равносильна самоуничтожению. Русские религиозные философы призывали интеллигенцию к замене философских основ, к покаянию и реализации своего предназначения – выработке национального самосознания на основе здорового национального чувства.

¹ Булгаков С. Н. Героизм и подвижничество. С. 56.

Русская религиозно-философская мысль обозначила образ носителя взглядов «кружковой» интеллигенции на общество, государство, народ, мораль и религию, философию и науку, культуру и политику – идеологии чуждой, глубоко ошибочной и противоречащей человеческому естеству. Это доказывают присущие ей черты, такие как: антигосударственность и сектантство, «отщепенство», узкоклассовый интерес и безразличие к национальным интересам, политический экстремизм и леворадикальный терроризм под лозунгом революции. Материалистические и либеральные идеологии, направленные на решение проблем общественного развития, предлагают слишком упрощенную, механистическую модель происходящих в обществе процессов, которые удалены от исторической действительности.

Религиозно-философская концепция интеллигенции основана на признании веры и разума, любви к истине, к Богу, видении Божьего образа в каждом человеке, идее необходимости уважения абсолютного значения человека: «это абсолютное значение основано на божеском, а не на человеческом, на истине, а не на интересе», независимого научного знания, возвышающего над повседневными проблемами, просвещения, самооценности умственной жизни.

Таким образом, дискуссия о русской интеллигенции, развернувшаяся на рубеже XIX–XX веков выявила наличие различных подходов к пониманию ее как социокультурного феномена и показала необходимость дальнейшего теоретического осмысления ее особенностей и роли в развитии общества. Идеи русских мыслителей тем более актуальны перед лицом реальности очередных попыток разрушения нашей страны в текущем XXI столетии.

Глава 3. ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

3.1. ВЛАСТЬ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И КОНФРОНТАЦИЯ

Научно-техническая история является неотъемлемой частью общечеловеческих знаний. Ее актуальность объясняется не только необходимостью избежать старых ошибок и дублирования научно-технического опыта и открытий, но также и тем, что человек должен понимать и правильно оценивать логику и диалектику развития представлений об окружающем мире и о самом себе, без чего невозможны успехи культурной и технической цивилизации¹. Обращение к истории науки и техники не только вырабатывает уважение к нашим предкам, но позволяет соотносить свои помыслы и действия с тем, что было ими создано, тем самым связывая воедино научные, технологические, производственные, даже психологические процессы. Такая взаимосвязь выявлена давно².

Большим массивом в освещении научно-технического развития России выступают публикации по проблеме становления и развития российской интеллигенции, а также ее судьба в отечественной истории XX века. Изучение феномена российской интеллигенции представляет огромный исторический интерес и имеет все права на наше внимание. В ряду проблем отечественной истории и культуры не одна замыкается на особенностях развития интеллигенции, особенностях ее мировоззрения, деятельности ее яр-

¹ Виргинский В. С. Очерки истории науки и техники XVI–XIX веков (до 70-х гг. XIX в.): Пособие для учителя / В. С. Виргинский. – М., 1984; Виргинский В. С. Очерки истории науки и техники с древнейших времен до середины XV века: Кн. для учителя / В. С. Виргинский, В. Ф. Хотеевков. – М., 1993; Виргинский В. С. Очерки истории науки и техники, 1870–1917 гг.: Кн. для учителя / В. С. Виргинский, В. Ф. Хотеевков. – М., 1988 (1989); Еремеев В. Е. Введение в историю мировой науки и техники: проспект курса лекций. – М., 2012; Кефели И. Ф. История науки и техники: учеб. пособие. – СПб., 1995; Наука и техника: развитие, достижения, перспективы: учеб. пособие. – Уфа, 2010; Нацграды России: сб. аналит. материалов и нормативно-правовых актов. – М., 2008; Российская наука на заре нового века: Сб. науч.-попул. ст. – М., 2001; Шейпак А. А. История науки и техники: материалы и технологии: учеб. пособие. В 2 ч. – М., 2010 и др.

² Келле В. Ж. Наука как компонент социальной системы. – М., 1988; Наука как социальное явление. – Воронеж, 1992 и др.

ких представителей, как в профессиональной, так и общественной сфере. Не удивительно поэтому, что солидный блок научных работ историков, философов, социологов, экономистов посвящен проблемам становления и развития интеллигенции в России¹.

Отвечая на вопрос, что такое русская интеллигенция, все авторы сходятся на утверждении, что интеллигенция была у нас скорее идеологической, а не профессиональной и экономической группировкой. В том, что дворянство явилось первоначально источником появления интеллигенции, заключается коренное отличие в истории образования интеллигенции на Западе и в России, объясняющим многие особенности ее мировоззрения и поведения. Историк общественной мысли Исайя Берлин считал интеллигенцию наиболее крупным вкладом России в мировую культуру. И, наверное, он прав, если понимать интеллигенцию в том смысле, который подает Оксфордский словарь: «Интеллигенция – часть нации, стремящаяся к самостоятельному мышлению»². Численность российской интеллигенции накануне Первой мировой войны превышала 1,5 млн. человек, в том числе столичной – 200 тыс. человек³. Но при этом большинство ее составляло дворянство, имеющее возможность получить не только начальное и среднее, но и высшее образование, и при этом не работающее.

По условиям русского политического строя интеллигенция оказалась оторванной от реального социального дела, и это способствовало развитию в ней «социальной мечтательности». Именно поэтому русский интеллигент Г. П. Федотов считал, что интеллигенция – это одна «из роковых тем, в которых ключ к пониманию России и ее будущего»⁴. В этой связи становится понятен интерес многих исследователей к проблемам развития интеллигенции на рубеже XIX-XX веков (в эпоху Серебряного века русской

¹ В поисках пути: Рус. интеллигенция и судьбы России. – М., 1992; Интеллигенция. Власть. Народ: Антология. – М., 1993 и др.

² Цит. по: Степанов Ю. С. Константы: Слов. рус. культуры: Опыт исслед. – М., 1997. – С. 610.

³ Смирнова А. М. Столичная интеллигенция в годы первой мировой войны (июль 1914-февраль 1917 г.): Автореферат... канд. истор. наук. – СПб., 2000. – С. 24.

⁴ Федотов Г. П. Трагедия интеллигенции // О России и русской философской культуре: Философы рус. послеокт. зарубежья: Сборник. – М., 1990. – С. 403.

культуры, а затем в годы революционного перелома), раскола российской интеллигенции на советскую и зарубежную, ее вживания, адаптации к новым социально-политическим условиям существования в своей стране¹.

Основным источником формирования научной интеллигенции уже в Советской России наряду с подготовкой новых кадров был переход к сотрудничеству с новой властью старых специалистов. В этой связи большинство исследователей указывают на отличия правительственной научно-технической политики в первое после-революционное десятилетие от политики царского правительства, ее научность, продуманность, терпимость в отношении к старой интеллигенции в противовес предвзятости и жестокости последующего сталинского периода, останавливаясь на причинах этих отличий².

При анализе взаимоотношений российского государства с научно-технической сферой неизбежно встает проблема особенностей развития отечественной интеллигенции и назревает необходимость ее анализа.

В начале XX века русская научная интеллигенция не была однородной по своим социальным корням, отношению к власти, политическим симпатиям. Ее представляли потомки и древних дворянских родов, и крепостных, и духовных лиц, и тех, кто был лишен права жительства в столичных центрах. Ни в одной стране мира не было тогда и столь самобытного множества людей науки. Но при всех различиях ученых России начала века отличали: универсализм и сплав гуманизма с верой в мощь науки³. Они были преисполнены предощущением великих перемен, сулящих переустройство народной жизни на началах разума и справедливости.

¹ Костиков В. Не будем проклинать изгнание. – М., 1990.; Раев М. Россия за рубежом. – М., 1994.

² См.: Бастракова М. С. Становление советской системы организации науки (1917–1922). – М., 1973; Лахтин Г. А. Организация советской науки: история и современность. – М., 1990; Проблемы организации науки в трудах советских ученых, 1917–1930 годы. Сб. матер. и докум. – Л., 1990.

³ Быковская Г. А. Научно-техническая политика российского государства: проблемы исторической преемственности и практической реализации. – Воронеж, 2004. – С. 81–86.

Эта вера в скорое лучшее будущее рождала новые исследовательские проекты.

Таким образом, понятие «интеллигенция» отразило историческую и социальную обстановку в России XIX в. и тем самым обусловило связь с оппозиционностью властям¹.

Тяга к демократизму у ученой и технической интеллигенции объяснялась рядом обстоятельств. Прежде всего, тем, что ученые и инженеры – большие труженики, и интересы людей труда им близки и понятны. Неприятие старого строя вызывала и та невос требованность до 1917 г. отечественных научных и технических разработок, столь необходимых в условиях экономической отсталости России. Эта невос требованность была обусловлена зависимостью страны от иностранного капитала, и в результате наблюдалось применение иностранных прикладных разработок вместо российских аналогов (в руках у немецких промышленников была электротехническая отрасль, текстильная – у англичан, радиотехническая – у шведов, Франция контролировала металлопромышленность, авиацию и т. п.)². Вызывало возмущение ученого сословия небрежение наукой со стороны царского правительства, ее скудное финансирование (И. П. Павлов вынужден был отдавать в качестве зарплаты лаборантам личные деньги)³. «Сумерками жизни» российской интеллигенции называл дооктябрьские годы Н. Н. Нардов.

Именно поэтому научно-техническая интеллигенция активно приветствовала Февральскую буржуазную революцию несмотря на то, что к 1914 г. в составе политических партий в России находилось не более 1–2 % от числа всех интеллигентов⁴.

Казалось, началась новая эра в истории России и отечественной науки. Состоялись первые выборы Президента Академии

¹ Диденко Д. В. Интерпретация понятия «интеллигенция» в российских энциклопедических словарях конца XIX – начала XX вв. // Интеллигент и интеллигентоведение на рубеже XXI века: итоги пройденного пути и перспективы. Тезисы докладов X междунаро. науч.-теор. конф. 22-24 сентября 1999 г. – Иваново, 1999. – С. 177–178.

² Иоффе А. Ф. Встречи с физиками. Мои воспоминания о зарубежных физиках. – М., 1960. – С. 139.

³ Алексеев П. В. Революция и научная интеллигенция. – М., 1987. – С. 18–21.

⁴ Смирнова А. М. Указ соч. С. 24.

наук: им стал А. П. Карпинский. Непременный секретарь Академии С. Ф. Ольденбург в августе 1917 г. был включен в новый состав Временного правительства. Интеллигенция принимает активное участие в выборах в государственные учреждения. Так, 19 июля 1917 г. в «Воронежских губернских ведомостях» сообщалось, что Временное правительство назначило на должность председателя Воронежской губернской земской управы профессора СХИ Б. А. Келлера¹. Но уже тогда многие начинают понимать, что уступки демократического характера правительство делает лишь в результате нажима Советов, что их первопричиной является размах народного революционного движения. Характерно в этом плане письмо Я. И. Френкеля от 6 марта 1917 г.: «И если Николай отрекся от престола... и если Временное правительство дает нам амнистию и свободу слова, союзов, стачек, собраний и, что всего важнее, приступает к созыву Учредительного собрания..., то этим русский народ обязан не Милюкову и его «друзьям справа», а его «врагам слева», то есть своим представителям в Совете рабочих и солдатских депутатов»².

В апреле 1917 г. при Министерстве народного просвещения создается Комиссия по ученым учреждениям, с представительным составом (В. И. Вернадский, Н. С. Курнаков, Д. С. Рождественский, С. Ф. Ольденбург и др.), выработавшая широкую программу по развитию науки в стране. Однако денег на ее осуществление комиссия не получила, и ни одно из ее предложений правительством осуществлено не было. Все это вызвало серьезное разочарование в буржуазном правительстве у ученых кругов России. 4 сентября 1917 г. Ольденбург выходит из его состава³.

Германский ученый В. Лепениес пришел к выводу, что история науки не проста и, как правило, не представляет собой мирного течения событий. Она вырастает из столкновения национальных традиций и индивидуального темперамента исследователя, из борьбы материальных и духовных основ и из попытки различных дисциплин с помощью научного знания показать мировоззренче-

¹ Загоровский В. П. Воронежская историческая энциклопедия. – Воронеж, 1992. – С. 119.

² Френкель В. Я. Яков Ильич Френкель. – М.-Л., 1966. – С. 37–38.

³ Алексеев П. В. Указ. соч. С. 26–32.

ские ориентиры¹. Подобные характеристики уместны при описании особенностей становления научно-технической политики государства.

Отношения между советским государством и интеллигенцией всегда выступали значимым объектом государственной политики. В связи с тем, что необходима была разработка планов практических мероприятий по проведению в жизнь политики, максимально отвечающей интересам всего общества. Сама тематика исследований вплоть до последнего времени настраивала на изучение истории интеллигенции не как субъекта, а как объекта истории. Многочисленные труды «о борьбе за интеллигенцию», «о перевоспитании интеллигенции» и т. п., не давали возможности объективно рассмотреть сложные и противоречивые процессы в самой интеллигенции. За идеологическими установками партий, объединений, профсоюзов оказались потеряны отдельные личности с их субъективными взглядами.

К концу 20-х гг. XX в. в отечественной исторической науке было обосновано положение, согласно которому интеллигенция определялась как социальная прослойка, включавшая лиц, профессионально занимающихся квалифицированным умственным трудом, деятельность которой направляется интересами господствующего класса, которому она служит². Однако критичность ума, а потому оппозиционность властям и инакомыслие, — изначальные качества интеллигенции». Отсюда противоречивость в отношениях интеллигенции и власти.

История взаимоотношений отечественной интеллигенции с правительственными кругами после 1917 г. вплоть до сего дня понимается неоднозначно. Одни исследователи считают, что в основе своей она была разгромлена, многие уехали за рубеж, остальные же, приспособляясь к новой власти внешне, идут на компромисс с ней, не принимая внутренне. Другая точка зрения относит самую квалифицированную часть интеллигенции к оппозиции, указывает на то, что некоторые ее представители заняли выжидательную по-

¹ Lepenies W. Gefährliche Wahlverwandschaften: Essays zur Wissenschaftsgeschichte. — Stuttgart, 1989. — S. 5.

² Смирнов Н. Н. Российская интеллигенция: к вопросу о дефинициях // История и реформы. — СПб., 1999. — С. 49.

зицию, соблюдали нейтралитет, большая же часть, но малоквалифицированная, поддержала Советскую власть. Факты, однако, показывают, что все было сложней.

Советская власть не только смогла сохранить основной интеллектуальный потенциал России, но и создать условия для его успешного функционирования. Поэтому многие представители научной и технической интеллигенции, настроенные демократически, эту власть поддержали. На сторону восставшего народа без сомнений и сразу встали такие видные деятели русской науки, как К. А. Тимирязев, А. А. Ухтомский, Д. С. Рождественский, Н. М. Тулайков; уже в 1918–1919 гг. к активному сотрудничеству с новой властью переходят О. Ю. Шмидт, В. А. Стеклов, А. Ф. Иоффе, В. М. Бехтерев, Л. П. Писаржевский, а после гражданской войны – С. Ф. Ольденбург, А. Н. Бах, А. Н. Северцов, Е. О. Патон и др. Конечно, в партии состояло небольшое число ученых, даже через 6 лет после Октября членами партии являлось только 4 % от их общего числа¹, а именно: этнограф В. Д. Бонч-Бруевич, химик-технолог Г. М. Кржижановский, инженер-технолог Ф. В. Ленгник, юрист В. В. Адоратский, астроном П. К. Штернберг, химик Л. Я. Карпов, минералог Н. М. Федоровский и др. Но демократизм, как составная часть идейного облика отечественной интеллигенции, проявлялся наглядно.

В то же время октябрьские события 1917 г. русская интеллигенция встретила противоречиво: сомнения и неприятие составляли на первых порах основу ее отношения к новой власти. И если до Октября многие шли с народом, – то теперь отходят в сторону. Демократический писатель В. Г. Короленко 29 октября 1917 г. называет вооруженное восстание в Питере авантюрой². 28 ноября 1917 г. Совет Московского университета выступил в поддержку Учредительного собрания в противовес Советам. В декабре 1917 г. в газетах было опубликовано «Воззвание ученых Петрограда», в котором говорилось, что Октябрьская революция – «это великое бедствие, а большевики узурпаторы законной власти».

Разворачивается массовый саботаж специалистов различных профессий. По призыву Союза союзов, Всероссийского союза учи-

¹ Народное просвещение. – 1924. – № 8. – С. 112.

² Короленко В. Г. Испытание // Полтавский день. – 1917. – 29 октября.

телей, Всероссийского союза инженеров организуется саботаж¹, в основе которого лежало убеждение «спецов» в том, что «Без нас не обойтись». «Известия» в декабре 1917 г. сообщали о забастовках медиков в условиях эпидемий! Бастующим чиновникам враждебные Советской власти лица из Госбанка успели вручить 40 млн. рублей². Для финансирования саботажа крупные суммы выделили банковские и промышленные тузы, такие как П. П. Рябушинский. Рушатся связи меж отраслями хозяйства, ухудшается снабжение населения. Страна в ноябре 1917 г. была практически парализована.

В особо трудных условиях оказались научные работники. П. А. Сорокин вспоминал: «Самыми ужасными годами в этом отношении для профессуры были 1918–1920 гг. Получая ничтожное вознаграждение, и то с опозданием на три-четыре месяца, не имея никакого пайка, профессура буквально вымирала от голода и холода. Смертность её повысилась в 6 раз по сравнению с довоенным временем. Комнаты не отапливались. Не было ни хлеба, ни тем более других «необходимых для существования» благ. Одни в итоге умирали, другие не в силах были вынести всё это – и кончали с собой. Так покончили известные учёные: геолог Иностранцев, проф. Хвостов и ещё кой-кто. Третью унёс тиф. Кое-кого расстреляли»³. По словам Н. О. Лосского, это было время, «...когда мы были крайне истощены голодом и холодом, когда не ходили трамваи, и не было извозчиков, профессора могли только дойти пешком до университета, прочитать лекцию и потом, вернувшись домой, в изнеможении лежать час или два, чтобы восстановить силы»⁴. Трудности, переживаемые всеми, усугублялись для учёных ухудшением условий труда: «Трудно представить себе, каково было учёным без всякого общения с Западом, без газет... Очень плохо обстояло дело и с бумагой: писали на обратной стороне старых рукописей»⁵.

¹ Алексеева Г. Д. Октябрьская революция и историческая наука в России (1917–1923 гг.). – М., 1968. – С. 202–203.

² Поляков Ю. А. Великая Октябрьская. – М., 1987. – С. 116.

³ Сорокин П. Нравственное и умственное состояние современной России // Новый мир. – 1992. – № 5. – С. 176.

⁴ Лосский Н. О. Воспоминания: жизнь и философский путь. – Мюнхен, 1968. – С. 211.

⁵ Варшер Т. С. Виденное и пережитое: (в Советской России). – Берлин, 1923.

Эти трудности сочетались с обязательными трудовыми повинностями и другими мероприятиями властей: «Немного профессоров найдётся, которые бы не были хотя раз арестованы, и ещё меньше, у кого несколько раз не производились бы обыски, реквизиции, выселение из квартир и т. д. и т. д. Прибавьте к этому многообразные «трудовые повинности» в форме пилки дров, таскания тяжёлых брёвен с барж, колки льда, дежурства у ворот. Для многих учёных, особенно пожилых, всё это было медленной смертной казнью...»¹.

В условиях гражданской войны были случаи открытых антиправительственных выступлений². Осенью 1919 г. в Петербурге состоялся суд по делу Тактического центра, сформировавшего «правительство» во главе с профессором Технологического института кадетом А. Н. Быковым. В середине 1921 г. расследовался заговор по подготовке вооруженного восстания в Петрограде во главе с профессором географии В. Н. Таганцевым. Был арестован химик М. М. Тихвинский, передавший на Запад сведения о состоянии нефтяной промышленности России, имевшие стратегическую ценность. Однако эти случаи были все-таки редкими в поведении научно-технической интеллигенции.

Не открытые выступления – но злорадство по поводу трудностей и неудач новой власти, сеяние паники, пропаганда переворота вспять, рассуждения о гибели русской науки и культуры, наконец, оппозиционные или обвиняющие выступления в печати были массовыми явлениями. Среди ученых даже саботажа было менее всего. Академия наук не прекращала работу ни на день³, но это не показатель ее лояльности. Очень многое стояло между российской интеллигенцией и новой Советской Россией. Научное мировоззрение, являясь передовым и революционным, имеет теневые стороны: тенденцию к самоизоляции, отставанию от практики. Консервативны и характер труда, образ жизни, привычки, корпоративные привилегии и т. д. Чтобы оценить соотношение потерь с перспективами, научной и технической интеллигенции было нужно время.

– С. 120.

¹ Сорокин П. Указ. соч. С. 176.

² Голиков Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. – М., 1986. – Кн. 2. – С. 11–17.

³ Известия. – 1922. – 19 октября.

Трудно было принять то, что непонятно: отсутствие аналогов в мировой истории, неопределенность будущего и судеб науки – все это рождало пессимизм. На настроения «старой» интеллигенции повлияли и неприятие нового строя, и ошибки советского государства, и перегибы в отношении к интеллигенции, пусть даже они были неизбежны и объективны (ведь примеров подобного переустройства общества не было, все делалось впервые). Повлияла и активная антисоветская пропаганда, умело игравшая на ошибках власти, случаях репрессий, грозившая призраком всеобщих «эксов», разрушений и разбазаривания культурного фонда страны. Пугали разрушения монастырей, церквей и дворянских усадеб, которые относились массами к атрибутам ненавистного царского строя. Этот пафос «революционной ломки» в не радиофицированной стране трудно было остановить, тем более в условиях военного времени. В стране не было необходимого, мелочей повседневного спроса, и мучившихся сомнениями интеллигентов – инженеров высокой квалификации – заставляли в рамках трудовой повинности организовывать производство чайников и сковородок. Отсюда – сомнение в своей нужности, отсюда – эмиграция. И пусть потери от нее в рядах научно-технической интеллигенции составили менее 10 процентов (в 1914 г. в России насчитывалось 10240 человек, занимающихся научным трудом¹), все же это были потери.

Отметим: эмигрировали далеко не все. Многие российские интеллигенты оставались в стране из чувства любви к родной культуре, считая себя не вправе покинуть родину и народ в тяжелый момент истории. Крушение прежних социальных устоев стало для них импульсом к творчеству во имя спасения русской культуры от гибели. Невзирая на лишения и сложную социальную ситуацию, часть инженерно-технической и научной интеллигенции посвятила себя созидательной работе. Интересно в этой связи заявление проф. Неменова: «Мы считали Октябрьский переворот огромным стихийным процессом, который грозил не оставить камня на камне от нашей, и без того бедной, культуры. Мы поэтому считали, что долг интеллигенции пойти рука об руку с Советской властью в

¹ Алексеев П. В. Указ. соч. С. 32.

деле восстановления и нового строительства»¹. Поэтому депутатами Петросовета стали проф. В. М. Бехтерев, будущий академик князь А. А. Ухтомский (организатор первого рабфака). Начинает активную научную деятельность целый ряд научных и технических работников.

Отметим, что их научная работа стала возможной благодаря государственной научной политике, к императивам которой относилось сотрудничество с интеллигенцией. Речь шла о дифференцированном подходе к ней. Деятели советского государства понимали, что без специалистов в области науки и техники, без ученых немыслимо было реализовать планы государственного и культурного подъема огромной разоренной страны, тем более что своих кадров у победившего народа пока не было. Поэтому большевистские руководители Советской России стремились привлечь интеллигенцию на свою сторону. В.И. Ленин в 1919 г. наставлял своих соратников: «От раздавленного капитализма сыт не будешь. Нужно взять всю культуру, которую капитализм оставил и из нее построить социализм. Нужно взять всю науку, технику, все знания, которые находятся в руках специалистов и в их головах»².

В начале XX в., в череде войн и революций, русская наука понесла тяжелые потери, но она не погибла. Советская власть предпринимала отчаянные меры, чтобы остановить разрушения памятников истории и культуры, чтобы предотвратить гибель русской культуры и обеспечить ее дальнейшее развитие³. Профессор А. Яценко уже в эмиграции вынужден был признать: «Было бы несправедливостью обвинять большевиков в личном гонении или даже презрении к русским литераторам или русским ученым. Наоборот, беспристрастие, которое, к сожалению, не часто встречается, требует признать, что если жизнь кого-либо в России за это время подвергалась наименьшей опасности, то это жизнь писателей и ученых»⁴.

¹ Цит. по: Берлявский Л. Г. Наука и политика в России XIX–XX вв.: спецкурс для студентов естественных и гуманитарных факультетов. – Ростов-н/Д., 1992 – Ч. 1. – С. 23.

² Ленин В. И. Успехи и трудности советской власти // ПСС. – Т. 38. – С. 55.

³ Жуков Ю. Н. Становление и деятельность советских органов охраны памятников истории и культуры, 1917–1920. – М., 1989.

⁴ Яценко А. С. Русская книга после октябрьского переворота // Русская кни-

Уже в октябре 1917 г. В. И. Ленин беседует с председателем сельско-технического отдела Русского технического общества инженером-технологом П. А. Козьминым о настроениях технической интеллигенции, поручая привлекать специалистов на службу¹. Сразу же после Октября, в ноябре 1917 г. формируется Государственная комиссия по просвещению (Наркомпрос) во главе с А. В. Луначарским (1875–1933), в ведении которой были научные учреждения и РАН. В составе комиссии действовал Научный отдел². Летом 1918 г. образуется Научно-технический отдел ВСНХ, на который был возложен контакт с Академией наук, Наркомпросом, другими научными и государственными организациями. Таким образом, закладывается система руководства и координации научными и научно-техническими исследованиями в стране. Структура его органов, имевших непосредственное отношение к науке, в эти годы менялась, отражая поиски наиболее рациональных методов проведения научной политики. Подобная система руководства интеллигенцией и всей научно-технической сферой – объединение усилий государственных структур, науки и производства – была предложена В. И. Вернадским еще в начале века, но отвергнута как царским, так и Временным правительством.

15 ноября 1917 г. прозвучало обращение наркома просвещения А. В. Луначарского «Ко всем учащим»³, в котором буржуазных специалистов, в том числе и деятелей науки, призывали вспомнить свои лучшие традиции служения народу и отказаться от политики бойкота. С января по апрель Наркомпрос ведет переговоры с Академией наук с целью установления делового сотрудничества, а уже в июле 1918 г. были налажены контакты со 100 учреждениями. Целые корпорации ученых откликнулись на призыв о сотрудничестве: искусствоведы, архивисты, статистики и др. Крайней формой борьбы с саботажем была трудовая повинность, но декретом СНК от 23 декабря 1919 г. часть ученых (более 500 человек) – наиболее

га: Ежемесячный критико-библиографический журнал. – 1921. – № 1. – С. 3.

¹ Владимир Ильич Ленин: биографическая хроника: 1870–1924. – М., 1974. – Т. 5: Октябрь 1917 – июль 1918. – С. 3.

² Декреты Советской власти. – М., 1957. – Т. 1: 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. – С. 59–62.

³ Сборник декретов и постановлений Рабочего и Крестьянского правительства по народному образованию. – М., 1919. – Вып. 1. – С. 159–161.

выдающихся технических специалистов – была освобождена от повинности, что оздоровило психологический климат в научно-технических кругах.

В сложных послереволюционных условиях, в условиях военного времени, голода и разрухи Советская власть пытается поддержать работников науки и культуры материально. Беспрецедентной мерой помощи в этом плане было предоставление ученым повышенных окладов. «Люди физически крепкие, привыкшие к ручному труду, энергичные и изворотливые кое-как перебивались. Но положение большинства научных работников, мало приспособленных к житейским передрягам, было особо тяжелым и угрожающим», – вспоминал биолог Б. Е. Райков¹. Зимой 1919/20 гг. за два месяца в Петрограде погибли кристаллограф академик Е. С. Федоров, профессор ботаники Х.Я. Гоби, известный геолог А. А. Иностранцев, историк-лингвист А. А. Шахматов, крупные математики А. А. Марков-старший и А. А. Ляпунов, востоковед Б. А. Тураев, биолог В. Бианки и др.

В декабре 1919 г. вводится система мер усиленного обеспечения выдающихся научных специалистов: натуральное снабжение в форме академического пайка, действовавшее с января 1920 г. до октября 1923 г. Предоставление «ученого пайка» спасло жизнь многих русских ученых и их семей. Число ученых, получавших пайки, составляло от 550 (на январь 1920 г.) до 22 тысяч (конец 1922 г.) человек². Для того, чтобы решить вопрос об «ученом пайке» в голодной России эпохи гражданской войны понадобился беспредельный авторитет В. И. Ленина и громадная популярность А. М. Горького. «Ведь на глазах у голодных масс, поставивших себе задачей уничтожить все преимущества и привилегии, создан был этот исключительный паек» (С. Ф. Ольденбург)³. В январе 1920 г. была специально создана государственная комиссия по улучшению быта ученых в Москве, а с 1921 г. функционировала Центральная комиссия по улучшению быта ученых (ЦЕКУБУ), координирующая всю работу этого плана в стране. За 1922–

¹ Горький и наука. Статьи, речи, письма, воспоминания. – М., 1964. – С. 253–254.

² Научный работник. – 1925. – № 1. – С. 175.

³ Горький и наука... С. 244.

1924 гг. число таких комиссий увеличилось с 17 до 23. План работы ЦЕКУБУ показывает не только объем дел, но и необычную их срочность, динамичность, напряженность работы.

1921–1922 гг. были самыми тяжелыми для процесса привлечения к работе профессуры вузов. Это был период, когда НЭП возродил надежды на скорую гибель Советов, период ухудшения финансового положения: доля Наркомпроса в бюджете упала с 10,4 процентов до 3,5 процентов (за 1920–1922 гг.)¹, а как результат – сокращение штатов и перебои с выплатой зарплат.

Непопулярны были некоторые крайние меры экономико-политического характера, предпринятые правительством в целях ужесточения контроля над частным сектором. И. Д. Сытин писал Л. Д. Троцкому 31 мая 1922 г.: «Я ничего не имел против национализации, (до) которой у меня было как-то: 17 книжных магазинов, 5 больших книжных складов, 2 больших типографии в Москве, одна в Петрограде и 165 000 пудов бумаги. В результате последнего распоряжения Госиздата я вообще теряю всякое значение как работник печатного дела, т.к. никто за границей не захочет иметь дело с человеком, у которого снова в 1922 г. национализируют имущество под предлогом нового толкования старого, уже отмененного декрета (все декреты о национализации отменены декретом от 15.XI.1921 г.), ибо у него опять смогут и в следующем году конфисковать имущество на основе нового разъяснения – что всегда пугает иностранцев. Между тем я хочу работать, готов работать в помощь госиздату, но прошу о создании для этой работы приемлемых условий, которые в конце концов пойдут на пользу самой Советской власти»².

В этих условиях углубился сложный процесс, идейно-политической дифференциации интеллигенции. Усилилось негативное отношение к антибольшевистским силам. Однако осознание бесперспективности белого движения и признание силы большевиков ещё не означало разрыва со станом контрреволюции. Многие стремились честно выполнять свой профессиональный и национальный долг, заявляя о политическом нейтралитете. В целом, шёл процесс предложения российской интеллигенцией ком-

¹ Алексеев П. В. Указ. соч. С. 95.

² ГАРФ. – Ф. 130. – Оп. 6. – Д. 863. – Л. 57.

промисса большевистскому руководству, предполагавшего согласие интеллигенции на сотрудничество с новой властью при допущении её меньшевистских взглядов.

Политика новой власти в отношении науки и культуры, исходным лозунгом которой был ленинский лозунг «Ломайте поменьше!» начинает давать первые результаты.

К середине 20-х гг. научно-техническая интеллигенция в большинстве своем перешла к сотрудничеству с пролетарским государством, и VIII съезд партии закрепил уже проводимые в жизнь направления научно-технической программы: создание научных центров, постановка учета и организации научных сил, сближение науки с производством. Вопрос о сотрудничестве со старыми специалистами ставился уже иначе: использование всех, а не части, специалистов и изменение форм работы. Если саботаж в 1917–1918 годах диктовал использование мер принуждения, то теперь главными назывались меры организационные и моральные.

Стабилизации в науке и безоговорочному признанию научно-технической интеллигенцией Советской власти содействовали такие факторы, как успехи Советского государства во внешней политике и укрепление положения страны на международной арене, способность нового правительства удержать производство на прежнем, довоенном уровне и нормализация экономической жизни в 20-е гг., сохранение научных кадров и забота о деятелях науки (поддержание научных проектов Н. Е. Жуковского, К. Э. Циолковского, А. Н. Северцова, Д. Н. Прянишникова, Н. Н. Лузина и др.). Именно поэтому ученые переходят «от смятения к сотрудничеству» (А. Е. Ферсман).

Подкупала глубокая заинтересованность правительства в развитии науки, стремление не только сохранить старое, но и создать новое. Советское государство выделяло на науку в 1918 г. денежных средств в 14 раз больше, чем царское правительство¹ (правда, в последующие годы ассигнования снизились: слишком слаба была экономика страны и велики разрушения и потери в гражданской войне). В тяжелейшем для страны 1918 г. созданы Рентгенологический и радиологический институт М. И. Неменова; Государ-

¹ Луначарский А. В. Десять лет культурного строительства в стране рабочих и крестьян. – М.-Л., 1927. (Приложение).

ственный оптический институт Д. С. Рождественского; Институт по изучению мозга и психической деятельности В. М. Бехтерева; Научный институт им. П. Ф. Лесгафта – Н. А. Морозова; Центральный аэрогидродинамический институт Н. Е. Жуковского; Институт прикладной химии Л. А. Чугаева¹.

При всех объективных трудностях число научных учреждений за 1918–1924 гг. выросло с 21 до 81. Количество университетов и институтов с 91 (в 1914) до 160 (в 1924/25 гг.)². Таков был результат политики нового государства в сфере науки и техники, конструктивной политики, ориентированной на сотрудничество с квалифицированными специалистами и направленной на преобразование общества и природы.

Особой заботой была окружена Академия наук, хотя многие ее члены находились в политической оппозиции. В их числе был, например, академик И. П. Павлов, который приветствуя февральскую революцию, к Октябрю относился резко враждебно. «Он без стеснения и в самых резких выражениях критиковал и даже ругал руководство, крестился у каждой церкви, носил царские ордена, на которые до революции не обращал внимания» (П. Л. Капица). Тем не менее, игнорируя социально-политическую позицию Павлова, Ленин сам следил за тем, чтобы ему обеспечивали хорошие условия для работы (чему было посвящено социальное постановление СНК). Ученый резко отказался от спецпайка, но питание для подопытных животных принял, что позволило продолжить эксперименты по теории условных рефлексов³.

«Центр мысли и научной работы не в эмиграции, а в России»⁴, – писал из Парижа академик В. И. Вернадский в 1923 г. (испытывший на родине немало, вплоть до тюремного заключения, так что в необъективности его не обвинишь): «Здесь не сознают огромного дела культурного, которое сделано. Сделано при страданиях, унижениях, гибели». Вернадский имел в виду отдельные прецеденты

¹ ГАРФ. – Ф. 2307. – Оп. 2. – Д. 66. – Л. 294.

² По данным М. Н. Покровского, заместителя наркома просвещения // Народное просвещение. – 1919. – № 6-7.

³ На литературном посту. – 1927. – № 20. – С. 36.

⁴ Цит. по: Мочалов И. И. Владимир Иванович Вернадский (1863–1945). – М., 1982. – С. 240.

преследования ученых в 1920–1921 гг. за участие в контрреволюционных организациях.

Под суд ревтрибунала попали зачисленные в члены «Московского тактического центра» биолог Н. К. Кольцов, экономист Н. Д. Кондратьев и др., которых тогда же и амнистировали. Но Петроградское «дело Таганцева» завершилось трагично: расстрелом большой группы профессоров, инженеров и преподавателей по обвинению в организации заговора с целью реставрации буржуазно-помещичьей власти.

В то же время нельзя не видеть различий между этими событиями и процессами, которые были инспирированы позже Сталиным и его окружением. Причастность к науке осужденных в 1917–1928 гг. ученых и инженеров являлась случайным признаком, они были привлечены за участие в антиправительственных заговорах. Жертвами же сталинских репрессий стали представители технической и научной интеллигенции, попавшие в разряд государственных преступников именно из-за своей принадлежности к этой социальной прослойке.

Первую репрессивную акцию по отношению к ученым, однако, мы относим к 1922 г.: в отношении группы ученых гуманитарного профиля – не марксистов – было принято решение об их высылке в административном порядке. История высылки мало исследована не только у нас, но и за границей. Сами изгнанники по причинам малообъяснимым (вероятнее всего, нравственного свойства) не оставили подробных свидетельств о перипетиях отъезда. Высылались те, кто не эмигрировал после революции 1917 г., кто не уехал и в тяжелые годы гражданской. Большинство из них не хотели покидать Россию, уезжали подневольно, и на будущее свое смотрели как на тяжкое испытание, как на расплату за несогласие мыслить как все. Высылаемые подписали предложенное соглашение, условиями которого были следующие: они подлежали расстрелу в случае немедленного возвращения в РСФСР, они могли вернуться домой не ранее, чем через 3 года; обязывались взять с собой не более указанного количества вещей.

Среди изгнанных – ректор МГУ профессор М. М. Новиков (зоолог), ректор Петроградского университета Л. П. Карсавин (философ), группа математиков во главе с деканом матфака МГУ профессором В. В. Стратоновым, экономисты – профессора В. Н. Зво-

рыкин, Б. Бруцкус, историки А. А. Кизеветтер, А. В. Флоровский, социолог П. А. Сорокин, известные философы идеалистического направления – Н. А. Бердяев, С. Л. Франк, И. А. Ильин, С. Н. Булгаков, Н. О. Лосский и др. Всего 161 человек¹.

Надо помнить, что высылка не затронула плодотворно работающих крупных естествоиспытателей. Продолжал работать в стране Г. Г. Шпет, являвшийся в 1924–1929 гг. вице-президентом Российской академии художеств. Продолжал свою научную деятельность философ-идеалист, психолог и логик Г. И. Челпанов, бывший товарищ председателя Московского психологического общества, основатель и директор (до ноября 1923 г.) Психологического института. Плодотворной была в двадцатых годах деятельность П. А. Флоренского и многих других специалистов.

Эти факты свидетельствуют, что утверждения о том, что в 1922 г. была осуществлена «тотальная» высылка русских философов, либо основаны на незнании фактов, либо на их игнорировании, замалчивании, т. е. на искажении исторической действительности. Факты показывают, что в первое послеоктябрьское десятилетие при решении вопроса о характере применения мер воздействия к идеалистам органы Советской власти проявляли большую осмотрительность и подходили к каждому ученому сугубо индивидуально. Так, когда в 1922 г. в Москве повторно арестовали Н. А. Бердяева (после первого ареста он был выпущен за отсутствием состава преступления), Ф. Э. Дзержинский лично вызвал его на допрос, имел с опальным философом долгую беседу, в ходе которой, по признанию самого Бердяева, философ не стеснялся в выражении своего мнения, и не только освободил его из-под стражи, но и, учитывая небезопасность передвижения по ночной Москве, отправил его домой на служебном мотоцикле².

Высылка из страны в административном порядке группы ученых-немарксистов считается первой репрессивной акцией по отношению к ученым, именно она положила начало политизации науки, будучи партийно-государственной установкой³.

¹ Костиков В. В. Не будем проклинать изгнание. Пути и судьбы русской эмиграции. – М., 1994. – С. 45–46, 216.

² Бердяев Н. А. Самопознание. Опыт философской автобиографии. – Париж, 1989. – С. 278–280.

³ См.: Куманев В. А. 30-е годы в судьбах отечественной интеллигенции. – М., 164

В то же время в трудной ситуации послевоенного восстановления, в условиях постоянной угрозы вторжения иностранных армий не было времени на обществоведческие дискуссии, которые характеризовали науку того сложного времени. Кроме того, достойных оппонентов в рядах трудовой молодежи, пришедшей в науку, было, естественно, гораздо меньше, чем среди интеллигенции. Ленин мог опасаться проигрыша в научных дискуссиях; сам же он, способный доказать ученым-немарксистам, в чем состоит необходимость избранного пути развития, был из-за болезни не в состоянии участвовать в словесных баталиях.

Каковы бы ни были причины событий 1922 г., в любом случае последствия были печальными: возник опасный прецедент государственного запрета на научное и философское инакомыслие, т.к. ни в чем ином высланные ученые не были замешаны. Высылка имела двоякое следствие. Она обедняла философскую мысль в стране, была началом развития «единомыслия», приведшего в какой-то степени к деградации общественных наук. С другой стороны, обогатилась русская мысль эмиграции.

Причастность к науке осужденных органами правопорядка ученых и инженеров являлась на тот момент случайным признаком. Жертвами же последовавших позже сталинских репрессий стали представители технической и научной интеллигенции, попавшие в разряд государственных преступников именно из-за своей принадлежности к этому социальному слою. На «классово чуждые элементы» возлагалась ответственность за просчеты в народно-хозяйственном строительстве. В 30-е гг. XX в. возобладала теория: «Старая интеллигенция должна разделить судьбу своего класса»¹.

Сталинизм принес неисчислимы беды народу, он оказал пагубное влияние и на судьбу науки. Перед нами своеобразный феномен «репрессированной науки», т. к. объектом репрессий оказалось научное сообщество в целом, гонениям подвергались не только ученые, но идеи и направления исследований, научные учреждения, книги и журналы, засекречивались архивы².

1991. – 295 с.

¹ Аймермахер К. Политика и культура при Ленине и Сталине. 1917–1932. – М., 1998. – С. 208.

² Ярошевский М. Г. Сталинизм и судьбы советской науки // Репрессированная наука: Сб. ст. – Л., 1991. – С. 15.

В науке насаждалось упрощенное представление, что с самого начала исследования правилен только один путь, одна научная школа и прав только один ученый. Отсюда стремление увидеть в несогласных «вредителей», «врагов существующего строя», подлежащих аресту и наказанию (вплоть до расстрела), стремление не доказывать свою точку зрения, а «разоблачать» любую другую.

В период развернувшегося грандиозного строительства страна нуждалась в научно-технических кадрах, и многие «вредители» использовались как специалисты¹. Их начали собирать в «шарашки», единственные в своем роде учреждения подневольного творческого труда. Через «шарашки» прошли А. Н. Туполев, С. П. Королев, Б. С. Стечкин и др.². Одним из первых подобных учреждений стало «Особое конструкторское бюро» на Лубянке в Москве, где проектировался известный Беломорско-Балтийский канал.

Идеологизацию и политизацию науки Сталин использовал для противопоставления молодежи старой интеллигенции. Для посредственностей в такой обстановке открывались надежные пути к научной карьере, что привело к трагедии. Ярким примером в этом плане является судьба Н. И. Вавилова и его борьба с Т. Д. Лысенко и «лысенковщиной» за генетику³.

Безусловно, были области науки, особенно фундаментальные (математика, физика, химия), в которых имелись серьезные достижения. Но они явились следствием того, что идеологические надсмотрщики, как правило, не разбирались в этих областях научного знания, «свои» не достигли в них высоких постов, да и подтачивать результаты экспериментов здесь сложнее. К тому же среди физиков, геологов и т. п. нашлись авторитетные ученые, такие, как В. И. Вернадский, А. Ф. Иоффе, П. Л. Капица, публично протестовавшие против попыток аппаратных идеологов вмешиваться в научные процессы. Сталину приходилось также считаться с необходимостью оставить «пространство» для самостоятельного творчества ученых, хотя бы за тем, чтобы обеспечить развитие тяжелой промышленности и обороны.

¹ Архив РАН. – Ф. 350. Оп. 1. – Д. 399. – Л. 110.

² РГАНИ. – Ф. 89. Оп. 18. – Д. 42. – Л. 1–17.

³ См. материалы архивов: РГАНИ. – Ф. 5. Оп. 17. – Д. 464. – Л. 6–350; РГАНИ. – Ф. 89. Оп. 65. – Д. 12. – Л. 1–4; Архив РАН. – Ф. 2. Оп. 4а. – Д. 112. – Лл. 113–117, 127, 186–187.

Вместе с тем различные отрасли знания одна за другой попадали под гнет сталинщины. Шли проработки ученых, сделавших «неверные научные выводы»¹. В конце 20-х гг. XX в. дело ограничивалось созданием атмосферы подозрительности по отношению к ученым, взгляды которых казались сомнительными с точки зрения официально одобренных. В 30-е гг. инквизиторские функции перешли от философов (некоторые из них сами оказались в застенках) к следователям НКВД; «большой террор» захватил и мир науки. В 40-е гг. философы пытаются обеспечить сталинскую программу утверждения единовластия и единомыслия во всех науках. При этом сталинские решения на сей раз принимались не от его имени, как было в предвоенные годы, а от имени самих ученых как результат «борьбы мнений и свободы критики».

В послевоенные годы разгром фашизма воспринимался как крушение человеконенавистнических теорий. Страна надеялась на изменение вектора отношений между властью и интеллигенцией. Однако надежды на обновление духовной жизни не оправдались. Одна идеологическая акция следует за другой:

1946 г. – Постановление о журналах «Звезда» и «Ленинград»;

1947 г. – так называемая философская дискуссия;

1948 г. – печально знаменитая сессия ВАСХНИЛ, на которой «разоблачался» вейсманизм-морганизм (т. е. продолжался разгром генетики);

1949 г. – объявлена война «космополитизму в науке», прокатившаяся по ряду дисциплин;

1950 г. – прошли дискуссии по языковедению и физиологии («сессия двух академий»: АН СССР и Академии медицинских наук СССР).

Следствием сталинской «научной политики» стала глобальная деформация нравственных устоев научного сообщества. В атмосфере нравственного падения рушились такие формы организации совместного исследовательского труда и воспитания талантов, как научные школы, взамен которых возникают кланы и мафии. Вместо дискуссии – неотъемлемой от производства знаний формы творческого общения – научное сообщество заполонили псевдодискуссии – судилища для расправы с инакомыслящими. Это исто-

¹ Ярошевский М. Г. Указ. соч. С. 29–30.

щало кадровый потенциал науки, тормозило ее прогресс. Ущерб был нанесен и теории, и практике – инженерной, сельскохозяйственной, медицинской, педагогической¹.

Но, вспоминая все горькое, мы должны обратить внимание и на другую сторону. В результате продуманной государственной научно-технической политики в 30-е – 50-е гг. XX в. в СССР был не только сохранен в условиях войны и восстановления, но и наиболее рационально использован научный потенциал страны².

Ярким доказательством этого служит великая победа СССР в войне против фашизма, в ходе которой в СССР появилось не имеющее мировых аналогов оружие. Танки Т-34, самолеты ИЛ-2, боевые машины реактивной артиллерии БМ-13, 76-мм орудие академика В. Г. Грабина и многие другие образцы советской боевой техники по своим качествам не имели себе равных. Это был результат перестройки всей экономики страны на военный лад, подготовленный в годы первых пятилеток³.

После войны мы наблюдаем серьезные успехи в научном творчестве и экономическом становлении СССР, который к 50-м гг. XX в. становится одной из крупнейших держав мира. Эти успехи были обусловлены не только целевым финансированием нужных отраслей и централизацией управления, но и глубокими структурными сдвигами в экономике, в частности, организационно оформляется отраслевая система управления, совершенствуется координация научного и технического творчества.

При всех утратах – интеллектуальный потенциал народа выстоял и породил новое поколение самоотверженных тружеников. Приходится удивляться стойкости многих деятелей науки, которые не отступали от своих убеждений, предпринимали попытки вызволить из застенков товарищей по научно-техническому творчеству, хотя они не всегда заканчивались успехом.

Попытки исправить положение в науке, преодолеть последствия сталинизма начались практически сразу после XX съезда

¹ РГАНИ. – Ф. 5. Оп. 17. – Д. 465. – Л. 1–81.

² Гракина Э. И. Ученые в России в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. – М., 2000; Подрепный Е. И. Оружие победителей: очерки по истории военной техники времен Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. – Арзамас, 2006.

³ См.: Архив РАН. – Ф. 2. Оп. 4а. – Д. 37. – Л. 1–168.

партии¹. Однако как все разоблачения и реформы «хрущевской оттепели» принимаемые меры оказались половинчатыми.

В то же время 60-е гг. породили целую плеяду людей, выступавших за последовательную десталинизацию общества (физик Ю. Орлов, генерал П. Григоренко, писатель В. Овечкин). Была организована кампания писем в различные инстанции с целью заявить о своей гражданской позиции (историк Р. Медведев, физик П. Л. Капица, писатель А. И. Солженицын). Свидетельством нарастания процесса формирования гражданского общества было появление оппозиционных кружков в молодежной среде².

Идейная оппозиция крепла и вылилась в новые, более организованные формы правозащитного движения, основной целью которого было стремление заставить режим считаться с правовыми актами, принятыми самим режимом³. Так, в 1970 г. А. Сахаров, А. Твердохлебов, В. Челидзе основали Комитет прав человека в СССР⁴.

К началу 80-х гг. правозащитные методы протеста по существу себя исчерпали, но относительно бескровный демонтаж советского тоталитаризма – это в какой-то мере заслуга правозащитников, авторов писем властям и распространителей самиздата. Предложенные ими методы решения проблем разного уровня создавали предпосылки для цивилизованного, реформистского (пусть и не слишком последовательного) демонтажа тоталитарных структур.

Принципы и подходы политики в области науки и техники в России XX в. складывались постепенно, и определялись историческими условиями. Имелись определенные и субъективные трудности, ошибки, вызванные сложностями разного порядка. Отсюда формирование принципов государственной единой научно-технической политики (ЕНТП) в СССР. Опыт свидетельствует о постоянном изменении форм и методов ЕНТП⁵.

¹ Черных Р. М. От инакомыслия к правозащите // Проблемы социально-политического развития российского общества: межвуз. сб. науч. тр. – Воронеж, 1996. – С. 52–53.

² Зубкова Е. Ю. Общество и реформы 1945–1964. – М., 1993. – С. 53–65.

³ См.: Капица П. Л. О науке и власти. Письма. – М., 1990.

⁴ Сахаров А. Д. Воспоминания // Знамя. – 1990. – № 12. – С. 51–96; 1991. – № 1. – С. 161–192; № 2. – С. 129–192; № 3. – С. 97–115.

⁵ Об этапах ЕНТП см.: Быковская Г. А. Указ. соч. С. 247–248.

В этом контексте стоит указать на усиление мощи СССР в 70-е гг., когда он стал второй сверхдержавой с мощным технико-экономическим потенциалом¹.

Начало нового этапа в отношениях власти и интеллигенции относят к 1985 г., когда открываются поиски новых методов управления. Однако существенных сдвигов в увеличении влияния НТП на преобразование общества и производства не произошло. Политика гласности, понятая как вседозволенность, привела не к созиданию, а к разрушению интеллигенцией своей собственной страны.

90-е гг. также не принесли кардинальных перемен. На новых принципах создается система управления наукой и технической сферой. В рамках деятельности Министерства по делам науки и образования принимаются меры по укреплению системы образования. В научно-технической сфере проявляют себя такие новые проблемы, как:

1. Разрушение научно-технического потенциала России как правопреемницы СССР. В частности, сократилось количество ученых и технических работников в ходе «утечки умов» (внутренней и внешней). Уменьшилось число научных и научно-технических центров из-за недостаточного финансирования и невостребованности. Закрылись многие научные направления. Увеличился возраст русской науки, из нее начинает уходить молодежь.

2. Разбазаривание научных достижений (вследствие непродуманной конверсии, поисков средств от международных фондов и грантов).

3. Изменение морально-психологического климата научного сообщества.

Соответственно изменениям приоритетов общественного сознания изменяется и лицо интеллигенции.

«Наука не является в полном смысле саморазвивающейся и самоорганизующейся системой, поскольку ее развитие, в конечном счете, детерминировано социально. Но в ней, как и во всяком достаточно сложном комплексе обратных связей, имеет важные подсистемы и структуры проявляющие самоорганизационные тенден-

¹ Народное хозяйство СССР за 70 лет: Юбил. стат. ежегодник. – М., 1987. – С. 89, 109, 126.

ции»¹. Именно в этом контексте необходимо рассматривать проблему взаимоотношений власти и научной, технической интеллигенции. «Любой из признаков интеллигенции принадлежит не только ей, но и другим социальным слоям: известная степень образованности, критическая мысль и связанная с ней тревога, свобода мысли, совесть, гуманизм. Последние признаки особенно важны, потому что мы увидели, как с их исчезновением исчезает и сама интеллигенция. Она является носителем ценностей и при малейшей попытке к их переоценке немедленно перерождается и исчезает... Но ведь не только интеллигенция хранит ценности. В народе они сохраняли свою силу в самые черные времена, когда от них отрекались в так называемых культурных верхах. Быть может, дело в том, что интеллигенция не стабильна, и ценности в ее руках принимают динамическую силу. Она склонна и к развитию, и к самоуничтожению»².

Самый любопытный миф гуманитарных наук интеллигенция создала о самой себе – доброй, умной, честной и принципиальной. Подобных «ангелов во плоти» никогда не существовало, а если бы и существовали, то одиночки. Интеллигенты в принципе могут служить любой власти и в этом качестве могут нести как зло, так и благо. Не важно, какими средствами они при этом пользуются – наукой, искусством или религией, – все равно они заняты формированием или изменением картины мира общества в целом или отдельных групп людей.

Как следствие, не имеет смысла в чем-либо осуждать или хвалить интеллигенцию. Мир устроен таким образом, что без интеллигенции он рухнул бы, поскольку человечество не знает другого столь же апробированного и эффективного механизма выработки общественной картины мира и принятия значимых решений, как создание сословия интеллигентов. Осуждать или хвалить интеллигенцию столь же глупо и нелепо, как выступать против власти вообще. Очевидно, что без власти общество на сегодняшнем этапе развития не способно существовать, просто не надо ее мифологизировать. Как показывает история, мифологизация как власти, так и роли интеллигенции может быть опасной.

¹ Старостин Б. А. Параметры развития науки. – М., 1980. – С. 30.

² Мандельштам Н. Я. Воспоминания. – Нью-Йорк, 1970. – С. 352–353.

3.2. Интеллигенция в постсоветской России

Современная Российская Федерация развивается в плоскости посткоммунистической модернизации. Нам видится, что на конкретном примере рассмотрения понятия «интеллигенция», нам интересно было бы проследить, как происходят изменения в социальной реальности. Ключевыми задачами работы мы считаем реализацию возможности репрезентировать процесс того, как при переходе от одних социальных систем к другим, от одних типов обществ к другим, трансформируется не только понятие «интеллигенция», но и сами представители этого слоя социума. Нам видится необходимым проследить современное положение интеллигенции, через анализ взглядов некоторых отечественных авторов относительно данного феномена. Проанализировать, как именно термин интеллигенция адаптируется на территории современной России¹.

Важно отметить существенную дифференциацию подходов к анализу рассматриваемого феномена, демонстрируемую различными национальными историко-философскими пространствами. Эту особенность отметил в своих работах В. Т. Ермаков, указав на то немаловажное обстоятельство, что зарубежные авторы (от классиков до современных исследователей) склонны в своих оценках опираться на очень разные факторы, касающиеся деятельности интеллигенции, интерпретации ее феномена и эволюции этого неоднозначного явления².

В рамках немецкой традиции (М. Вебер, К. Мангейм, Й. Шумпетер, А. Гелен, Х. Шельски, Д. Байрау и др.) важнейшим всегда становился социальный фактор³. Вплоть до начала XX в. немецкие мыслители проводили прямое тождество между понятиями «интеллектуал» и представитель «образованной буржуазии». Первая половина XX в. принесла резкое увеличение темпов урбанизации и большую доступность университетского образования, что сказа-

¹ Малиновская Э. Л. Изучение истории интеллигенции в зарубежных исследованиях // Вестник БДУ. – Сер. 3. – 2016. – № 3. – С. 47–51.

² Ермаков В. Т. Интеллигентоведение как самостоятельная область научных знаний // Интеллигенция и мир. – 2001. – № 1. – С. 61–65.

³ Михайловский А. А. Германия // Мыслящая Россия. История и теория интеллигенции и интеллектуалов. – М., 2009. – С. 116–163.

лось и на модификации этого социального слоя. Важно отметить существенные замечания М. Вебера и Й. Шумпетера. По их мнению, важнейшим фактором, порождавшим критическое переосмысление неблагоприятных социальных изменений (рождение структурной безработицы, неприятие слоем интеллектуалов необходимости изменения квалификации и неудовлетворенность условиями труда) являлось наличие университетского образования. В последнем М. Вебер видел ключевой ресурс социума, а обладание этим ресурсом считал важнейшим фактором культурных изменений и социального расслоения¹. Й. Шумпетер отметил важность влияния фактора «разочарованности» интеллектуалов с университетским образованием своим положением в обществе². А. Гелен замечал, что недовольство своим положением в среде интеллектуалов порождали усилия в получении высокой компетенции, не оправдывавшиеся в дальнейшем. Материальное положение человека с университетским дипломом могло оказаться значительно ниже квалифицированного рабочего. Стремление к индивидуальному успеху обособляет людей и может существенным образом воспрепятствовать их консолидации для защиты собственных интересов. В работах А. Гелена отмечается, что в природе интеллектуала обнаруживается желание господствовать, порождающее тягу к оппозиционности существующему социальному порядку³.

Примеряя такой подход к постсоветской реальности РФ, сложившейся на рубеже тысячелетий, становится очевидным, что новая российская интеллигенция в последнее десятилетие XX века оказалась выброшенной на социальные задворки. Лишь некоторых представителей слоя интеллектуалов не затронули экономические и политические потрясения 1990-х гг. Такое суждение будет справедливым применительно к «университетской интеллигенции», ставившей своей целью сложное научное познание, просвещение широких слоев населения и сохранение культурного кода нации. Подобным людям практически не нашлось места в новой системе

¹ Кустарёв А. Макс Вебер // История и теория интеллигенции и интеллектуалов. – М., 2009. – С. 188–206.

² Малиновская Э. Л. Указ. соч. С. 48–50.

³ Gehlen A. Gesamtausgabe. – Frankfurt am Main, 1978. Bd. 7: Einblicke.

координат, что вынуждало их трансформировать свои усилия на новых поприщах¹.

Искания немецких социальных мыслителей в отношении природы слоя высокообразованных интеллектуалов в значительной мере кристаллизировались определением, данным К. Мангеймом. Исследователь определял рассматриваемую социальную группу в качестве – «создающей для общества интерпретацию мира»². Именно в работах К. Мангейма мы находим четко выделенный термин «интеллигенция», определяющий данный слой образованных, социально активных выходцев из университетской среды, стремящихся к интерпретации социальной реальности, критическому анализу существующих социальных пороков, глубокой аналитике возможных путей развития общества в целом.

Данное определение, на наш скромный взгляд, очень точно выражает глубинную социокультурную природу феномена советской и постсоветской «интеллигенции». Это представители наиболее прогрессивной и образованной части университетской среды, видящие свое предназначение в необходимости проведения социальных изменений, критическом переосмыслении деятельности национальной бюрократии. Определение К. Мангейма перекликается с относительно недавним высказыванием М. Кантора, справедливо отмечающим то обстоятельство, что далеко не каждого носителя университетского диплома следует считать подлинным представителем «интеллигенции», но лишь тех, кто готов рискнуть социальными благами и собственным пространством социального комфорта, влияя на общественное мнение в интересах различных социальных слоев³.

Рассмотренную интерпретацию в немецком социально-философском дискурсе активно поддерживал и Х. Шельски, исследовавший проблемы взаимодействия интеллектуалов и госу-

¹ Беленький И. Л. Интеллигенция и ее судьбы в России: из литературы 1993±2007 гг. (библиографические Материалы) // Россия и современный мир. – 2007. – №. 4. – С. 233–253.

² Мангейм К. Идеология и утопия // Диагноз нашего времени. – М., 1994. – С. 15.

³ Там же. С. 16.

дарственной бюрократии¹. В индустриальном обществе XX в. научно-технический прогресс сформировал новую социокультурную реальность, в рамках которой интеллектуалы эволюционировали в «новый клир», ведущий антагонистический диалог с представителями образованного чиновничества и стремящийся к господству. Отметим, что в советском обществе именно эти качества необходимо было контролировать на уровне формирования данной социальной группы.

Немецкие исследователи анализировали и состояние советской и постсоветской интеллигенции. Представитель системного подхода Д. Байрау (профессор Франкфуртского университета) проанализировал взаимоотношения советского бюрократического аппарата и интеллигенции. Им был выделен ряд моделей, позволяющих вывести пути формирования советской интеллигенции. По мнению Ф. Байрау в России интеллигенция возникла путем модификации слоя образованных служащих в особую страту, претендующую на мессианскую роль в процессе общественного переустройства. Такая страта ставила своей целью служение не государству, а набору высших идей и ценностей, формировавшихся на базе социокультурных, философских и политических представлений каждой отдельной интеллектуальной группы. Противостояние интеллигенции и советского бюрократического аппарата было вызвано фундаментальными противоречиями в целях и задачах этих социальных страт. Государственный аппарат СССР (особенно в 20–30-е гг.) осуществлял попытки привлечения представителей интеллигенции к государственному строительству. Ф. Байрау приходит к выводу, что бюрократия осуществляла относительно успешные попытки подчинения интеллигенции за счет ее пролетаризации и замещения представителей старых интеллектуальных слоев на новых лояльных существующему государственному порядку людей². Основной средой такого подчинения и замещения оставались многочисленные профессиональные союзы и творческие объединения. Особую значимость, по мнению исследователя,

¹Schelsky H. Die Arbeit und die Anderen: Klassenkampf und Priesterherrschaft der Intellektuellen. – Westdeutscher Verlag, Opladen; Auflage: 2. Aufl. 1975. – S. 13.

²Beyrau D. Intelligenz und Dissens. Die russischen Bildungsschichten in der Sowjetunion 1917–1985. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1993. – S. 185–189.

представляла творческая интеллигенция, способная влиять на общественное мнение. От степени контроля за ее представителями зависела устойчивость формировавшегося государственного строя. Эти идеи более глубоко были рассмотрены в диссертационном исследовании белорусского ученого Г. А. Петаченко.

Мнение Ф. Байрау о существовании в 20–30-е гг. «старой» и «новой» интеллигенции разделялось Р. Линднером. Им отмечалась крайняя форма идейно-политической разрозненности представителей интеллигенции СССР в этот период времени. Исследователь замечает, что «удивительно, но это расколотое поколение, которое не обладало никаким потенциалом группового консенсуса и утопало в непристойных взаимоуколах и обвинениях, смогло породить трактовку истории, что так влияла на массы».

Итальянский марксист А. Грамши, будучи наиболее близким к немецкой традиции, сформулировал собственное видение путей формирования интеллигенции. По его мнению, таких путей могло быть два. В первом случае интеллигенция формируется в качестве интеллектуального и политически активного авангарда каждого отдельного класса. Подобный авангард направляет свою деятельность на формирование картины мира, позволяющей представителям класс осознать свою роль и значение. Очевидно, что итальянский исследователь исходил из политической роли интеллигенции, сформулировав концепцию «партийной интеллигенции» или политических интеллектуалов, обособляющихся в процессе классовой борьбы¹.

Говоря о постсоветской интеллигенции, следует делать акцент на глубине трансформационных процессов, затронувших все уровни социально экономического, политического и социокультурного пространств. Одни современные социологи склонны полагать, что интеллигенция изжила себя как специфический социальный слой. Другие видят в интеллигенции будущее страны, представляя постсоветскую интеллектуальную среду в роли мостика, который обязан связать воедино прошлое, настоящее и будущее страны. Третьи полагают, что глубокая трансформация статусных и профессиональных черт в изменившемся социокультурном про-

¹ Грамши А. Тюремные тетради: в 3 ч. – М., 1991. – Ч. 1. – С. 327.

странстве, неизбежно влечет за собой изменение содержательной составляющей данного понятия¹.

В период досоветской России интеллигенция представляла собой особое культурное и социальное явление. Большинство исследователей сходятся на тезисе об имманентно присущей оппозиционности к существующей власти, воспринимаемой в качестве маркера и важнейшего выразителя ее самоидентификации. Проще говоря, к интеллигенции следует относить людей, обладающих высшим образованием и внутренней потребностью к участию в общественном дискурсе и особое чувство внутренней ответственности за выбор нравственных идеалов. Еще одной чертой интеллигенции современные исследователи проблемы считают «присвоение функции конструирования национальной идентичности и осуществления культурной рефлексии от имени всего общества».

Следует согласиться и с тем утверждением, что традиционный взгляд исследователей на социальное положение представителей интеллигенции сопряжен с восприятием ее в качестве определенной социально-неформальной общественной силы («умом, честью и совестью»), призванной формировать и формулировать жизненные ориентиры, морально-нравственные идеалы и «смыслосодержащие ценности». Данные ценности можно было бы определить в качестве наиболее значимого горизонта общественного мнения. Важнейшей функцией этого слоя являлась неотъемлемая способность формулировать проблемы, находить решения и иметь (в какой-то степени) исключительное моральное и интеллектуальное право на критику социально-политического поля страны и ее руководства. Нельзя не согласиться с Р. А. Идрисовым, что оговариваемые нами морально-этические и нравственные векторы, которым следовала досоветская и советская интеллигенция, во многом явились плодом присвоения ею их².

¹ Филатова А. А. Концепт интеллигенция в смысловом пространстве современной русской культуры // Логос. – 2005. – Т. 6. – С. 206–2017.

² Идрисов Р. А. Проблема самоидентификации постсоветской интеллигенции // Российская интеллигенция в условиях цивилизационных вызовов (V Арсеньевские чтения). – 2014. – С. 218.

Описанная нами картина представляется крайне далекой от идеальной социальной схемы описания интеллигенции как слоя¹. Но нельзя не отметить отрыв интеллигенции от общества, с одной стороны, и от власти, с другой стороны. Этот отрыв не способствовал повышению степени официальной значимости этой социальной группы. Здесь было бы уместно привести две ключевые цитаты, знаменующие две максимы, представляющиеся нам актуальными и по сей день. Первая цитата принадлежит писателю Д. Гранину: «Всякое общество создает культ своих героев: святых, людей милосердия, людей альтруизма, подвижников, борцов за интересы народа. Эти тихие и громкие герои вызывают желание подражать, дают человеку нравственную опору... Сейчас таких примеров остро не хватает – примеров благородства, примеров, которые ясно и просто показывают обществу: можно жить вне идеологии барыша»².

Второе высказывание, выражающие диаметрально противоположное мнение принадлежат члену редколлегии журнала «Знамя» А. Агееву: «Несколько лет назад я окончательно решил, что оба понятия (интеллигенция и народ. – Д. А.) – пустые, а их отношения сводятся к анекдотическому силлогизму «народ – это те, кто всегда и везде страдает и терпит, а интеллигенция – это те, кто испытывает по этому поводу угрызения совести» ... Никакого народнического романтизма и соответствующих интеллигентских комплексов у меня отродясь не было. Я с детства терпеть не мог Некрасова, держал Есенина за очень среднего и очень безвкусного поэта и решительно не мог понять прелести «деревенской прозы», которая всегда казалась мне откровенным враньем»³.

Таким образом, можно говорить о двух максимах в восприятии интеллигенции (даже внутри ее собственной среды; сферы ее самоидентификации). Первая знаменует идиллическое отношение к собственной мессианской роли. Вторая рассматривает интеллигенцию с позиций «страдающего угрызениями совести интеллектуала», стремящегося к улучшению «народной жизни». Актуальна

¹ Магарил С. А. Исчерпана ли социальная роль интеллигенции? // Социологические исследования. – 2007. – № 1. – С. 132–139.

² Гранин Д. Не барышом единым // Литературная газета. – 2011. – № 42.

³ Цит. по: Арест-Якубович К. О кризисе российской интеллигенции // Свободная мысль. – 2007. – № 1. – С. 73.

ли данная дихотомия на современном витке исторического развития России?¹

Чтобы найти вразумительный ответ на поставленный вопрос, сначала назовем те основные показатели и индикаторы, которые присущи этим двум подгруппам, имеющим общие наиболее характеристики: а) получение высшего или среднего специального образования; б) трудоустройство в сфере умственного труда; в) значительная доля присутствия в управленческих политико-общественных структурах г) иная форма оплаты труда; д) особый социальный престиж; е) особая социальная ответственность по сравнению с другими социальными группами².

Следует также отметить и ряд тенденций постсоветского периода, способствовавших трансформации понятия «интеллигенция». Речь идет о некоторых формах отказа от прежней социальной идентичности. Все эти тенденции ярко проявляют себя внутри этого слоя. Внешним двигателем, подтолкнувшим процесс такой социальной эволюции, явилось резкое падение социального престижа и утрата социального статуса его наиболее значимыми представителями, что сопровождалось процессами падения привычного уровня жизни, престижа и статусного положения в общественных процессах. Интеллигенция 90-х гг. XX в. перестала быть носителем активного импульса, решающим образом направлявшего логику развития социума. В результате то общественное значение, на которое интеллигенция претендовала в предыдущий период, оказалось утраченным. Главной тенденцией постсоветского социального положения интеллигенции стал процесс поиска социальной идентичности в новых условиях и отказ от прежней принадлежности к данному социальному слою. В литературе справедливо отмечается, что подобный отказ может носить разнообразные формы и модели, но всегда и везде обладает четкой внешней атрибутивностью³.

¹ Петровский А. Интеллигенция при наличии отсутствия // Литературная газета. – 2005. – 19–25 октября; Кузнецов А. Интеллигенция и ее отсутствие // Известия. – 2006. – 31 июля.

² Флоря А. В. Слово «интеллигенция» в современном публицистическом дискурсе / А. В. Флоря, С. В. Корносенков // Свободная мысль. – 2009. – № 9. – С. 191–198.

³ Идрисов Р. А. Указ. соч. С. 118–120.

Первая форма отказа от прежнего социального статуса связана с появлением «деклассированных» элементов общества. Внешне они могут продолжать соотносить себя со своим прежним социальным положением, потеряв все его преимущества и фактически разорвав социальные связи предыдущего отрезка своей жизни. Некоторая категория таких «аутсайдеров» занимается бессистемной критикой власти и общества, обвиняя последние в своей личной социальной деградации, выказывая личную рефлексия.

Следующая форма отказа представлена процессом поиска новых сфер профессиональной деятельности, что неизбежно влечет за собой разрыв с традиционными для слоя интеллигенции социально значимыми функциями, направленными на критику социально-политического строя и формирование морально-этического горизонта общественных процессов¹. Отмечается, что сама по себе такая смена рода деятельности еще не означает полного разрыва прежних социальных связей и смену идентичности, но она неизменно сопровождается изменением ментальной парадигмы, социокультурной и идеологической ориентации ее носителя. Проще говоря, интеллигент становится интеллектуалом, оставляя за собой лишь профессиональный (обусловленный уровнем навыков и образованием) горизонт деятельности в разнообразных интеллектуальных сферах. Мы можем широко представить себе такой новый социальный слой, который принято обозначать в социологии в качестве «креативного класса». Данный термин был введен в оборот американским социологом Р. Флоридой².

Фантомная подоснова этого нового социального мира наиболее ярким образом проявляет себя в том, что он, подобно «Химере» или «Янусу», двойится. На это обстоятельство открыто указывают «разрывы между широкообещательными обещаниями политических сил и тем, что представляет собой реальная жизнь миллионов людей»³. Виртуальный фасад российской социальной действительности, фантом стабильности и благополучия, не становится и

¹ Золотарев О. В. Новая интеллигенция? // Интеллигенция и мир. – 2013. – № 2. – С. 60–71.

² Барбашин М. Ю., Волков Ю. Г., Барков Ф. А., Сериков А. В., Хачецуков З. М. Социальное значение креативного класса в российском социуме // Гуманитарный ежегодник. – 2014. – № 13. – С. 234–241.

³ Тощенко Ж. Т. Фантомы российского общества. – М., 2015. – С. 16.

не может стать прочной и надежной основой общественного развития: он лишь витает в информационном пространстве, способствуя формированию разорванного, «несчастливого», выражаясь гегелевским языком, общественного сознания, мечущегося между горькой правдой тех, кто так и не смог успешно адаптироваться к жизни в рожденных новыми обстоятельствами условиях, и удовлетворенностью переменами тех слоев и групп, которым удалось в нее вписаться.

В области описанных социальных трансформаций можно вспомнить примеры вынужденного отказа от статуса интеллигента в 20–30 гг. XX в. в среде прогрессивной молодежи. Таковой феномен возникал на почве усложнения допуска к приобретению высшего образования (в связи с необходимостью иметь некоторый рабочий стаж), политических репрессий. Этот феномен имел все же вынужденный и временный характер. Современные же тенденции говорят о более глубокой форме трансформационных тенденций в среде постсоветской интеллигенции. Современный уход значительной (и значимой) части интеллигенции в бизнес-сферу приводит к подобному глубинному последствию¹.

Иной вариант «отказа» от прежнего социального маркера представляется нам одним из наиболее интересных. Речь идет об уходе представителей интеллигенции «во власть». Дело здесь не в отказе от интеллектуальной деятельности как таковой, а в исчерпании и конечной утрате базовых принципов присущих отечественным представителям рассматриваемого социального слоя. Мотивом действия больше не становится потребность в критическом переосмыслении социальной и политической действительности, естественным образом и, снижается градус конфронтации с представителями власти. Невозможность самокритики осложняет исполнение прежних социально значимых функций. Возникает и фактор разобщение интеллигентской среды на антагонистические лагеря – «провластный» и «оппозиционный». Провластная интеллигенция переходит в категорию интеллектуалов-технократов.

¹ Хабибрахманова О. А. Научная интеллигенция 20-30-х годов XX века: изменение состава, трансформация идентичности // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2010. – Т. 152. – № 3–2. – С. 122–129.

Понимая весь спектр стоящих перед обществом проблем, такой слой предпочитает жертвовать прежними социальными функциями взамен новых экономико-правовых преференций и повышения своего статуса в обществе, роста реальных доходов и уровня жизни. В случае с подобными метаморфозами мы получаем человека, внешне ведущего интеллигентский образ жизни, но утерявшего важнейшие качества этого слоя, присущие ему в прежнее время. Утрата внутреннего содержания приводит к выхолащиванию социальной роли¹.

Возникает резонный вопрос, касающийся реального наличия в современном российском обществе слоя классической интеллигенции, ассоциируемого с тем, что принято называть «совестью нации». С любыми прямолинейными попытками ответить на него нами предлагается поступать крайне осторожно и настороженно. Проблема в том, что многие из относящихся к данной социальной группе частично утрачивают свои отдельные типовые черты, просматривавшиеся вполне рельефно в прошлом. Стиль и образ жизни многих представителей креативных и творческих профессий, наиболее значимых и видных представителей ученого сообщества, преподавателей высших учебных заведений, крупнейших деятелей медицинской сферы, видных юристов и т.д. может представляться нам крайне похожим на то, как жили классические представители интеллигентской прослойки в прошлом или даже в дореволюционное время. Это отнюдь не способствует наполнению необходимым личностным и социально значимым содержанием. При этом сами представители данной профессиональной группы достаточно опрометчиво относят себя к числу интеллигенции².

Каким же образом следует определять статус современной отечественной интеллигенции с учетом обозначенных выше обстоятельств отказа от прежних параметров своего социального статуса? Из представителей каких профессиональных слоев состоит современная отечественная интеллигенция? И следует ли вооб-

¹ Мельник Л. И. Интеллигенция в условиях кризисного социокультурного пространства // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2010. – № 1. – С. 38–43.

² Волков Ю. Г. Креативный класс: поиск социологического концепта // Россия реформирующаяся. – 2010. – № 9. – С. 43–60.

ще говорить о ее существовании в наши дни? Вполне возможно речь идет о неких процессах социального размытия и включения прежней интеллигенции в современный «креативный класс», представляющий собой людей, занимающихся разнонаправленной профессиональной деятельностью в творческой сфере и сфере управления?¹

Нам представляется, что наиболее близкими к представителям «старой интеллигенции» (которую следует отличать от т.н. «креативного класса, сформировавшегося под влиянием технократических тенденций рубежа XX–XXI столетий) социально-профессиональными категориями следует считать представителей творческих профессий и носителей классических канонов русской культуры и искусства, не захотевших (или утеравших возможность) превратить предмет своей профессиональной деятельности в продукт культуры масс. Их деятельность сохраняет высокую социальную значимость, но едва ли способна приносить высокий доход. Проблема здесь в том, что сохранение их принадлежности к социальному слою интеллигенции часто носит вынужденный характер. При появлении условий для комфортного изменения образа жизни и уровня дохода мало кто из них удерживается от соблазна пойти проторенным путем, «поддавшись пороку сребролюбия». По этой причине прямая преемственность традиций отечественной интеллигенции в этой среде при ближайшем рассмотрении оказывается под серьезной угрозой.

Ко второй социальной группе, соотносящейся с наиболее общими параметрами, характеризующими интеллигенцию, можно отнести некоторую часть прослойки научной элиты постсоветского пространства. Речь идет в первую очередь об ученых академического плана. Соответствие представителей этой социальной категории понятию интеллигента можно считать безусловным. Следует, однако, заметить, что им не удалось сберечь для себя лидерские позиции. Но следует отметить, что они при этом не сохранили за собой лидирующих общественных функций, того, что принято считать совестью и голосом нации. Конечно, это во многом не

¹ Тощенко Ж. Т. Эволюция смыслов жизни русской/российской интеллигенции (ретроспективный анализ) // Судьбы российской интеллигенции: прошлое, настоящее, будущее: Сб. ст. – М., 2019. – Т. 9. – С. 14–23.

их вина, тем более что часто это люди преклонных лет. Но вот как объяснить то, что часть из них не смогла обеспечить преемственность традиций интеллигенции в своих семьях по отношению к собственным детям?

Одной из наиболее массовых подгрупп отечественной интеллигенции следует считать провинциальных представителей таковой. Сохранение этой социальной группы нам видится особым феноменом, связанным с формированием в общественном мнении преимущественно уважительного отношения к людям с социально значимыми профессиями. Но, к сожалению, эта категория отнюдь не гарантирована от трудностей предыдущей группы. В их случае рельефно прослеживается тот же комплекс проблем, которые мы увязали с преемственностью традиций, степенью общественной значимости.

В последнем случае не следует путать официально провозглашаемую значимость, которую любят подчеркивать местные региональные власти, и реальную, о степени которой можно сделать вывод из непосредственного общения с представителями других социальных групп. В итоге, как ни странно, в наибольшей степени сохранение исторических традиций интеллигенции, степени ее престижа, функциональной нагрузки оказывается свойственно достаточно специфической подгруппе – национальной интеллигенции. В национальных сообществах принадлежность к этой подгруппе может восприниматься даже как принадлежность к духовной элите нации, а не просто как к производителям духовной культуры. При этом можно констатировать наличие определенного конфликта между различными группами национальной интеллигенции.

В любом случае мы наблюдаем явный процесс дезинтеграции социальной группы, сопровождающийся уже не просто сменой ценностных ориентиров, а утратой базовых показателей. Главный вопрос теперь уже не в констатации факта кризиса, а в исследовании степени его глубины и необратимости. С чем мы имеем дело: с расколом социальной группы интеллигенции или ее распадом? Ответ на этот вопрос мы сможем получить только в течение какого-то периода времени, все-таки существование устойчивой социальной группы не меряется десятком лет. Однако печально было бы в качестве итога наблюдать могильный памятник с табличкой «Российская интеллигенция. XIX–XXI вв.».

3.3. ФУНКЦИИ ОЦЕНКИ И ПРОГНОЗА: СПЕЦИФИКА ЭМОЦИЙ В ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Известно, что к интеллигенции относится слой людей, профессионально занимающихся умственным, преимущественно сложным творческим трудом, развитием и распространением культуры. В. И. Даль определил интеллигенцию как «разумную, образованную, умственно развитую часть общества»¹. Традиционно изучаются исторические, философские, культурные и, в меньшей степени — социально-психологические особенности интеллигентного человека. К его основным характеристикам относят амбивалентность, аксиологичность, эмоциональность и сверхсвязность². Для интеллигенции, по мере развития, характерна неоднородность, в силу ее принадлежности к разным классам, интересы которых она обслуживает, осмысляет и выражает. В любом случае, интеллигенция относится к интеллектуальной элите общества и определяет пути его развития.

Феномен интеллигенции привлекает внимание ученых, в первую очередь, духовно-нравственной составляющей. Самой интеллигенцией выделяется символический капитал, этический смысл значения понятия «интеллигент» как ведущая социально-психологическая особенность современной интеллигенции³.

Нравственная элита изучается на примере русской интеллигенции. В исследовании М. И. Володиковой сделаны выводы о сходстве и различиях нравственной элиты и русской интеллигенции, указана принадлежность нравственной элиты к разным слоям российского общества. Отмечаются изменение исторической роли интеллигенции в современной России и размыванием критериев нравственного поведения под воздействием некоторых СМИ. Акцентируется внимание на таких признаках интеллигенции, как

¹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х тт. — М., 2003. — Т. 2: И-О. — С. 46.

² Бакшутова Е. В. Интеллигентский дискурс: время, общество, тексты. — Saarbrücken, 2012. — 248 с.

³ Там же.

профессионализм, образованность, способность противостоять внешнему давлению¹.

Образованность и развитие интеллектуальных способностей есть продукт умственного труда. Как видно, существуют два главных направления деятельности интеллигенции: интеллектуальное и творческое, при этом творческая деятельность предполагает наличие высокого уровня интеллекта как обязательное, но недостаточное условие. Интеллект в целом используется для решения задач, достижения целей, либо – удовлетворения и счастья, если таковые являются целями. Эмоциональный интеллект является необходимым условием для успешного решения как интеллектуальных, так и творческих задач.

Тропизм к интеллектуальным либо творческим видам деятельности связан с дополнительным получением удовольствия в процессе активности, которое возникает при появлении успехов по мере движения к задуманному. К ведущим интеллектуальным функциям психики относятся оценочная и прогностическая.

Оценочная функция психики является базовой в интеллектуальной деятельности. Прогностические способности имеют в основе эмоциональную составляющую: на них влияют эмоциональная окраска событий, эмоции окружающих, эмоциональная память и свойства личности. В эмоциональном опыте личности важную роль играют эмоции успеха-неуспеха, построение прогноза осуществляется как линейно, так и поэтапно, по мере поступления информационных потоков². Эмоции могут провоцировать фиксацию сознания на отдельных аспектах прогноза либо вариантах.

Длительный период времени, затрачиваемый на обработку информации, приводит к утомлению и, как следствие, снижению точности прогноза. Уменьшение объема информации либо време-

¹ Воловикова М. И. Современное значение исследования феномена «нравственная элита» // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. – Т. 3, № 3 (11). – М., 2018. – С. 22–40.

² Александров Ю. И. От эмоций к сознанию // Психология творчества: школа Я. А. Пономарева. – М., 2006. – С. 304–322; Шмырева О. И. Варианты эмоционального прогноза // Международный научно-исследовательский журнал. – 2023. – № 6 (132). // URL: <https://research-journal.org/archive/6-132-2023-june/10.23670/IRJ.2023.132.132> (дата обращения: 16.06.2023). – DOI: 10.23670/IRJ.2023.132.132.

ни анализа может упростить задачу¹. Дефицит времени, особенно, в экстремальной ситуации, приводит к некоторому упрощению образа – использованию схематизации как операции воображения. Приблизительный ориентир, характеристика объекта определяются с помощью бессознательных структур психики, способных к мгновенному измерению и реагированию. Синтетический способ познания краток во времени, экономичен в ресурсных затратах, в ряде случаев оптимален. Происходит замирание либо скольжение взгляда, целостный охват объекта познания, с выделением фигуры и фона. Синтетическое мышление целостно, не требует сложнейших вычислений, при этом позволяет построить довольно точный прогноз. Аналитический способ познания, напротив, последовательный, поэтапный, затратный во времени. Операции анализа и синтеза чередуются в ходе размышлений, замедляя и ускоряя процесс.

Поиск и определение вариантов, остановка в случае нахождения противоречия, углубление в содержательные характеристики объекта и принятие решения – этапы построения прогноза. Важную роль в обработке информации играют текущие эмоции², каждая из которых характеризует удовлетворительное или неудовлетворительное протекание и итоги мыслительных операций. Для определения более высокой ценности одной из альтернатив сознание ищет подсказки, которые могут извлекаться из долговременной памяти, в том числе из того хранилища, сознательный доступ к которому закрыт. При наличии нескольких подсказок сознание перебирает их, определяя обладающую более высокой ценностью. Поиск прекращается после нахождения критической подсказки, сопровождаемой наиболее яркой эмоцией. Прогноз может считаться завершенным при выборе альтернативы, которой благоприятствует данная подсказка.

Эвристические переживания в случае нахождения варианта развития событий усиливают и даже делают непоколебимой уверенность в точности заверщенного полусознательного расчета. Поиск подсказок и признаков нередко алогичен, человек не думает

¹ Бодалев А. А. О человеке в экстремальной ситуации (эмоциональная и интеллектуальная составляющая отношения в выборе поведения) // Мир психологии. – 2002. – № 4 (32). – С. 127–134.

² Там же.

об абстрактных значимостях подсказок, а просто ими доверчиво руководствуется, обращая первоочередное внимание на доступность сенсорных стимулов. Доверие ресурсам собственной психики может быть ограниченным для лиц с некоторыми особенностями характера, например, чертами неустойчивости, нерешительности, боязливости¹. Валидными признаками, согласно которым осуществляется оценка объекта, могут быть интенсивность сенсорного сигнала, неожиданность действующего раздражителя, форма, размер, движение, эстетика, специфическое воздействие на нервную систему и пр. Размышлять об абстрактных характеристиках человек начинает при избытке времени и предрасположенности личности. Конкретизация как мыслительная операция более вероятна при построении прогноза. Она же помогает прервать затянувшийся процесс, особенно при появлении признаков утомления.

Остановка может сопровождаться удивлением, спокойствием, страхом, ожиданием и другими непохожими друг на друга по смысловой нагрузке эмоциями. Ее роль состоит в отделении этапа поиска варианта развития и перехода к решению. Остановка, по сути, является подсказкой сознанию о прерывании поиска, который может стать бессмысленным. Интуитивное понимание правильности и своевременности остановки позволяет остановить и зафиксировать мысль. Не всегда удастся точно разграничить ценности, более высокая ценность побуждает тратить ресурсы в поиске дополнительной выгоды для личности. Поэтому от уровня развития личности в целом зависят и прогностические способности.

Ситуация неопределенности создает переход к творческому стихийному прогнозированию². При недостатке альтернативных вариантов развития событий, во избежание неточности прогноза,

¹ Шмырева О. И. Эмоции и точность прогноза // Современные проблемы гуманитарных и общественных наук: Серия «Духовная жизнь общества и человека: история и современность». – Воронеж, 2023. – № 3 (45). – С. 94–99; Danielsson M., & Bengtsson H. Global self-esteem and the processing of positive information about the self // *Personality and Individual Differences*, 2016. – P. 325–330.

² Шмырева О. И. Варианты эмоционального прогноза // *Международный научно-исследовательский журнал*. – 2023. – № 6 (132) // URL: <https://research-journal.org/archive/6-132-2023-june/10.23670/IRJ.2023.132.132> (дата обращения: 16.06.2023). – DOI: 10.23670/IRJ.2023.132.132.

следует воздержаться от действий до возобновления информационного потока.

Привычные эмоции – те, которые обычно сопровождают познание – могут сыграть злую роль в оценке объекта по инерции¹. Еще один вариант неверного оценивания связан с вероятностным избеганием эмоций или ошибочным толкованием. Интерпретация зависит от уровня развития личности в целом, и не только лишь от ее интеллектуального ресурса².

Память является одним из значимых ресурсов, первым в оценке события или явления. Узнавание как первичная форма воспроизведения наводит на мысль о верности в оценке, сопровождается, как правило, удовлетворением. Подсказка памяти имеет свойство интерпретироваться как нахождение информации, обладающей более высокой ценностью по искомому критерию. При узнавании двух и более альтернатив решающим в оценке становится критерий скорости обработки данных. Далее, при недостатке информации для окончательного оценивания и построения прогноза, может включиться подсчет относительно равноценных критериев, например, положительных и отрицательных признаков объекта. Если ценность критериев приблизительно одинакова или критериев отбора не очень много, подсчет оправдан. Если выбор избыточен, то возможна пауза в обработке, переключение на другой объект либо вид деятельности. Возврат к прерванному занятию происходит после отдыха. Остановка взгляда на объекте или мысли о нем нередко свидетельствуют о нахождении его значения на подсознательном уровне. Для решения задачи необходимо продолжать наблюдение с фиксацией взора на нем, приблизительно так, как поддерживают во время охоты животные постоянный оптический угол между собой и добычей.

Выбор способа оценивания осуществляется в зависимости от возникающих задач, динамики условий и адаптационных механизмов личности, во многом регулирующихся бессознательными

¹ Ford B. Q. Preferring familiar emotions: As you want (and like) it? / B. Q. Ford, M. Tamir // *Cognition and emotion*. – 2014. – Vol. 28. Issue 2. – P. 311–324.

² Shmyreva O. I. The phenomenon of assessment as a function of the cognition process // *Международный научно-исследовательский журнал*. – 2023. – № 8 (134). – URL: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2023.134.31>

процессами¹. Память может ограничить подбор критериев и создать специфические условия для вариантов развития прогноза, а также вероятна подсказка памяти в виде возникновения эмоций успеха-неуспеха, которые направляют или ограничивают в поиске решения.

Особенности личности влияют на протекание когнитивной деятельности. Логический тип личности предпочитает проверенные временем способы обработки информации и склонен действовать по инерции. Интуитивный тип личности более предрасположен к стихийному выбору, опоре на события и наблюдению за объектом, без подсчета веса тех или иных оценочных признаков. Нравственные качества личности могут ограничить количество признаков оценивания в силу их приемлемости либо неприемлемости для человека². В итоге психика использует тот или иной способ обработки информации, осуществляется вероятностный прогноз и делается вывод.

Отсутствие прогноза указывает на многовариантность и несоответствие вкусам и предпочтениям личности. Чувство меры позволяет избежать избыточных усилий по прогнозированию и выбору лучшего варианта. Оптимальным становится срединный оценочный признак, при опоре на который система личностных ресурсов останется в относительно сохранном, наполненном состоянии. Сопроводительной эмоцией в данном случае будет спокойствие либо переживание облегчения.

Также следует отметить, что наличие прогноза запускает подготовку к вероятностным событиям, и уже включает попытки коррекции, с целью улучшения будущего или снижения потерь личности. Сопутствующими эмоциями в подобных случаях будут надежда и тревога, соответственно³.

¹ Бодалев А. А. О человеке в экстремальной ситуации (эмоциональная и интеллектуальная составляющая отношения в выборе поведения) // Мир психологии. – 2002. – № 4 (32). – С. 127–134.

² Шмырева О. И. Эмоции и точность прогноза. С. 94–99.

³ Шмырева О. И. Варианты эмоционального прогноза // Международный научно-исследовательский журнал. – 2023. – № 6 (132) // URL: <https://research-journal.org/archive/6-132-2023-june/10.23670/IRJ.2023.132.132> (дата обращения: 16.06.2023). – DOI: 10.23670/IRJ.2023.132.132.

Нами было рассмотрено, как протекают когнитивные процессы оценки и прогнозирования при обработке информации¹ и трансформация эмоции гнева в ходе развития эмоционального интеллекта². Акцентируется внимание на сопровождении оценки и прогноза эмоциональными процессами, а также – роли эмоций в точности прогноза. Показано, что эмоций влияют на прогнозирование неоднозначно, итог зависит от избирательности и специфического воздействия стимула на психику, от способа когнитивной обработки, уровня развития и особенностей личности, адаптационных механизмов психики. Эмоции могут зафиксировать в сознании интуитивно найденный вариант, а также способствовать увеличению количества ошибок в интерпретации. Отсутствие прогноза после завершения оценки есть результат сформированной многовариантной картины будущего и следующего за ней возможного развития событий, несоответствие картины будущего вкусам и предпочтениям личности. Личность в момент оформления прогноза находится в моменте перехода от внутреннего сопротивления к адаптации и принятию. Отказ от иллюзий требует смелости и готовности к неожиданному развитию событий, поскольку превосходящее зачастую не совпадает с желаниями и предполагает разочарование. Ценность прогноза заключается в новизне отражения, понимании ответственности за выбор пути и управлении некоторыми переменными. Прогноз побуждает реагировать на любой образ вероятностного будущего, приводя не только к изменениям настроения и динамике деятельности и сознания. Помимо стремления к желаемому либо избегания негативного варианта

¹ Shmyreva O. I. The phenomenon of assessment as a function of the cognition process // Международный научно-исследовательский журнал. – 2023. – № 8 (134). – URL: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2023.134.31>

² Shmyreva O. I. 将愤怒情绪转化为控制情绪作为情商发展的标准 // Transforming the emotion of anger into control as a criterion for the development of emotional intelligence // Scientific Research of the SCO countries: Synergy and Integration. Proceedings of the International Conference. August 9, 2023. Beijing, PRC. P. 16–19. ISBN 978-5-905695-82-7. – DOI: 10.34660/INF.2023.39.29.153 (in Engl); Shmyreva O. I. Evaluation and emotions // Practice Oriented Science: UAE – Russia – India. Proceedings of the International University Scientific Forum, Dubai, UAE. August 25, 2023. Dubai. P. 8–11. (in Engl).

будущего возможно погружение в измененное состояние сознания, характеризующееся как переживание потока¹.

Опыт эмоций в познании и построении прогноза может способствовать фиксации интуитивно найденного варианта, а также – ошибке в интерпретации. Отсутствие прогноза при завершении оценивания указывает как на многовариантность, так и на несоответствие картины мира вкусам и предпочтениям личности. Влияние эмоций на прогнозирование неоднозначно и зависит от уровня развития и особенностей личности, ее эмоционального опыта, адаптационных ресурсов, аналитико-синтетической деятельности, избирательности и специфического воздействия стимула на психику².

Таким образом, развитие интеллекта связано со способностями к объективной оценке и построению достоверного прогноза, без которых интеллигенция может утратить свою смысловую значимость. Эмоции отражают прошлый опыт личности и подсказывают верное решение проблемы.

¹ Александров Ю. И. Указ. соч. С. 304–322.

² Шмырева О. И. Эмоции и точность прогноза. С. 94–99.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на разногласия, связанные с анализом такого сложного явления как «интеллигенция», все исследователи сходятся на том, что основополагающей характеристикой интеллигенции является служение. Появление этой черты связано с особенностью формирования и функционирования русского государства. Историки пишут о том, что русское государство после монголо-татарского нашествия складывалось как служилое, в котором каждое сословие несло какую-то службу («тягло»). Однако после освобождения дворян во второй половине XVIII в. от обязательной службы, часть представителей этого сословия добровольно возлагает ее на себя, но не в виде обязательной государственной службы, а в виде «служения народу», не рассчитывая на какое-то материальное вознаграждение или благодарность со стороны народа. Это можно рассматривать как попытку восстановления справедливости по отношению к народу, которые не было освобожден от службы дворянам. Поэтому первоначально интеллигенция формируется в дворянской среде.

Разрушение традиционных сословий российского общества в результате реформ 60-х гг. XIX в. привело к появлению т. н. «разночинцев». В основном эта группа включала в себя детей православных священников, которые для своей деятельности выбрали секулярные сферы. Противопоставляя себя дворянам, они тем не менее восприняли от дворянской интеллигенции идею служения, понимая ее как задачу сделать народ счастливым, даже может быть вопреки его воле. И опять же это служение предполагает ограничение и даже самопожертвование.

Необходимость индустриального развития вызвала резкое увеличение количества образованных людей, среди которых также имелось значительное количество тех, кто рассматривал свою деятельность как служение народу и/или государству, не рассчитывая на какую-то благодарность с их стороны.

Не стоит и говорить о том, что в данной монографии затронуты лишь отдельные аспекты анализа понятия и явления «интеллигенция», отражающие ее происхождение, культурные корни, взаимоотношения с государством и народом. Все это свидетельствует о неисчерпаемости и дискуссионности данной темы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

К введению

Лихачев Д. С. Письма о добром и прекрасном. – М.: АСТ, Времена, 2023. – 379 с.

Лихачев Д. С. О русской интеллигенции. Письмо в редакцию. – Новый мир. – 1993. – № 2. – С. 3–9.

Лихачев Д. С. Преодоление времени: Важные мысли и письма. – М.: АСТ, 2016. – 394 с.

К главе 1

Акиншин А. Н. Судьба краеведов (конец 20-х – начало 30-х годов) // Вопросы истории. – 1992. – № 6/7. – С. 172–178.

Асмус В. Ф. Философия в Киевском университете в 1914–1920 годах // ВФ. – 1990. – № 8. – С. 90–108.

Бакунин М. А. Анархия и Порядок. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. – 704 с.

Башилов Б. История русского масонства. – М.: Православное изд-во «Энциклопедия русской цивилизации», 2003. – 640 с.

Библиотека литературы Древней Руси. – СПб.: Наука, 2006. – Т. 14. Конец XVI – нач. XVII века. – 758 с.

Богданов А. П. Русские патриархи (1589–1700). – М.: ТЕРРА, 1999. – 496 с.

Богданов А. П. Царь Феодор Алексеевич. 1676–1682. – М.: Изд-во Университета Российской Академии Образования, 1998. – 452 с.

Востриков И. В. Два подхода к анализу интеллигенции / И. В. Востриков, С. И. Сулимов // Столкновение цивилизаций и диалог культур: вызовы и ответы современности: труды региональной научной конференции (г. Воронеж, ВГТУ, 18 декабря 2008 г.). – Воронеж: ВГТУ, 2008. – С. 19–35.

Галкин А. Академия в Москве в XVII столетии. – М.: типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1913. – 97 с.

Гетманов Ю. М. Деятельность партийных организаций Центрального Черноземья по формированию кадров советской интеллигенции (1917–1932 гг.). Дисс. на соискание учёной степени канд. ист. наук. – Воронеж, 1968.

Горский А. В. О духовных училищах в Москве в XVII столетии // Прибавления к творениям Святых Отцов в русском переводе. – М., 1845. – Ч. 8. Кн. 2. – С. 147–197.

Данилин А. Г. Бурханизм (из истории национально-освободительного движения в Горном Алтае). – Горно-Алтайск: Ак Чечек, 1993. – 208 с.

Евфимий Чудовский. Остен. Памятник русской духовной письменности XVII века. – Казань: Университетская типография, 1865. – 209 с.

Забелин И. Опыты изучения русских древностей и истории. Исследования, описания и критические статьи. – М.: Тип. Грачева и К., 1872. – Ч. 1. – 569 с.

Замалеев А. Ф. Семестровый курс по истории русской философии // Русская философия. Новые исследования и материалы. – СПб.: Летний сад, 2001. – С. 105–158.

Карпачёв М. Д. Воронежский университет: Вехи истории, 1918–2003. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2003. – 470 с.

Карташев А. В. Очерки по истории русской церкви: В 2 т.: Собрание сочинений. – М.: Терра, 1992. – Т. 2. – 568 с.

Келлер Б. А. Пролетарская революция и советская интеллигенция. – М.: Соцэкгиз, 1937. – 47 с.

Кирилл Иерусалимский, свт. Поучения огласительные и тайноводственные. – М.: Благовест, 2010. – 349 с.

Ключевский В. О. О нравственности и русской культуре. – М.: Дрофа, 2006. – 301 с.

Козловский И. П. Сильвестр Медведев: Очерк из истории рус. просвещения и обществ. жизни в конце XVII в. – Киев: Тип. ун-та св. Владимира, 1895. – 363 с.

Кондаков И. В. Культура России. – М.: Университет – книжный дом, 1999. – 360 с.

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1953). – М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1953. – Ч. 2. 1925–1953. – 1204 с.

Кривцун Л. В. Деятельность коммунистической партии по осуществлению культурной революции в СССР в годы довоенных пятилеток (на материалах областей Центрального Черноземья. Дисс. на соискание учёной степени доктора ист. наук. – Воронеж, 1981. – 473 с.

Крижанич Ю. Политика. – М.: Изд-во «Новый свет», 1997. – 181 с.

Куравский А. Профсоюзы ЦЧО в борьбе за социалистическое строительство // Четыре года социалистической реконструкции ЦЧО: Сб. ст. – Воронеж: Изд-во и тип. кн-ва "Коммуна", 1932. – 168 с.

Лазарь (Баранович). Письма преосвященного Лазаря Барановича с примечаниями. – Чернигов: тип. Ильинского монастыря, 1865. – 256 с.

Лаппо-Данилевский А. С. История русской общественной мысли и культуры XVII–XVIII веков. – М.: «Наука», 1990. – 292 с.

Лутченко А. И. Руководство КПСС формированием кадров технической интеллигенции (1926–1933 гг.) // Вопросы истории КПСС. – 1966. – № 2. – С. 29–42.

Мазаев В. М. Партийное руководство эстетическим воспитанием трудящихся Центрального Черноземья (1928–1937 гг.). Дисс. на соискание учёной степени канд. ист. наук. – Воронеж, 1985. – 238 с.

Майков Л. Н. Очерки из истории русской литературы XVII и XVIII столетия. – СПб.: Издание А. С. Суворина, 1889. – 434 с.

Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви. – М.: Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, 1996. – Книга 7. – 672 с.

Максим Грек, преп. Сочинения преподобного Максима Грека в русском переводе. Часть третья. Разные сочинения. – Свято-Троицкая Сергиева лавра, собственная типография, 1911. – 195 с.

Материальное положение студентов Воронежского университета / под ред. и с предисл. А. Н. Татарчукова. – Воронеж: Тип. изд-ва «В. К.», 1928. – 56 с.

Мокшин Г. Н. Идеологи легального народничества о русской интеллигенции. – Воронеж: Научная книга, 2007. – 357 с.

Муравьёва О. С. Как воспитывали русского дворянина. Опыт знаменитых семей России – современным родителям. – М.: Эксмо, 2014. – 304 с.

Некрасов Н. А. Стихотворения. Кому на Руси жить хорошо. – Уфа: Башкирское книжное издательство, 1970. – 282 с.

Певницкий В. Ф. Симеон Полоцкий. Православное обозрение. – М.: Тип. Университета на Страстном бульваре, 1860. – Т. III, № 10. – С. 193–232.

Подготовка кадров в СССР. 1927–1931 гг. / Центр. упр. нар.-хоз. учета Госплана СССР. – М.; Л.: Соцэкгиз, 1933. – 259 с.

Покровский Н. Е. Российская интеллигенция перед историческим выбором // Интеллигенция в условиях общественной нестабильности. – М.: Эдиториал УРСС, 1996. – С. 8–40.

Пьянкова Т. Е. Я – дочь врага народа: роман. – М.: Вече, 2022. – 384 с.

Пятнадцать лет Воронежского государственного университета. – Воронеж: Изд-во и тип. кн-ва «Коммуна», 1934. – 108 с.

Розенталь М. М. Философские взгляды Чернышевского. – М.: ОГИЗ, 1948. – 312 с.

Рущинский Л. П. Религиозный быт русских у иностранцев XVI и XVII веков. – М.: О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1871. – 337 с.

Серебрякова Е. Г. Универсальные поведенческие модели советских неконформистов в «петиционной кампании» по «делу четырёх» // Вестник научной сессии факультета философии и психологии Воронежского государственного университета. – 2021. – Вып. 21. – С. 91–97.

Сибирь в составе Российской империи / отв. ред. Л. М. Дамешек, А. В. Ремнев. – М.: Новое литературное обозрение, 2001. – 368 с.

Симеон Полоцкий. Избранные сочинения. – М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1953. – 282 с.

Смирнов С. К. История Московской славяно-греко-латинской академии. – М.: Тип. В. Готье, 1855. – 428 с.

Соловьев С. М. Сочинения. В 18 кн. – М.: Голос, 1995. – Кн. V. Т. 9–10. История России с древнейших времен. – 752 с.

Сулимов С. И. Культурология: учебник для студентов негуманитарных факультетов / С. И. Сулимов, И. В. Черниговских, В. Д. Черных. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2020. – 364 с.

Сулимов С. И. Эволюция ценностных установок в мировоззрении русской радикальной интеллигенции: монография / С. И. Сулимов, И. В. Востриков. – Воронеж: ВГУИТ, 2012. – 170 с.

Татарский И. Симеон Полоцкий (его жизнь и деятельность): опыт исследования из истории просвещения и внутренней церковной жизни во вторую половину XVII в. – М.: Типография М. Г. Волчанинова, 1886. – 342 с.

Шмеман А., протопресв. Основы русской культуры. Беседы на Радио Свободы. 1970–1971. – М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 2017. – 416 с.

Ядринцев Н. М. История освоения Сибири (переработанное и обновлённое издание). – М.: Эксмо, 2021. – 640 с.

Яламас Д. А. Столкновение представителей греческой и латинской культур в Москве во второй половине XVII столетия (некоторые эпизоды из жизни братьев Лихудов) // Московский ун-т им. М. В. Ломоносова. Филологический факультет. Научные доклады Филологического факультета МГУ. – М.: Диалог-МГУ, 1998. – Вып. 2. – С. 119–123.

Ямзин И. Центральнo-Чернозёмная область в 5-летке. – М.: Гос. изд-во, 1929. – 38 с.

К главе 2

Алехина Е. В. Феномен интеллигенции в русской религиозной философии начала XX века // Вестник РУДН. Серия Философия. – 2010. – № 2. – С. 78–87.

Анненков П. В. Литературные воспоминания. – М.: Правда, 1989 – 688 с.

Безобразова М. В. Исследования. Лекции. Мелочи. – СПб.: скл. изд. у авт., 1914. – 194 с.

Безобразова М. В. Розовое и чёрное из моей жизни. – М.: Аграф, 2009. – 479 с.

Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: в 13-ти т. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1956. – Т. 12: Письма: 1841–1848. – 596 с.

Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М.: Наука, 1990. – 224 с.

Боброва Л. А. «Высшие женские курсы профессора Герье» в Москве (1872–1888 гг.) // Московский историко-архивный институт. Труды, т. 16. – М., 1961. – С. 253–265.

Ванчугов В. В. Женщины в философии: Из истории философии в России XIX – нач. XX вв. – М.: РИЦ «Пилигрим», 1996. – 304 с.

Вахромеева О. Б. Духовное пространство Университета. Высшие женские (Бестужевские) курсы 1878–1918 гг.: исследования и материалы. – СПб.: ООО «Диада-СПб», 2003. – 254 с.

Вернадский В. И. Основою жизни – искание истины. Записки 1890–1894 гг. // Новый мир. – 1988. – № 3. – С. 202–233.

Вехи. Из глубины. – М.: Правда, 1991. – 608 с.

Вехи; Интеллигенция в России: Сб. ст. 1909–1910. – М.: Мол. гвардия, 1991. – 462 с.

Виппер Р. Ю. Две интеллигенции и другие очерки: Сб. ст. и публ. лекций, 1900–1912. – М.: скл. изд. в кн. маг. В. С. Спиридонова и А. М. Михайлова, 1912. – 321 с.

Витте С. Ю. Воспоминания: Царствование Николая II. В 3 т. – Л.: Гос. изд-во, 1924. – Т. 1. – 471 с.

Д. С. Лихачев – университетские встречи. 16 текстов. – СПб.: Изд-во СПбГУП, 2006. – 96 с.

Женское образование в Российской империи: история борьбы за диплом [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.skillbox.ru>

Запесоцкий А. С. Культурология Дмитрия Лихачева. – СПб.: СПбГУП, 2022. – 528 с.

Иванов А. Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX века. – М., 1991. – 392 с.

Исторический материализм / под общей ред. проф. Ф. В. Константинова. – М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1951. – 747 с.

Каблиц И. И. (И. Юзов). Основы народничества. Ч. 1–2. – СПб.: тип. Н. А. Лебедева, 1888. – Ч. 1. – 466 с.

Конгресс Российской интеллигенции, Москва, 10–11 дек. 1997 г. – СПб.: СПбГУП, 1998. – 291 с.

Кормер В. Ф. Двойное сознание интеллигенции и псевдокультура // ВФ. – 1989. – № 9. – С. 65–79.

Кравченко А. Н. Возникновение и развитие интеллигенции // Социология. – 2007. – № 2. – С. 158–207.

Ленин В. И. Задачи союзов молодёжи (Речь на III Всероссийском съезде Российского коммунистического союза молодежи) // ПСС. – 5-е изд. – М.: Политиздат, 1981. – Т. 41. Май–ноябрь 1920. – С. 298–318.

Лихачев Д. С. О русской интеллигенции: письмо в редакцию // Новый мир. – 1993. – № 2. – С. 3–9.

Лозинский Е. О настоящем и будущем женского движения (в связи с проблемами целомудрия и задачами материнства) // К свету: научно-литературный сборник. – СПб., 1904. – С. 31–78.

Лунин М. С. Общественное движение в России: Письма из Сибири. – М.; Л.: Гос. изд-во, 1926. – 64 с.

Любина Г. И. Мария Шишацкая в Париже: к биографии М. В. Павловой // Природа. – 2015. – № 3. – С. 73–83.

Мелихов А. Креативщики и творцы // Звезда. – 2019. – № 7. – С. 261–265.

Михайлов М. Л. Женщины, их воспитание и значение в семье и обществе; Женщины в университете; Джон Стюарт Милль об эмансипации женщин; Уважение к женщинам. – СПб. : П. А. Картавов, 1903. – 245 с.

Мокшин Г. Н. Идеологи легального народничества о русской интеллигенции. – Воронеж: Научная книга, 2007. – 357 с.

Мусабеков Ю. С. Юлия Всеволодовна Лермонтова (1846–1919). – М.: Наука, 1967. – 80 с.

Обзор деятельности земств по народному образованию по данным за 1898 год. – СПб.: Хоз. деп. М-ва вн. дел, 1902. – 66 с.

Олейник О. Ю. Советская интеллигенция в 30-е годы: (Теорет.-методол. и историограф. аспекты). – Иваново: Иван. гос. энергет. ун-т, 1997. – 167 с.

Островский В. Слоистый Петербург настоящие интеллигенты // Аналитический еженедельник «Дело». – 2002. – № 1/7. – URL: <http://www.idelo.ru/235/>

Павлова Н. Г. Теоретические источники марксистской концепции интеллигенции [Электронный ресурс]. – URL: <https://narusin.ru/pavlova-n-g-theoretical-sources/>

Письмо С. Л. Перовской к матери // ХРОНОС [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.hrono.ru/dokum/1800dok/18810322.html?ysclid=lrxhis9zwx229449740>

Полное собрание речей Императора Николая II: 1894–1906. Составлено по официальным данным «Правительственного Вестника». – СПб.: Друг Народа, 1906. – 80 с.

Полторацкий Н. «Вехи» и русская интеллигенция // Мосты. – 1963. – № 10. – С. 292–304.

Поэты-демократы 1870–1880-х годов: [Сборник]. – Л.: Сов. писатель. Ленингр. отд-ние, 1968. – 784 с.

Розанов В. В. Люди лунного света. Метафизика христианства. – СПб., 1911 – 199 с.

Розанов В. В. Собрание сочинений. О писательстве и писателях. – М.: Республика, 1995. – 733 с.

Русская интеллигенция. История и судьба / Сост. Т. Б. Князевская. – М.: Наука, 2000. – 423 с.

Сараева Е. Л. «Веховская» концепция русской интеллигенции // Ярославский педагогический вестник. – 2012. – № 4. – Том I. – С. 32–39.

Свинцов В. Правда «черная» и «белая» // ВФ. – 1989. – № 9. – С. 164–173.

Семенов Д. Д. Избранные педагогические сочинения. – М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1953. – 400 с.,

Смоляков Л. Я. Социалистическая интеллигенция: Соц.-филос. анализ. – Киев: Политиздат Украины, 1986. – 222 с.

Соколов А. В. Два поколения советской интеллигенции: шестидесятники и восьмидесятники // Мир России. – 2007. – № 3. – С. 74–111.

Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т. 6: Архипелаг ГУЛАГ, 1918–1956. Опыт худож. исслед.: Т. 2: Ч. III–IV. – М.: ИНКОМ НВ, 1991. – 432 с.

Солженицын А. И. Образованщина // Из-под глыб: Сб. ст. – Париж, 1974. – С. 217–259.

Сталин И. В. Речь на VIII съезде ВЛКСМ // Соч. В 16 т. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1949. – Т. 11. 1928 – март 1929. – С. 66–77.

Степанов Ю. С. Константы: Слов. рус. культуры: Опыт исслед. – М.: Яз. рус. культуры, 1997. – 824 с.

Страницы автобиографии В. И. Вернадского. – М.: Наука, 1981. – 349 с.

Судьба российской интеллигенции: [Сб. материалов дискуссий]. – СПб.: СПбГУП, 1999. – 379 с.

Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. – СПб.; М.: Издание книгопродавца типографа М. О. Вольфа, 1881. – Т. 2. И–О. – 807 с.

Толстой Л. Н. Война и мир // Собр. соч. В 12 т. – М.: Правда, 1987. – Т. 3. – 397 с.

Тончу Е. Женское предпринимательство в России [Электронный ресурс]. – URL: <http://a-z.ru/women/texts/tonchu1r-1.htm>

Троицкий Н. А. Женщины на политических процессах в России XIX века // Известия Саратовского университета. Серия. История. Международные отношения – 2007. – Т. 7. – Вып. 1. – С. 29–38.

Тургенев И. С. Дым // Сочинения: В 2-х т. – М.: Худож. лит., 1980. – Т. 2. Повести и романы, 1860–1876. – С. 181–282.

Тургенев И. С. Порог // Полное собр. соч. и писем: в 30 т. – М.: Наука, 1982. – Т. 10. – С. 147–148.

Успенский Б. А. Русская интеллигенция как специфический феномен русской культуры // Россия = Russia : Новая сер. – М.; Венеция: ОГИ, 1999. – Вып. 2(10): Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: история и типология: Материалы междунар. конф., Неаполь, май 1997. – С. 7–18.

Федотов Г. П. Трагедия интеллигенции // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. – М.: Наука, 1990. – С. 403–443.

Фигнер В. Н. Воспоминания: В 3 т. – СПб.: Издательская инициатива because АКТ, 2019. – Т. 3. После Шлиссельбурга. – 440 с.

Фигнер В. Н. Полное собрание сочинений: в 7 томах. – М.: Издательство Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1932. – Т. 6: Письма. – 402 с.

Франк С. Л. Биография П. Б. Струве. – Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1956. – 237 с.

Черниговских И. В. Специфика информационно-символической подсистемы общества // Духовное производство в эпоху позднего капитализма: материалы Междунар. науч. конф., 25 апр. 2020 г. – Донецк: ДОННТУ, 2020. – Вып. 6. – С. 74–80.

Чехов А. П. Письмо Орлову И. И., 22 февраля 1899 г. Ялта // Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. – М.: Наука, 1980. – Т. 8. Письма, 1899. – С. 99–101.

Шмид А. А., Абашин В. Г., Цвелев Ю. Г. К 200-летию со дня рождения Н. И. Пирогова. Женский труд на войне. Участие слушательниц женских врачебных курсов в военных действиях // Журнал акушерства. – 2010. – № 4. – С. 118–123.

Шмидт С. О. К истории слова «интеллигенция» // Россия, Запад, Восток: Встречные течения: [Сб. ст.]: К 100-летию со дня

рождения акад. М. П. Алексеева. – СПб.: Наука: С.-Петерб. изд. фирма, 1996. – С. 409–417.

Энгел Б. А. Русские женщины и революционное наследие: отказ от личной жизни // Посиделки, 1996–1998: дайджест. – СПб.: Петербург. центр генер. проблем, 1999. – С. 9–11.

Яковкина Н. И.: История русской культуры: XIX век: учеб. пособие. – СПб.: Лань, 2002. – 573 с.

Danielsson, M., & Bengtsson, H. Global self-esteem and the processing of positive information about the self // Personality and Individual Differences, 2016. – P. 325–330.

К главе 3

Аймермахер К. Политика и культура при Ленине и Сталине. 1917–1932. – М.: АИРО, 1998. – 204 с.

Александров Ю. И. От эмоций к сознанию // Психология творчества: школа Я. А. Пономарева. – М.: Ин-т психологии РАН, 2006. – С. 304–322.

Алексеев П. В. Революция и научная интеллигенция. – М.: Политиздат, 1987. – 270 с.

Алексеева Г. Д. Октябрьская революция и историческая наука в России (1917–1923 гг.). – М.: Наука, 1968. – 300 с.

Арест-Якубович К. О кризисе российской интеллигенции // Свободная мысль. – 2007. – № 1. – С. 57–73.

Бакшутова Е. В. Интеллигентский дискурс: время, общество, тексты. – Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing. 2012. – 248 с.

Барбашин М.Ю. Социальное значение креативного класса в российском социуме / М. Ю. Барбашини, Ю. Г. Волков, Ф. А. Барков, А. В. Сериков, З. М. Хачецуков // Гуманитарный ежегодник. – 2014. – № 13. – С. 234–241.

Бастракова М. С. Становление советской системы организации науки (1917–1922). – М.: Наука, 1973. – 294 с.

Беленький И. Л. Интеллигенция и ее судьбы в России: из литературы 1993±2007 гг. (библиографические Материалы) // Россия и современный мир. – 2007. – №. 4. – С. 233–253.

Бердяев Н. А. Самопознание. Опыт философской автобиографии. – Париж, 1989. – 424 с.

Берлявский Л. Г. Наука и политика в России XIX–XX вв.: спецкурс для студентов естественных и гуманитарных факультетов. – Ростов-н/Д.: Изд-во РГУ, 1992. – Ч. 1. – 55 с.

Бодалев А. А. О человеке в экстремальной ситуации (эмоциональная и интеллектуальная составляющая отношения в выборе поведения) // Мир психологии. – 2002. – № 4 (32). – С. 127–134.

Быковская Г. А. Научно-техническая политика российского государства: проблемы исторической преемственности и практической реализации. – Воронеж: Воронеж. гос. технол. акад., 2004. – 368 с.

В поисках пути: Рус. интеллигенция и судьбы России. – М.: Рус. кн., 1992. – 381 с.

Варшер Т. С. Виденное и пережитое: (в Советской России). – Берлин: Труд, печ. 1923. – 154 с.

Виргинский В. С. Очерки истории науки и техники XVI–XIX веков (до 70-х гг. XIX в.): Пособие для учителя / В. С. Виргинский. – М.: Просвещение, 1984. – 287 с.

Виргинский В. С. Очерки истории науки и техники с древнейших времен до середины XV века: Кн. для учителя / В. С. Виргинский, В. Ф. Хотеевков. – М.: Просвещение, 1993. – 287 с.

Виргинский В. С. Очерки истории науки и техники, 1870–1917 гг.: Кн. для учителя / В. С. Виргинский, В. Ф. Хотеевков. – М.: Просвещение, 1988 (1989). – 302 с.

Владимир Ильич Ленин: биографическая хроника: 1870–1924. – М.: Политиздат, 1974. – Т. 5: Октябрь 1917 – июль 1918. – 740 с.

Волков Ю. Г. Креативный класс: поиск социологического концепта // Россия реформирующаяся. – 2010. – №. 9. – С. 43–60.

Воловикова М. И. Современное значение исследования феномена «нравственная элита» // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. – М., 2018. – Т. 3. № 3 (11). – С. 22–40.

Голиков Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. – М.: Политиздат, 1986. – Кн. 2. – 397 с.

Горький и наука. Статьи, речи, письма, воспоминания. – М.: Наука, 1964. – 282 с.

Гракина Э. И. Ученые в России в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. – М.: Ин-т рос. ист. РАН, 2000. – 386 с.

Грамши А. Тюремные тетради: в 3 ч. – М.: Издательство политической литературы, 1991. – Ч. 1. – 516 с.

Гранин Д. Не барышом единым // Литературная газета. – 2011. – № 42.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х тт. – М.: Русский язык-Медиа, 2003. – Т. 2: И-О. – 779 с.

Декреты Советской власти. – М.: Госполитиздат, 1957. – Т. 1: 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. – 626 с.

Диденко Д. В. Интерпретация понятия «интеллигенция» в российских энциклопедических словарях конца XIX – начала XX вв. // Интеллигент и интеллигентоведение на рубеже XXI века: итоги пройденного пути и перспективы. Тезисы докладов X международ. науч.-теор. конф. 22-24 сентября 1999 г. – Иваново: ИГУ, 1999. – С. 177–178.

Еремеев В. Е. Введение в историю мировой науки и техники: проспект курса лекций. – М.: Восточная литература, 2012. – 303 с.

Ермаков В. Т. Интеллигентоведение как самостоятельная область научных знаний // Интеллигенция и мир. – 2001. – № 1. – С. 61–65.

Жуков Ю. Н. Становление и деятельность советских органов охраны памятников истории и культуры, 1917–1920. – М.: Наука, 1989. – 301 с.

Загоровский В. П. Воронежская историческая энциклопедия. – Воронеж: Истоки, 1992. – 251 с.

Золотарев О. В. Новая интеллигенция? // Интеллигенция и мир. – 2013. – №. 2. – С. 60–71.

Зубкова Е. Ю. Общество и реформы 1945–1964. – М.: Изд. Центр «Россия молодая», 1993. – 198 с.

Идрисов Р.А. Проблема самоидентификации постсоветской интеллигенции // Российская интеллигенция в условиях цивилизационных вызовов (V Арсентьевские чтения). – Чебоксары: «Интерактив плюс». – 2014. – С. 218–223.

Интеллигенция. Власть. Народ: Антология. – М.: Наука, 1993. – 334 с.

Иоффе А. Ф. Встречи с физиками. Мои воспоминания о зарубежных физиках. – М.: Физматгиз, 1960. – 144 с.

Капица П. Л. О науке и власти. Письма. – М.: Правда, 1990. – 46 с.

Келле В. Ж. Наука как компонент социальной системы. – М.: Наука, 1988. – 198 с.

Кефели И. Ф. История науки и техники: учеб. пособие. – СПб. : БГТУ, 1995. – 170 с.

Короленко В. Г. Испытание // Полтавский день. – 1917. – 29 октября.

Костиков В. В. Не будем проклинать изгнание. Пути и судьбы русской эмиграции. – М.: Международные отношения, 1994. – 525 с.

Кузнецов А. Интеллигенция и ее отсутствие // Известия. – 2006. – 31 июля.

Куманев В. А. 30-е годы в судьбах отечественной интеллигенции. – М.: Наука, 1991. – 295 с.

Кустарёв А. Макс Вебер // История и теория интеллигенции и интеллектуалов. – М.: Фонд «Наследие Евразии», 2009. – С. 188–206.

Лахтин Г. А. Организация советской науки: история и современность. – М.: Наука, 1990. – 224 с.

Ленин В. И. Успехи и трудности советской власти // Полное собрание сочинений. – 5-е изд. – М.: Издательство политической литературы, 1969. – Т. 38. Март – июнь 1919. – С. 39–73.

Лосский Н. О. Воспоминания: жизнь и философский путь. – Мюнхен, 1968. – 334 с.

Луначарский А. В. Десять лет культурного строительства в стране рабочих и крестьян. – М.-Л.: Гос. изд-во, 1927. – 134 с.

Магарил С. А. Исчерпана ли социальная роль интеллигенции? // Социологические исследования. – 2007. – № 1. – С. 132–139.

Малиновская Э. Л. Изучение истории интеллигенции в зарубежных исследованиях // Вестник БДУ. – Сер. 3. – 2016. – № 3. – С. 47–51.

Мангейм К. Идеология и утопия // Мангейм К. Диагноз нашего времени. – М.: Юрист, 1994. – 700 с.

Мандельштам Н. Я. Воспоминания. – Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1970. – 429 с.

Мельник Л. И. Интеллигенция в условиях кризисного социокультурного пространства // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2010. – №. 1. – С. 38–43.

Михайловский А. А. Германия // Мыслящая Россия. История и теория интеллигенции и интеллектуалов. – М.: Фонд «Наследие Евразии», 2009. – С. 116–163.

Мочалов И. И. Владимир Иванович Вернадский (1863–1945). – М.: Наука, 1982. – 288 с.

Народное хозяйство СССР за 70 лет: Юбил. стат. ежегодник. – М.: Финансы и статистика, 1987. – 765 с.

Наука и техника: развитие, достижения, перспективы: учеб. пособие. – Уфа: Уфимский гос. авиационный технический ун-т, 2010. – 330 с.

Наука как социальное явление. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1992. – 167 с.

Наукограды России: сб. аналит. материалов и нормативно-правовых актов. – М.: Изд. Гос. Думы, 2008. – 156 с.

Петровский А. Интеллигенция при наличии отсутствия // Литературная газета. – 2005. – 19–25 окт.

Подрепный Е. И. Оружие победителей: очерки по истории военной техники времен Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. – Арзамас: АГПИ, 2006. – 369 с.

Поляков Ю. А. Великая Октябрьская. – М.: Наука, 1987. – 133 с.

Проблемы организации науки в трудах советских ученых, 1917–1930 годы. Сб. матер. и докум. – Л.: Наука: Ленингр. отделение, 1990. – 227 с.

Раев М. Россия за рубежом. – М.: Прогресс-Академия, 1994. – 292 с.

Российская наука на заре нового века: Сб. науч.-попул. ст. – М.: Науч. мир: Природа, 2001. – 494 с.

Сахаров А. Д. Воспоминания // Знамя. – 1990. – № 12. – С. 51–96; 1991. – № 1. – С. 161–192; № 2. – С. 129–192; № 3. – С. 97–115.

Сборник декретов и постановлений Рабочего и Крестьянского правительства по народному образованию. – М.: Типография Т-во И. Д Сытина, 1919. – Вып. 1 (С 28 октября 1917 по 7 ноября 1918 г.). – С. 159–161.

Смирнов Н. Н. Российская интеллигенция: к вопросу о дефинициях // Историк и революция: Сб. статей к 70-летию со дня рожд. О. Н. Знаменского. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. – С. 41–52.

Смирнова А. М. Столичная интеллигенция в годы первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917 г.): Автореферат... канд. истор. наук. – СПб., 2000. – 26 с.

Сорокин П. Нравственное и умственное состояние современной России // Новый мир. – 1992. – № 5. – С. 161–191.

Старостин Б. А. Параметры развития науки. – М.: Наука, 1980. – 280 с.

Тощенко Ж. Т. Фантомы российского общества. – М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015. – 668 с.

Тощенко Ж. Т. Эволюция смыслов жизни русской/российской интеллигенции (ретроспективный анализ) // Судьбы российской интеллигенции: прошлое, настоящее, будущее: сборник статей. – М.: Изд-во РГГУ. – 2019. – Т. 9. – С. 14–23.

Федотов Г. П. Трагедия интеллигенции // О России и русской философской культуре: Philosophы рус. послеокт. зарубежья: Сборник. – М.: Наука, 1990. – С. 403–443.

Филатова А. А. Концепт интеллигенция в смысловом пространстве современной русской культуры // Логос. – 2005. – Т. 6. – С. 206–217.

Флоря А. В. Слово «интеллигенция» в современном публицистическом дискурсе / А. В. Флоря, С. В. Корносенков // Свободная мысль. – 2009. – № 9. – С. 191–198.

Френкель В. Я. Яков Ильич Френкель. – М.-Л.: Наука, 1966. – 473 с.

Хабибрахманова О. А. Научная интеллигенция 20–30-х годов XX века: изменение состава, трансформация идентичности // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2010. – Т. 152. – №. 3–2. – С. 122–129.

Черных Р. М. От инакомыслия к правозащите // Проблемы социально-политического развития российского общества: межвуз. сб. науч. тр. – Воронеж: ВГТА, 1996. – С. 52–53.

Шейпак А. А. История науки и техники: материалы и технологии: учеб. пособие. – М.: Изд-во МГИУ, 2010. – Ч. 1. – 274 с.; Ч. 2. – 343 с.

Шмырева О. И. Варианты эмоционального прогноза // Международный научно-исследовательский журнал. – 2023. – № 6 (132). – URL: <https://research-journal.org/archive/6-132-2023-june/10.23670/IRJ.2023.132.132>. – DOI: 10.23670/IRJ.2023.132.132

Шмырева О. И. Эмоции и точность прогноза // Современные проблемы гуманитарных и общественных наук. Серия «Духовная жизнь общества и человека: история и современность». – Воронеж: ИПЦ Научная книга, 2023. – № 3 (45). – С. 94–99.

Ярошевский М. Г. Сталинизм и судьбы советской науки // Репрессированная наука: Сб. ст. – Л.: Наука, 1991. – С. 6–33.

Яценко А. С. Русская книга после октябрьского переворота // Русская книга: Ежемесячный критико-библиографический журнал. – 1921. – № 1. – С. 2–7.

Beyrau D. Intelligenz und Dissens. Die russischen Bildungsschichten in der Sowjetunion 1917–1985. – Gottingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1993. – 344 s.

Ford B. Q. Preferring familiar emotions: As you want (and like) it? / B. Q. Ford, M. Tamir // Cognition and emotion. – 2014. – Vol. 28. Issue 2. – P. 311–324.

Gehlen A. Gesamtausgabe. – Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1978. – Bd. 7: Einblicke. – 589 s.

Lepenies W. Gefährliche Wahlverwandschaften: Essays zur Wissenschaftsgeschichte. – Stuttgart, 1989. – 165 s.

Schelsky H. Die Arbeit der Anderen: Klassenkampf und Priesterherrschaft der Intellektuellen. – Westdeutscher Verlag, Opladen; Auflage: 2. Aufl. 1975. – S. 13.

Shmyreva O. I. Evaluation and emotions // Practice Oriented Science: UAE – Russia – India. Proceedings of the International University Scientific Forum, Dubai, UAE. August 25, 2023. Dubai. P. 8–11. (in Engl). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2016.05.014> (in Engl).

Shmyreva O. I. The phenomenon of assessment as a function of the cognition process // Международный научно-исследовательский журнал. – 2023. – Выпуск: № 8 (134). – URL: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2023.134.31>

Shmyreva O.I. 将愤怒情绪转化为控制情绪作为情商发展的标准 // Transforming the emotion of anger into control as a criterion for the development of emotional intelligence // Scientific Research of the SCO countries: Synergy and Integration. Proceedings of the International Conference. August 9, 2023. Beijing, PRC. P. 16 – 19. ISBN 978-5-905695-82-7. – DOI: 10.34660/INF.2023.39.29.153 (in Engl).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бабаева Анна Владимировна – доктор философских наук, профессор кафедры философии и истории Воронежского государственного университета инженерных технологий.

Банникова Наталия Федоровна – кандидат исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и историографии Самарского национального исследовательского университета им. академика С. П. Королева.

Баранов Дмитрий Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и истории Воронежского государственного университета инженерных технологий.

Барышников Сергей Викторович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и истории Воронежского государственного университета инженерных технологий.

Быковская Галина Алексеевна – доктор исторических наук, заведующий кафедрой, профессор кафедры философии и истории Воронежского государственного университета инженерных технологий.

Злобин Андрей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и истории Воронежского государственного университета инженерных технологий.

Сулимов Станислав Игоревич – доктор философских наук, доцент кафедры истории философии и культуры Воронежского государственного университета.

Черниговских Игорь Васильевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и истории Воронежского государственного университета инженерных технологий.

Черных Владимир Дмитриевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и истории Воронежского государственного университета инженерных технологий.

Шатилов Сергей Федорович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и истории Воронежского государственного университета инженерных технологий.

Шмырева Ольга Ивановна – кандидат психологических наук, доцент кафедры философии и истории Воронежского государственного университета инженерных технологий.

Оглавление

Вместо введения. Д. С. Лихачев об интеллигентности и интеллигенции (С. В. Барышников)	3
Глава 1. Ранний период: исторический срез	6
1.1. Поиск пути к Знанию: Сильвестр Медведев, Симеон Полоцкий, Епифаний Славинецкий (В. Д. Черных)	6
1.2. Интеллигенция как феномен русской культуры (С. И. Сулимов)	23
1.3. Формирование советской интеллигенции в Центрально-Чернозёмной области (1928–1934 гг.) (А. Н. Злобин)	47
Глава 2. Интеллигенция: сущностные характеристики..	75
2.1. Русская интеллигенция: гендерный аспект (А. В. Бабаева)	75
2.2. Интеллигенция и культура: соотношение понятий (Н. Ф. Банникова)	94
2.3. Интеллигенция: понятие и явление (И. В. Черниговских)	111
2.4. Проблема интеллигенции в контексте русской религиозно-философской мысли рубежа XIX–XX веков (С. Ф. Шатилов)	132
Глава 3. Интеллигенция в современном мире	147
3.1. Власть и интеллигенция: взаимодействие и конфронтация (Г. А. Быковская)	147
3.2. Интеллигенция в постсоветской России (Д. А. Баранов)	172
3.3. Функции оценки и прогноза: специфика эмоций в познавательной деятельности интеллигенции (О. И. Шмырева)	185
Заключение (И. В. Черниговских)	193
Библиографический список	194
Сведения об авторах	210

Научное издание

Бабаева Анна Владимировна
Банникова Наталья Федоровна
Быковская Галина Алексеевна
Баранов Дмитрий Александрович
Барышников Сергей Викторович
Злобин Андрей Николаевич
Сулимов Станислав Игоревич
Черниговских Игорь Васильевич
Черных Владимир Дмитриевич
Шатилов Сергей Федорович
Шмырева Ольга Ивановна

**РОССИЙСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ:
ФОРМИРОВАНИЕ, ИСТОРИЯ,
СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ
(ФИЛОСОФСКО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД)**

В авторской редакции и авторском наборе

Подписано в печать 24.04.2024. Формат 60×84/16.

Усл. печ. л. 12,3. Тираж 100 экз. Заказ 13.

ФГБОУ ВО «Воронежский университет инженерных технологий»
(ФГБОУ ВО «ВГУИТ»)

Отдел полиграфии ФГБОУ ВО «ВГУИТ»

Адрес университета и отдела полиграфии:

394036, Воронеж, пр-т Революции, 19